

127 (158w)
95
40 ЛѢТЪ
СРЕДИ УБІЙЦЪ И ГРАБИТЕЛЕЙ

ЗАПИСКИ ПЕРВАГО НАЧАЛЬНИКА
ПЕТРОГРАДСКОЙ СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ
И. Д. ПУТИЛИНА

ТОМЪ I.

ксерокопия

ПЕТРОГРАДЪ — МОСКВА.
Книгоиздательство „Рубиконъ“
1916

Изд. АНН, С-ва Тип. Д-ва в Петрограде.
7 РОТ, 80.

...Я впился глазами въ эти строки.

Иванъ Дмитріевичъ Путилинъ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

И. Д. Путилинъ принадлежитъ къ тому нерѣдкому, къ счастью, типу даровитыхъ русскихъ людей, которые только собственными трудами и способностями проложили себѣ дорогу въ жизни.

Сынъ бѣднаго чиновника (коллежскаго регистратора) И. Д. родился въ г. Новомъ Осколѣ, Курской губерніи, въ маѣ мѣсяцѣ 1830 г. Родители его перебивались, что называется, съ хлѣба на квасъ, и по достиженіи Ваней десятилѣтняго возраста опредѣлили его въ Новооскольское уѣздное училище, курсъ котораго былъ оконченъ мальчикомъ въ 4 года. Учился онъ въ этомъ училищѣ, какъ видно изъ сохранившагося «свидѣтельства», въ общемъ только посредственно, при хорошемъ поведеніи. Впрочемъ, судя по воспоминаніямъ самого И. Д., въ этотъ періодъ своей жизни ни онъ особенно не налегаль на книжное ученье, ни домашніе не налегали на него во имя того же ученья. Школьной тогдашней наукѣ онъ предпочиталъ игры со сверстниками на открытомъ воздухѣ. Это было и къ лучшему. Подобный режимъ укрѣпилъ его здоровье и способствовалъ выработкѣ самостоятельнаго и энергичнаго характера.

Какъ бы то ни было, но 14-ти лѣтъ молодой Путилинъ уже окончилъ курсъ «уѣздной» науки, а матеріальные недостатки семьи заставляли серьезно призадумываться и его, и родителей о присканіи какого-либо мѣста.

И вотъ, послуживъ нѣсколько лѣтъ въ Новомъ Осколѣ, молодой И. Д. Путилинъ рѣшается отправиться въ Петроградъ попытать счастья. Это было въ пятидесятыхъ годахъ, И. Д. было въ это время около двадцати лѣтъ.

Отправляясь въ столицу, И. Д. имѣлъ тамъ нѣкоторую, какъ говорятъ, «заручку»: старшій братъ его, Василій, получившій образованіе въ межевомъ институтѣ, служилъ здѣсь уже нѣсколько лѣтъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Онъ же содѣйствовалъ и тому, что прибывшій въ Петроградъ младшій братъ поступилъ на службу канцелярскимъ служителемъ въ то же министерство, въ хозяйственный департаментъ.

Способности и необыкновенное трудолюбіе молодого человѣка, скромнѣйшаго «канцелярскаго служителя», были скоро замѣчены и оцѣнены здѣсь. Но съ однимъ свидѣтельствомъ объ окончаніи уѣзднаго училища И. Д. Путилину пришлось если бы и не всю жизнь, то во всякомъ случаѣ очень и очень долго пробыть въ положеніи канцелярскаго писца. Это заставило молодого человѣка призадуматься. Случилось, къ счастью, что непосредственный начальникъ И. Д., столоначальникъ, а впоследствии и вице-директоръ И. А. Виноградовъ принималъ въ своемъ канцеляристѣ близкое участіе и совѣтовалъ ему учиться еще и еще.

Всѣ свои свободные вечера и часы И. Д. началъ проводить съ этихъ поръ за книгой. Изъ своего болѣе чѣмъ скромнаго жалованья онъ ухитрился кое-что

урывать на наемъ учителей изъ студентовъ. И старанія его увѣнчались успѣхомъ. Въ 1853 году, т. е. на 23-мъ году жизни, И. Д. выдержалъ при петроградскомъ университетѣ экзаменъ изъ полного гимназическаго курса, что дало ему право быть причисленнымъ по образованію ко 2-му разряду гражданскихъ чиновниковъ. Но на службѣ въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ И. Д. Путилинъ пробылъ лишь до конца 1854 года. Въ декабрѣ же этого года онъ рѣшилъ перейти на болѣе подвижную, хотя и болѣе хлопотливую, полицейскую службу. По прошенію онъ былъ перемѣщенъ на должность младшаго помощника квартальнаго надзирателя Толкучаго рынка.

Съ этой маленькой должности началась полицейская почти сорокалѣтняя карьера И. Д. Путилина, съ этого же времени начались непрестанные и быстрые успѣхи его по службѣ, отличія и награды. А съ 1866 года, когда при петроградскомъ оберъ-полицеймейстерѣ, а впоследствии градоначальникѣ было учреждено управленіе сыскной полиціи, И. Д. былъ назначенъ начальникомъ послѣдней. Это управленіе сыскной полиціей продолжалось почти непрерывно съ 1866 года по 1889 годъ; и свою службу И. Д. окончилъ въ чинѣ тайнаго совѣтника, со звѣздой Анны 1-ой степени. Досталось все это, впрочемъ, новѣйшему русскому Лекоку, какъ сейчасъ увидимъ, не даромъ.

Самый бѣглый пересмотръ исторіи всякаго рода мошенничества и преступленій второй половины прошлаго столѣтія тотчасъ показываетъ, что въ лицѣ И. Д. Путилина преступные элементы Россіи имѣли достойнаго противника. Благодаря ему, огромныя суммы денегъ были возвращены казнѣ и частнымъ лицамъ, сдѣлавшимся жертвой различнаго рода преступленій; были изобличены и раскрыты цѣлые ряды

грандиозныхъ мошенничествъ, подлоговъ, таможенныхъ преступлений, поджоговъ, поддѣлокъ кредитныхъ билетовъ, загадочныхъ убійствъ и всякаго иного вида и сорта преступныхъ дѣяній...

И. Д. Путилинъ былъ полицейскимъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова не только по службѣ, но и по призванію. Объ этомъ свидѣтельствуетъ какъ то, что онъ самъ добровольно избралъ родъ этой дѣятельности, такъ и то, какъ любовно относился онъ къ своему дѣлу. Тотчасъ, при самомъ началѣ своей полицейской карьеры въ должности младшаго помощника квартальнаго надзирателя на Толкучемъ рынкѣ, онъ съ интересомъ и серьезно началъ знакомиться съ преступнымъ міромъ Петрограда. Первый попавшійся ему въ начальство квартальный надзиратель оказался человѣкомъ весьма строгимъ и требовательнымъ по службѣ. И. Д. пришлось пройти хорошую начальную школу. Независимо отъ этого онъ, изъ любви къ искусству, въ свободные часы переодѣвался въ костюмъ чернорабочаго или босняка, или въ иной и посѣщалъ всякаго вида и рода постоянные дворы, притоны, трактиры и вертепы, гдѣ околачивалась всякая безпріютная и преступная петроградская перекатная голь и нищета. Здѣсь онъ вслушивался, запоминалъ рѣчи, разговоры и лица, изучалъ воровской жаргонъ, заводилъ даже всякаго рода знакомства.

Подобное «изученіе» иногда было далеко не безопасно. Такъ, на первыхъ порахъ этого изученія И. Д. попалъ однажды въ «Золотой якорь» на Васильевскомъ островѣ, и здѣсь, во время поднявшейся общей свалки, ему, между прочимъ, такъ помяли бока, что онъ насилу ушелъ. Этотъ урокъ, впрочемъ, нисколько не охладилъ усердія молодого чело-вѣка, и онъ продолжалъ свою практику. Зато разы-

грывать роли то чернорабочаго, то купца, то босняка, то даже духовнаго лица онъ научился въ совершенствѣ, и это въ теченіи всей его дальнѣйшей карьеры сослужило ему не малую службу.

Интересные факты рассказывалъ по этому поводу покойный. Въ особенности пригодилося ему это умѣнье переодѣваться и играть роли при раскрытіи знаменитой въ свое время фабрикаціи фальшивыхъ ассигнацій въ Богородскомъ уѣздѣ, Московск. губ., организованной въ широкихъ размѣрахъ братьями Пуговкиными. И. Д. приходилось здѣсь играть роль діакона, якобы высланнаго изъ Москвы на послушаніе... Дѣло удалось раскрыть блестяще. Оказалось, что поддѣлка кредитокъ была доведена до совершенства и сбывалось ихъ не менѣе полумилліона ежегодно. Обвиняемые пригласили лучшихъ адвокатовъ своего времени, и защита велась блестяще. Но Путилину удалось найти и блестящихъ въ своемъ родѣ свидѣтелей. Такъ, одинъ изъ нихъ на вопросъ предсѣдателя: «что вамъ извѣстно по дѣлу Пуговкиныхъ?» отвѣтилъ:

— Ничего не извѣстно.

— Ну, а чѣмъ занимались братья Пуговкины? — спрашиваютъ его.

— Чѣмъ?.. Извѣстно чѣмъ, — былъ отвѣтъ, — деньги дѣлали!.. Это всякій мальчонка знаетъ.

Этотъ простой, но искренній отвѣтъ произвелъ свое впечатлѣніе на присяжныхъ, и все краснорѣчіе адвоката не могло его изгладить. Пуговкины пошли на каторгу.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одно замѣчательное наблюденіе, вынесенное И. Д. изъ своей многолѣтней практики. Самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ и страшныхъ убійцъ онъ всегда допрашивалъ въ своемъ кабинетѣ съ глазу на глазъ. И не было случая,

чтобы кто-либо, когда-нибудь поднять на него руку или даже оскорбить его словомъ.

Это гуманное отношеніе къ преступникамъ, какъ это ни странно, создавало И. Д. «пріятелей» въ этомъ своеобразномъ мірѣ. И частенько, отправляясь въ тюрьму по тѣмъ или инымъ дѣламъ, Путилинъ находилъ здѣсь старыхъ знакомыхъ арестантовъ, которые спрашивали объ обстоятельствахъ дѣла и... по секрету давали ему весьма цѣнные указанія и совѣты...

Въ 1889 году закончилась почти сорокалѣтняя полицейская служба Ив. Дм., удалившагося по болѣзни окончательно въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника.

По выходѣ въ отставку Путилинъ поселился въ своей усадьбѣ, на рѣкѣ Волховѣ, въ Новоладожскомъ уѣздѣ. Здѣсь, на свободѣ, у него созрѣла мысль работать и издать, въ видѣ записокъ, накопившійся у него за долготѣнную службу интереснѣйшій матеріалъ по всякаго рода уголовной хроникѣ Россіи. Нечего и говорить, насколько были бы интересны подобныя записки, доведенныя до конца непосредственно самимъ Ив. Дм. Онъ уже и принялся было за нихъ. Привелъ въ порядокъ многія бумаги, набросалъ планъ и распорядокъ записокъ, принялся за ихъ детальную разработку.

Но какъ разъ въ то время, когда онъ желалъ приступить къ печатанію своихъ записокъ, смерть неслышно подкралась къ нему и унесла его въ могилу. 18 ноября 1893 года, въ 7 часовъ вечера, Ив. Дм. умеръ у себя въ деревнѣ отъ инфлюэнцы, осложненной острымъ отекомъ легкихъ, какъ опредѣлилъ причину его смерти мѣстный земскій врачъ.

Такъ окончилась жизнь этого безпорно замѣчательнаго въ своемъ родѣ служилаго русскаго чело-

вѣка. Къ сказанному остается только прибавить, что послѣ покойнаго не осталось никакого состоянія: и движимое, и недвижимое пошло «съ молотка» для расчета съ кредиторами...

Въ рукахъ наслѣдниковъ остались только отцовскія записки да груды всякихъ интересныхъ матеріаловъ.

Таинственное убійство австрійскаго военнаго агента.

Это было почти сначала моей дѣятельности въ качествѣ перваго начальника управленія сыскной полиціи, учрежденнаго при петроградскомъ оберъ-полицеймейстерѣ, потомъ градоначальникѣ, въ 1866 году.

25 апрѣля 1871 года, часу въ девятомъ утра, въ управленіе сыскной полиціи мнѣ было дано знать, что австрійскій военный агентъ князь Людвигъ фонъ-Аренсбергъ найденъ камердинеромъ мертвымъ въ своей постели.

Князь жилъ на Милліонной улицѣ въ домѣ, принадлежавшемъ ранѣе князю Голицыну, близъ Зимняго дворца, какъ разъ противъ помѣщенія перваго батальона Преображенскаго полка.

Военный агентъ занималъ весь нижній этажъ дома, окнами на улицу. Квартира имѣла два хода: парадный, съ подъѣздомъ на Милліонную, и черный. Парадные комнаты сообщались съ людскими довольно длиннымъ коридоромъ, оканчивавшимся небольшими сѣнями. Верхній этажъ дома былъ не занятъ.

У князя было шесть человѣкъ прислуги: камердинеръ, поваръ, кухонный мужикъ, берейторъ и два кучера. Но изъ всѣхъ ихъ лишь одинъ кухонный мужикъ находился безотлучно при квартирѣ, ночуя въ людской. Камердинеръ и поваръ на ночь ухо-

дили къ своимъ семьямъ, жившимъ отдѣльно, берейторъ тоже постоянно куда-то отлучался, кучера же жили во дворѣ въ отдѣльномъ помѣщеніи.

Князь былъ человѣкъ еще не старый, лѣтъ подъ 60, холостой и прекрасно сохранившійся. Онъ мало бывалъ дома. Днемъ разъѣзжалъ по дѣламъ и съ визитами, обѣдалъ обыкновенно у своихъ многочисленныхъ знакомыхъ и заѣзжалъ домой только часовъ около восьми вечера. Здѣсь часъ, много два, отдыхалъ и вечеръ проводилъ въ Яхтъ-клубѣ, возвращаясь домой съ разсвѣтомъ.

Не желая, вѣроятно, имѣть свидѣтелей своего поздняго возвращенія, а, можетъ быть, руководясь иными соображеніями, но швейцара при парадной входной двери князь не захотѣлъ держать и настоялъ на томъ, чтобы домовладѣлецъ отказалъ бывшему прежде швейцару. Ключъ отъ парадной двери для ночныхъ возвращеній онъ держалъ при себѣ.

Когда князь бывалъ дома, парадная дверь днемъ оставалась открытой.

Сложная задача.

Получивъ извѣстіе о смерти князя фонъ-Аренсберга, я, конечно, не теряя ни минуты, направивъ къ квартирѣ князя нѣсколькихъ своихъ агентовъ, прибылъ туда самъ. Вскорѣ за мной явился туда же прокуроръ окружнаго суда, а вслѣдъ за нимъ масса высокопоставленныхъ лицъ, въ томъ числѣ тогдашній австрійскій посолъ при нашемъ Дворѣ графъ Хотекъ.

Дѣло всполощило и взволновало весь Петроградъ. Государь повелѣлъ ежечасно докладывать ему о результатахъ слѣдствія. Надо сознаться, что при такихъ обстоятельствахъ, въ присутствіи такого числа

Въ половинѣ девятаго часа камердинеръ—безшумно вошелъ въ спальню, чтобы разбудить князя.

и такихъ высокихъ лицъ было не только трудно работать и соображать, но даже, какъ мнѣ казалось, было поставлено на карту существованіе самой сыскной полиціи, не говоря уже о моей карьерѣ.

«Отыщи или погибни!».. говорили, казалось мнѣ, глаза всѣхъ. Но надо было дѣйствовать...

Предварительный осмотръ далъ только слѣдующее.

Никакихъ взломовъ дверей или оконъ не замѣчалось. Злоумышленникъ или злоумышленники вошли въ квартиру, очевидно, открывъ дверь готовымъ ключемъ.

Изъ показаній прислуги выяснилось, что около шести-семи часовъ утра камердинеръ князя, вмѣстѣ съ поваромъ, возвратились на Милліонную, проводя всю ночь въ гостяхъ.

Въ половинѣ девятаго часа камердинеръ безшумно вошелъ въ спальню, чтобы разбудить князя. Но, при видѣ царившаго въ комнатѣ беспорядка, остановился, какъ вкопанный, затѣмъ круто повернулъ назадъ и бросился въ людскую.

— Петровичъ, съ княземъ несчастье!.. — задыхаясь, сказалъ онъ повару, и они оба со всѣхъ ногъ бросились въ спальню, гдѣ глазамъ ихъ представилась такая картина: опрокинутыя ширмы, лежавшая на полу лампа, розлитый керосинъ, сбитая кровать и одѣяло на полу. Голыя ноги князя торчали у изголовья, а голова была въ ногахъ кровати.

— Оставайся здѣсь, а я пошлю дворника за полиціей, — сказалъ поваръ.

Наканунѣ же этого несчастнаго дня, т. е. 24 апрѣля 1871 года, князь, по обыкновенію, въ 9¼ часовъ вечера вышелъ изъ квартиры и приказалъ камердинеру разбудить себя въ 8½ часовъ утра. У подъѣзда онъ взялъ извозчика и поѣхалъ въ Яхтъ-клубъ. Ка-

мердинеръ затворилъ на ключъ парадную дверь, поднялся въ квартиру и, подойдя къ столику въ передней, положилъ туда ключъ отъ парадной.

Камердинеръ убралъ спальню, приготовилъ постель, спустилъ шторы, вышелъ изъ комнатъ, заперъ ихъ на ключъ и черезъ дверь, которая соединяла корридоръ съ сѣнями, отправился въ людскую, гдѣ его поджидалъ поваръ; четверть часа спустя, камердинеръ съ поваромъ сѣли на извозчика и уѣхали. Вотъ и все, что удалось узнать отъ прислуги.

Въ комнатѣ-спальнѣ князя царилъ хаосъ. Одного взгляда было достаточно, чтобы убѣдиться, что князь былъ задушенъ послѣ отчаяннаго съ его стороны сопротивления.

Лицо убитого было закрыто подушкой, и когда, по распоряженію прокурора, подушка была снята, то присутствующіе увидѣли трупъ, лежащій ногами къ изголовью. Руки его были сложены на груди и завернуты въ конецъ простыни, а загѣмъ перевязаны оторваннымъ отъ оконной шторы шнуркомъ. Ноги были тоже завязаны выше колѣнъ собственной рубашкой убитого, около шиколотокъ же онѣ были перевязаны обрывкомъ бечевки. Когда трупъ приподняли, то подъ нимъ нашли фуражку.

Одѣяло и подушки валялись на полу, залитомъ керосиномъ изъ разбитой и валявшейся тутъ же лампы. На бѣлѣ видны были слѣды крови, вѣроятно, отъ рукъ убійцы, такъ какъ на тѣлѣ князя никакихъ ранъ не было.

По словамъ камердинера похищены были разныя вещи, лежавшія въ столикѣ около кровати: золотыя французскія монеты, золотые часы, два иностранныхъ ордена, 9 бритвъ, серебряная мыльница, три револьвера и принадлежавшая покойному пуховая шляпа — цилиндръ.

Въ комнатѣ, рядомъ со спальней, мебель была перевернута. На крышкѣ несгораемаго сундука, гдѣ хранились деньги князя и дипломатическіе документы, были замѣтны поврежденія и слѣды крови. Видимо, злоумышленники потратили много силъ, чтобы открыть сундукъ или оторвать его отъ пола, но толстыя цѣпи, которыми онъ былъ прикрѣпленъ къ полу, не поддались. Около окна валялся поясной ремень, а на окнѣ стояла маленькая, пустая «косушка» и лежалъ кусочекъ чухонскаго масла, завернутый въ бумагу.

Вотъ все, съ чѣмъ предстояло начать поиски.

По горячимъ слѣдамъ.

Чтобы имѣть еще какія-нибудь улики, я началъ внимательно всматриваться въ убитого и замѣтить, что трупъ князя лежалъ головой въ сторону противоположную отъ изголовья кровати.

Это положеніе трупа не случайное, подумалъ я. Злодѣи во время борьбы прежде всего постарались отдалить князя отъ сонетки, висѣвшей какъ разъ надъ изголовьемъ, за которую князь неминуемо долженъ былъ ухватиться рукою, если бы злодѣи на первыхъ же порахъ не позаботились перемѣстить его тѣло такъ, чтобы онъ не могъ уже достать сонетки и, стало быть, позвать къ себѣ на помощь спавшаго на кухнѣ кухоннаго мужика.

Но такъ поступить, очевидно, могъ только человекъ домашній, знавшій хорошо привычки князя и расположеніе комнатъ.

Вотъ первое заключеніе, сложившееся у меня въ тѣ нѣсколько минутъ, которыя я провелъ у кровати покойнаго. Само собой разумѣется, что этихъ предположеній я не сообщалъ покуда ни прокурору, ни всему

блестящему обществу, присутствовавшему въ квартирѣ князя при осмотрѣ.

Я принялся опять за разспросы камердинера, кучеровъ, конюха, дворника и кухоннаго мужика.

Не надо было много труда, чтобы убѣдиться, что между ними убійцы нѣтъ. Ни смущенія, ни сомнительныхъ отвѣтовъ, ни, вообще, какихъ-нибудь данныхъ, внушающихъ хотя бы тѣнь подозрѣнія на домашнюю прислугу князя, не обнаружилось. Съ этой стороны вопросъ, какъ говорится, былъ исчерпанъ... И все-таки я не отказывался отъ мысли, что убійца князя — близкій къ дому человекъ.

Тогда я вновь принялся за разспросы прислуги, питая надежду, что между знакомыми послѣдней найдутся подозрительныя лица.

Надо сказать, что прислуга покойнаго князя, получая крупное жалованье и пользуясь при этомъ большою свободой, весьма дорожила своимъ мѣстомъ и жила у князя по нѣсколько лѣтъ, — исключеніе въ этомъ случаѣ составлялъ кухонный мужикъ, который поступилъ къ князю не болѣе трехъ мѣсяцевъ тому назадъ.

Прекрасная аттестація о немъ графа Б., у котораго онъ служилъ десять лѣтъ до отъѣзда послѣдняго за границу, всѣ собранныя о немъ свѣдѣнія и правдивые отвѣты о томъ, какъ онъ провелъ послѣднюю ночь, внушали полную увѣренность въ его неприкосновенности къ этому дѣлу.

Я хотѣлъ уже кончить допросъ, какъ вдругъ у меня явилась мысль спросить кухоннаго мужика, кто жилъ у князя до его поступленія.

— Я поступилъ къ князю, когда уже былъ рассчитанъ прежде меня служившій кухонный мужикъ, и потому я его не видалъ и не знаю.

Стоявшій тутъ же дворникъ, при послѣднихъ словахъ кухоннаго мужика сказалъ:

— Да онъ вчера былъ здѣсь.

— Кто это «онъ»? — спросилъ я у дворника.

— Да Гурій Шишковъ, прежній кухонный мужикъ, служившій у князя!.. — послѣдовалъ отвѣтъ.

Послѣ разспросовъ прислуги и дворниковъ оказалось, что служившій мѣсяца три тому назадъ у князя кухоннымъ мужикомъ крестьянинъ Гурій Шишковъ, только что отсидѣвшій въ тюрьмѣ свой срокъ по приговору мирового судьи за кражу, совершенную имъ гдѣ-то на сторонѣ, заходилъ за день до убійства во дворъ этого дома, чтобы получить расчетъ за прежнюю службу, но, не дождавшись князя, ушелъ, сказавши, что зайдетъ другой разъ.

Предчувствіе или опытъ подсказали мнѣ, что эта личность можетъ послужить ключомъ къ разгадкѣ тайны.

Но гдѣ же проживаетъ Шишковъ? У кого онъ служить или служилъ раньше?

На всѣ эти вопросы, задаваемые мной прислугѣ князя, послѣдняя ничего не могла отвѣтить. Никто ничего не зналъ.

Немедленно я послалъ агента въ адресный столъ узнать адресъ Шишкова. Прошелъ томительный часъ, пока агентъ не явился обратно.

«На жительство, по свѣдѣніямъ адреснаго стола, Гурій Шишковъ въ Петроградѣ не значится». Вотъ отвѣтъ, который принесъ агентъ.

Между тѣмъ, узнать мѣстожительство Гурія Шишкова для успѣха дѣла было весьма важно. Но какъ это сдѣлать? Подумавъ, я рѣшилъ пригласить полицейскаго надзирателя Б., велѣлъ ему, не медля, ѣхать въ тюрьму, въ которой сидѣлъ Шишковъ и постараться получить свѣдѣнія о крестьянинѣ Гурѣ Шиш-

ковѣ, выпущенномъ на свободу нѣсколько дней тому назадъ. Свѣдѣнія эти онъ долженъ былъ получить отъ сидѣвшихъ съ Шишковымъ и отбывающихъ еще срокъ наказанія арестантовъ. Полицейскій чиновникъ поѣхалъ исполнять мои приказанія.

Я былъ вполне увѣренъ, что этотъ пріемъ дастъ желаемые результаты.

Быть не можетъ, думалъ я, чтобы во время трехмѣсячнаго сидѣнія въ тюрьмѣ Шишковъ не разсказалъ о себѣ или о своихъ родныхъ тому, съ кѣмъ онъ велъ дружбу. Весь вопросъ въ томъ, сумѣетъ ли вывѣдать Б. то, что нужно.

Черезъ три часа я уже зналъ, что Шишкова во время его заключенія навѣщали знакомые и его жена, жившая, какъ указалъ товарищъ Шишкова по заключенію, на Васильевскомъ островѣ у кого-то въ кормилищахъ.

Примѣты Шишкова слѣдующія: высокаго роста, плечистый, съ тупымъ лицомъ и маленькими глазами, на лицѣ слабая растительность... Смотритъ исподлобья.

— Прекрасно, поѣзжайте теперь къ его женѣ, сказалъ я Б., передавшему мнѣ эти свѣдѣнія, и если Шишковъ тамъ, то арестуйте его и немедленно доставьте ко мнѣ.

— А если Шишкова у жены нѣтъ, то арестовать прикажете его жену? — спросилъ меня Б.

— Но не сразу... Одѣньтесь на всякій случай попроще, чтобы походить на лакея, полотера, — вообще на прислугу. Въ этомъ видѣ вы явитесь къ мамкѣ, конечно, черезъ черный ходъ, вызовите ее на минуту въ кухню и, назвавшись пріятелемъ ея мужа, скажите, что вамъ надо повидать Гурія. Если же она вамъ на это заявитъ, что его здѣсь нѣтъ, то, какъ бы собираясь уходить, вы съ сожалѣніемъ въ голосъ скажите: «жалъ, что не знаю, гдѣ найти Гурія, а мѣсто

для него у графа В. было бы подходящее... Шутка сказать, 15 рублей жалованья въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ. За этимъ я и приходилъ... Ну, прощайте, пойду искать другого земляка, время не терпитъ. Хотѣлъ поставить Гурія, да дѣлать нечего».

— Если же и послѣ этого жена вамъ не укажетъ адреса знакомыхъ или родныхъ, гдѣ, по ея мнѣнію, можно найти Гурія, то вамъ надо будетъ, взявъ дворника, арестовать ее и доставить ко мнѣ, сдѣлавъ обыскъ въ ея вещахъ.

Между 4-мя и 5-ю часами вечера, къ воротамъ дома по II-й линіи Васильевского острова подошелъ какой-то субъектъ въ старенькомъ пальто, высокихъ сапогахъ, съ шарфомъ вокругъ шеи. Это былъ переодѣтый Б. Онъ вошелъ въ дворницкую и, узнавъ тамъ № квартиры, въ которой жила г-жа К-ва, пошелъ съ черного хода и позвонилъ. Дверь отворила кухарка.

— Повидать бы мнѣ надо на пару словъ мамку, — произнесъ Б. просительно.

Кухарка вышла и черезъ минуту воротилась съ мамкой. Съ первыхъ же словъ Б. увидѣлъ, что мужа ея въ квартирѣ нѣтъ. Когда онъ довольно подробно объяснилъ цѣль своего прихода и сдѣлалъ видъ, что собирается уходить, мамка его остановила.

— Ты бы, родимый, повидался съ дядей Гурьяна... Онъ всегда пристаётъ у него на квартирѣ, когда безъ мѣста, а у меня онъ больше трехъ мѣсяцевъ не былъ, хоть срокъ ему уже вышелъ. Неласковый какой-то онъ сталъ! — съ грустью заключила баба.

Кромѣ адреса дяди, мамка сказала еще два адреса его земляковъ, гдѣ, по ея мнѣнію, можно было встрѣтить мужа. Когда Б. передалъ мнѣ весь свой разговоръ съ женой Шишкова, я рѣшилъ сдѣлать одновременно обыскъ у дяди Шишкова, крестьянина Василия Федо-

рова, проживавшаго по Сергіевской ул. кухоннымъ мужикомъ у греческаго консула Р-ки, и еще въ двухъ мѣстахъ по указаннымъ адресамъ, гдѣ можно было бы рассчитывать застать Шишкова.

Обыскъ у крестьянина Федорова былъ порученъ тому же Б., которому были извѣстны примѣты Гурія, а въ помощь ему были командированы два агента...

Несмотря на приближеніе ночи — былъ уже девятый часъ въ исходѣ — Б. съ двумя агентами и околоточнымъ надзирателемъ подъѣхали на извозчикахъ къ дому по Сергіевской улицѣ. Тотчасъ звонкомъ въ ворота были вызваны дворники.

Изъ сосѣдняго дома также по звонку явились два дворника, а по свистку околоточнаго надзирателя — два городскихъ.

Всѣ выходы въ домъ тотчасъ были заняты карауломъ, послѣ чего полицейскій чиновникъ Б. вмѣстѣ съ агентами, околоточнымъ надзирателемъ и старшимъ дворникомъ стали взбираться по черной лѣстницѣ во второй этажъ. Чтобы застать врасплохъ и отнять возможность сопротивленія или сокрытія вещей, Б. распорядился дѣйствіемъ своего отряда такъ: старшій дворникъ долженъ былъ позвонить у черныхъ дверей и, когда войдетъ въ кухню, то долженъ былъ спросить у Василя Федорова, нѣтъ ли у него Шишкова, за которымъ прислала его жена съ Васильевского острова.

Вслѣдъ за дворникомъ, у черныхъ дверей, которыя дворникъ не долженъ былъ наглухо затворять, чтобы можно было съ лѣстницы слышать все, что происходитъ въ кухнѣ, и сообразно этому дѣйствовать, должны были находиться чиновникъ Б. и околоточный надзиратель. Агентъ же долженъ былъ занять нижнюю площадку лѣстницы и по свистку явиться въ квартиру.

Старшій дворникъ далъ звонокъ. Дверь тотчасъ

отворила какая-то женщина. Появленіе въ кухнѣ дворника никого не встревожило, и всѣ продолжали дѣлать свое дѣло. Дворникъ, окинувъ взглядомъ кухню, прямо направился къ невзрачному человѣку, чистившему на прилавкѣ ножи.

— Послушай, Василій, мнѣ бы Гурія повидать, тамъ какая-то баба отъ жены его прислана.

— Да онъ тутъ валяется — должно быть выпивши! — и Василій крикнулъ:

— Гурьяша, подѣ-ка сюда! Тутъ въ тебѣ есть надобность!

Изъ сосѣдней съ кухней комнаты съ заспаннымъ лицомъ и мутнымъ взглядомъ вышелъ плечистый малый и буркнулъ:

— Чего я тутъ понадобился?..

Но не успѣлъ онъ докончить фразы, какъ его схватили.

— Гдѣ ты эту ночь ночевалъ? — обратился къ Шишкову чиновникъ Б.

— У дяди, — послѣдовалъ отвѣтъ.

— Василій Федоровъ, правду говоритъ племянникъ?

— Нѣтъ, ваше высокородіе, это не такъ. Гурій вышелъ изъ квартиры вчерашняго числа около 6-ти часовъ вечера, а возвратился только сегодня въ 7-мъ часу утра.

Остальная прислуга подтвердила показаніе дяди объ отсутствіи племянника въ ночь, когда было совершено преступленіе.

При осмотрѣ у Шишкова было найдено въ жилетномъ карманѣ 21 рубль кредитными бумажками, изъ которыхъ одна трехрублевая бумажка носила слѣды крови. Больше ничего подозрительнаго не было найдено ни у Шишкова, ни у его дяди.

Когда обыскъ былъ законченъ, чиновникъ Б. приказалъ развязать Гурія, предупредивъ послѣдняго, что при малѣйшей его попыткѣ къ бѣгству, онъ будетъ вновь скрученъ веревками. Затѣмъ его посадили въ карету и повезли въ сопровожденіи чиновника Б-ва и околоточнаго надзирателя.

Во время дороги Шишковъ хранилъ молчаніе, исподлобья поглядывая на полицейскихъ чиновъ.

Спустя полчаса, карета подкатила къ воротамъ дома управленія сыскной полиціи, помѣщавшагося въ то время на одной изъ самыхъ аристократическихъ улицъ города.

Итакъ, къ вечеру того же дня, когда было обнаружено убійство, былъ задержанъ одинъ изъ подозрѣваемыхъ.

Опытный сообщникъ.

Между тѣмъ, всѣ подробности обстановки происшествія — какъ-то: видъ задушенной жертвы, которая нещаднымъ образомъ была перевязана или, вѣрнѣе сказать, скручена веревками, время, которое надо было имѣть, чтобы оторвать эту веревку отъ шторы, не выпуская жертвы изъ рукъ, такъ какъ веревка, очевидно, потребовалась уже послѣ задушенія, для безопасности, чтобы не вскочилъ придушенный, и, наконецъ, довольно значительные слѣды крови и поврежденій на нескораемомъ сундукѣ, прикованномъ къ полу, — всѣ эти признаки, вмѣстѣ взятые, убѣждали меня, что тутъ работалъ не одинъ человекъ, а нѣсколько, другъ другу помогавшихъ, и потому ограничиваться арестованіемъ одного изъ подозрѣваемыхъ въ убійствѣ — это значило не выполнить всей задачи раскрытія преступленія.

Но какъ обнаружить сообщниковъ преступленія? Сознаніе Шишкова и указаніе на сообщниковъ — несомнѣнно бы облегчили поиски преступниковъ. Поэтому, тотчасъ по доставленіи Шишкова въ сыскное отдѣленіе, я далъ знать судебнымъ властямъ.

По экстраординарности ли преступленія, или, быть можетъ, потому, что быстрота поимки преступника возбуждала у лицъ судебной власти нѣкоторое сомнѣніе на счетъ того, не захватила ли полиція, по излишнему усердію, кого ни попало — Шишкова не потребовали на Литейную для допроса — какъ это дѣлалось обыкновенно — а, напротивъ, все высокопоставленное общество, находившееся въ квартирѣ убитаго: и судебные чины, и зрители — всѣ безъ исключенія пожаловали въ управленіе сыскной полиціи.

Прокуроръ и слѣдователи принялись съ нѣкоторымъ недовѣріемъ за допросъ Шишкова. Послѣдній упорно отрицалъ свою виновность. Судебной власти предстояло повозиться съ нимъ не мало, но моя роль по отношенію къ нему была окончена.

Несмотря на несознаніе Шишкова, я былъ глубоко убѣжденъ, что онъ, несомнѣнно, одинъ изъ виновниковъ преступленія. Я рѣшилъ искать соучастниковъ Шишкова среди преступниковъ, отбывавшихъ наказаніе въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ нимъ, и съ этой цѣлью отправилъ въ тюрьму опять-таки чиновника Б.

Изъ бесѣды его съ двумя арестантами, которымъ, какъ старымъ своимъ знакомымъ, не разъ побывавшимъ въ сыскомъ отдѣленіи, онъ свезъ чаю, сахару и калачей, Б. узналъ, что Шишковъ, вообще нелюбимый арестантами за свою злобность и несообщительность, дружилъ съ однимъ лишь арестантомъ — Гребенниковымъ, окончившимъ свой срокъ заключенія нѣсколькими днями ранѣе Шишкова. Тѣ же аре-

станты въ общихъ чертахъ сообщили Б. примѣты Гребенникова.

Но всякіе слѣды о мѣстопребываніи Гребенникова отсутствовали. Ни родныхъ, ни знакомыхъ обнаружить не удалось.

Узнавъ отъ Б. эти подробности, я велѣлъ дежурному полицейскому надзирателю, чтобы къ 10 часамъ вечера весь наличный составъ сыскаго отдѣленія былъ въ сборѣ и ждалъ моихъ дальнѣйшихъ распоряженій.

Около полуночи я собралъ агентовъ и далъ имъ инструкцію обойти всѣ трактиры и притоны, въ которыхъ собирались подонки столицы для раздѣла добычи и разгула. Цѣлью этого обхода было собрать свѣдѣнія о молодомъ человѣкѣ 25—28 лѣтъ, высокаго роста, съ маленькими черными усиками и такою же бородкою, кутившемъ въ одномъ изъ этихъ заведеній въ теченіи сегодняшняго дня. Возможно, что лицо это при расплатѣ давало мѣнять французскія золотыя монеты.

— Человѣкъ, котораго намъ нужно найти, — сказалъ я агентамъ, — сегодня утромъ былъ, вѣроятно, въ сѣромъ цилиндрѣ съ трауромъ. Если вы найдете такого господина, не упускайте его изъ виду и — въ крайнемъ случаѣ — арестуйте и доставьте ко мнѣ.

— Вамъ же, — обратился я къ полицейскому Б. и двумъ агентамъ, — какъ я уже сказалъ, поручаю особенно тщательно и прежде всего осмотрѣть трактирные заведенія и постоянные дворы, расположенные по Знаменской улицѣ, а именно трактиры: «Три великана», «Рыбинскъ», «Калачъ», «Избушка», «Старый другъ» и «Лакомый кусочекъ» — въ этихъ заведеніяхъ, если вы не встрѣтите самого Петра Гребенникова, котораго тотчасъ арестуйте, то, навѣрно, отъ буфетчиковъ, половыхъ, маркеровъ и завсегда-

таевъ получите, конечно, при нѣкоторой ловкости, свѣдѣнія о мѣстопребываніи Гребенникова; старайтесь разузнать, нѣтъ ли у Гребенникова любовницы; особенное вниманіе обратите на проститутокъ.

Полчаса спустя, одинъ изъ агентовъ, юркій еврей М., входилъ на грязную половину трактира «Избушка». Здѣсь стоялъ дымъ коромысломъ: изъ биллиардной слышался стукъ шаровъ и пьяные возгласы. Агентъ протолкался въ биллиардную и, сѣвъ за столикъ, спросилъ бутылку пива. Публика — если можно такъ назвать сбродъ, наполнявшій трактиръ — все прибывала и прибывала. Агентъ, сѣвшій въ тѣни, чтобы не обратить на себя вниманіе, зорко вглядывался въ каждого входившаго и прислушивался къ разговору. Убѣдившись, наконецъ, что въ биллиардной Гребенникова нѣтъ, М. сѣлъ въ общемъ залѣ, недалеко отъ буфета. Здѣсь почти всѣ столики были заняты. Двѣ проститутки были уже сильно навеселѣ, и около нихъ увивались «кавалеры», среди которыхъ агентъ безъ труда узналъ многихъ, извѣстныхъ полиціи, карманныхъ воровъ и другихъ рыцарей «воровского ордена».

Часы пробили половину двѣнадцатаго — оставалось мало времени до закрытія заведенія. М. пересталъ надѣяться получить какія-либо свѣдѣнія о Гребенниковѣ. Вдругъ, его вниманіе приковалъ донесшійся до него разговоръ:

— Вышилъ, братецъ ты мой, онъ три рюмки водки, закусилъ балыкомъ и кидаетъ мнѣ на выручку золотой: «получите», говоритъ, «что слѣдуетъ»... Взялъ я это въ руки золотой, да больно ужъ маленький онъ мнѣ показался, поглядѣлъ — вижу, что не нашенски на немъ написано. Припасай, говорю, шляпа, другую монету, а эта у насъ не ходитъ. «Сейчасъ видно, — говоритъ онъ мнѣ, — что вы человѣкъ не

образованный: во французскомъ золотѣ ничего не смыслите!» Золотой-то назадъ взялъ и канареечную миѣ сунулъ, ну, я ему сорокъ копѣекъ съ нея и сдалъ. А самому-то за эти слова обидно стало и говорю ему:

— Давно ли, Петръ Петровичъ, форсить въ цилиндрахъ стали? По вашей рожѣ и картузъ впору, видно, у факельщика взяли, да трауръ снять позабыли!.. Это я про черную ленту на шляпѣ. Ну, а онъ: «сѣрая необразованность» говоритъ, да и стречка далъ — конфузно, видно, стало!.. — заключилъ буфетчикъ, обращаясь къ стоявшему у прилавка испитому человѣку въ фуражкѣ, съ чиновничьей кокардой, какъ видно, своему доброму пріятелю.

М. выждалъ закрытіе трактира и, когда трактиръ опустѣлъ, подошелъ къ буфетчику и, объявивъ ему, кто онъ, спросилъ о примѣтахъ человѣка въ цилиндрѣ.

По всѣмъ примѣтамъ агентъ убѣдился, что утренній посѣтитель былъ никто иной, какъ Гребенниковъ. Отъ того же буфетчика агентъ узналъ, что утромъ въ трактиръ была любовница Гребенникова, Марія Кислова.

Заручившись адресомъ этой Кисловой и объявивъ буфетчику, что, въ случаѣ прихода Гребенникова, онъ долженъ быть немедленно арестованъ, какъ подозрѣваемый въ убійствѣ, М. отправился къ Кисловой, но засталъ дома только ея подругу, которая сообщила ему, что Кислова не явилась домой съ 8 часовъ вечера — былъ уже второй часъ ночи. Сдѣлавъ распоряженіе о немедленномъ арестѣ Гребенникова и Кисловой, если они явятся сюда ночевать, М. оставилъ квартиру подъ наблюденіемъ двухъ опытныхъ агентовъ и отправился на поиски за Гребенниковымъ въ публичные дома.

Сѣрый цилиндръ.

Въ теченіе цѣлой ночи агенты докладывали миѣ о своихъ безрезультатныхъ поискахъ. Три лица, задержанные благодаря сходству съ Гребенниковымъ, были отпущены. Явился и агентъ М. Выслушивая его докладъ, я все болѣе и болѣе убѣждался, что сегодня же Гребенниковъ будетъ въ нашихъ рукахъ.

М-у вмѣстѣ съ нѣсколькими другими агентами я приказалъ наблюдать за трактиромъ «Избушка»; другимъ агентамъ — караулить квартиру любовницы Гребенникова, а двѣнадцати агентамъ я поручилъ слѣдить за всѣми трактирами по Знаменской и прилегающимъ къ ней улицамъ.

Какъ оказалось по справкамъ адреснаго стола, Гребенниковъ проживалъ раньше по Знаменской улицѣ, почему и можно было ожидать, что, получивъ деньги, онъ явится въ одинъ изъ тѣхъ трактировъ, гдѣ былъ завсегдатаемъ.

Около семи часовъ утра, когда открываются трактиры, агентъ Б. и два его товарища явились на Знаменскую улицу. Пойти прямо въ «Избушку» и ждать тамъ прихода Гребенникова или его любовницы Б. не рѣшался изъ опасенія, чтобы кто-либо изъ знакомыхъ Гребенникова, узнавъ Б., не предупредилъ бы его, что въ трактиръ его ждутъ. Б. рѣшился наблюдать за «Избушкой» изъ оконъ находившейся напротивъ портерной лавки. Портерная, однако, еще не открывалась. Агенты стали прогуливаться въ отдаленіи, не выпуская изъ глазъ «Избушки». Когда портерная открылась, Б., помѣстившись у окна и дѣлая видъ, что читаетъ газету, не спускалъ глазъ съ трактира. У другого окна помѣстился еще одинъ агентъ. Прошелъ часъ, другой, третій...

Приказчикъ началъ недовѣрчиво посматривать на этихъ двухъ нѣмыхъ посѣтителей. Въ исходѣ второго часа въ портерную вошелъ М., и, немного спустя, другой агентъ, явившіеся на смѣну первымъ двумъ, которые тотчасъ удалились. Ихъ мѣсто заняли вновь прибывшіе. Это дежурство посмѣнно продолжалось до вечера. На колокольнѣ Знаменской церкви ударили ко всенощной...

Вдругъ, со вторымъ ударомъ колокола одинъ изъ дежурившихъ вскочилъ, какъ ужаленный, и бросился къ выходу... Къ «Избушкѣ» медленно подходилъ высокій мужчина въ сѣромъ цилиндрѣ съ трауромъ; только что онъ занесъ ногу на первую ступень лѣстницы, какъ неожиданно-негаданно получилъ сильный толчокъ въ спину, заставившій его схватиться за перила.

Озадаченный толчкомъ, Гребенниковъ — это былъ онъ — въ первый моментъ какъ бы растерялся. Этимъ воспользовался Б. и обхватилъ его. Но Гребенниковъ, увидя опасность, сильно рванулся и освободился отъ сжимающихъ его рукъ. Почувствовавъ себя на свободѣ, онъ бросился впередъ, но сейчасъ же попалъ въ руки Ю-ва, Б. и Ю. схватили Гребенникова за руки. Видя, что сопротивление невозможно, Гребенниковъ покорился своей участи, произнося съ угрозой:

— Какое вы имѣете право нападать на честнаго человѣка средь бѣла дня, точно на какого-нибудь убійцу или вора?.. Прошу немедленно возвратить мнѣ свободу, иначе я тотчасъ буду жаловаться прокурору!.. не на такого напали, чтобы вамъ прошло это даромъ. Вы ошиблись, приняли, вѣроятно, меня за кого-либо другого. Покажите бумагу, разрѣшающую вамъ меня арестовать.

— Причину ареста сейчасъ узнаешь въ сыскомъ отдѣленіи! — проговорилъ въ отвѣтъ Б., не переставая

...Этимъ воспользовался Б. и обхватилъ его...

вмѣстѣ съ агентомъ крѣпко держать за руки Гребенникова.

Затѣмъ всѣ трое сѣли въ проѣзжавшую мимо карету и привезли его въ сыскное отдѣленіе.

Гребенниковъ всю дорогу выражалъ негодованіе за свой арестъ и угрожалъ жаловаться самому министру на своевольныя дѣйствія полиціи.

Въ сыскомъ отдѣленіи Гребенниковъ былъ обысканъ. У него оказались золотые часы покойнаго князя Аренсберга и нѣсколько французскихъ золотыхъ монетъ.

По происхожденію Гребенниковъ былъ купеческій сынъ и отлично владѣлъ грамотой.

Такимъ образомъ, къ вечеру второго дня послѣ обнаруженія преступленія оба подозрѣваемыхъ были уже въ рукахъ правосудія.

Сознаніе.

Дальнѣйшій ходъ дѣла уже не зависѣлъ отъ сыской полиціи, но, тѣмъ не менѣе, допросы происходили въ моей квартирѣ.

Обвиняемые въ задушеніи князя Аренсберга, Шишковъ и Гребенниковъ, не сознавались въ преступленіи, и это обстоятельство причиняло большую досаду всѣмъ присутствовавшимъ властямъ.

Прокуроръ, бесплодно пробившійся съ Шишковымъ битыхъ три часа, заявилъ мнѣ, что ни ему, ни слѣдователю ни одинъ изъ преступниковъ не сознается.

— Хотя для обвиненія имѣются уже вѣскія улики, — сказалъ онъ въ заключеніе, — но было бы весьма желательно, чтобы преступники сами рассказали подробности совершеннаго ими убійства.

Моя задача, какъ я думалъ, была окончена съ честью, а между тѣмъ я же долженъ былъ, какъ оказывалось, во что бы то ни стало добиться признанія. Это было необходимо для того, чтобы дать австрійскому послу увѣренность, что арестованные были настоящіе преступники, о чемъ посолъ торопился дать знать въ Вѣну.

Убѣжденный, что общее мнѣніе присутствовавшихъ не оскорбитъ меня подозрѣніемъ въ способности употребить насилие для вынужденія признанія у обвиняемыхъ и, получивъ массу увѣреній, что успѣхъ, если онъ будетъ достигнутъ, будетъ отнесенъ къ искусству моему и навыку въ допросахъ, я рѣшилъ приступить къ окончательному допросу.

По воспитанію и по характеру эти два преступника совершенно не походили другъ на друга.

Гурій Шишковъ, крестьянинъ по происхожденію, совсѣмъ не отличался отъ общаго типа преступниковъ изъ простолюдиновъ. Мужикъ по виду и по манерамъ, онъ былъ чрезвычайно угрюмъ и не словоохотливъ. Сердце этого человѣка, какъ характеризовали его потомъ его же родственники, не имѣло понятія о состраданіи.

Товарищъ его, Петръ Гребенниковъ, происходилъ изъ купеческой семьи; при жизни отца онъ жилъ въ довольствѣ и даже получилъ дома нѣкоторое образованіе. Живя съ отцомъ, онъ занимался торговлею лѣсомъ. Онъ показался мнѣ болѣе развитымъ, чѣмъ его товарищъ Шишковъ, и болѣе способнымъ къ рѣшительному порыву, если задѣтъ его самолюбіе — эту слабую струнку даже закоренѣлыхъ преступниковъ.

Я рѣшилъ быть съ нимъ крайне осторожнымъ въ выраженіяхъ, главное не быть гнѣвнымъ и устрашаю-

щимъ чиновникомъ, а самымъ обыденнымъ человекомъ.

— Гребенниковъ, вы, вотъ, не сознаетесь въ преступленіи, хотя противъ васъ на-лицо много вѣсскихъ уликъ, но это — дѣло слѣдствія, — такъ началъ я свой допросъ.

— Теперь скажите мнѣ, неужели вы, который отлично, кажется, понимаете судебные порядки, неужели вы до сихъ поръ не отдали себѣ отчета и не уяснили себѣ, по какому случаю эта торжественная, изъ ряда вонъ выходящая обстановка, при которой производятъ о васъ слѣдствіе? Вы видѣли, сколько тамъ высокопоставленныхъ лицъ? Неужели вы объясняете ихъ присутствіе простымъ любопытствомъ? Вѣдь, вы знаете, что если бы это было простое любопытство, оно могло быть удовлетворено на судѣ. Собрались же они тутъ потому, что васъ повелѣно судить военнымъ судомъ, съ примѣненіемъ полевыхъ военныхъ законовъ. А вы знаете, чѣмъ это пахнетъ?.. — не спуская глазъ съ лица Гребенникова, съ удареніемъ произнесъ я.

— Такихъ законовъ нѣтъ, чтобы за простое убійство судить военнымъ судомъ; да я и не виновенъ, значитъ, меня не за что ни вѣшать, ни разстрѣливать... — отвѣтилъ Гребенниковъ.

— Но это не простое убійство. Вы забываете, что князь Аренсбергъ состоялъ въ Россіи австрійскимъ политическимъ посломъ, поэтому Австрія требуетъ, подозрѣвая политическую цѣль убійства, военно-полевого суда для главнаго виновника преступленія. А это, какъ вы сами знаете, равносильно смертной казни. Я васъ хотѣлъ предупредить, чтобы вы спасли свою голову, покуда еще есть время.

— Я ничего не могу сказать, отпустите меня спать, — сказалъ Гребенниковъ.

На этомъ допросъ пока кончился. Осязательнаго результата не было, но я видѣлъ, что страхъ запалъ въ его душу.

На слѣдующій день, въ шестомъ часу утра, я былъ разбуженъ дежурнымъ чиновникомъ, который доложилъ мнѣ, что Гребенниковъ желаетъ меня видѣть. Я велѣлъ привести его.

— Позвольте васъ спросить, когда же будетъ этотъ судъ, чтобы успѣть, по крайней мѣрѣ, распорядиться кое-чѣмъ. Все-таки есть, вѣдь, близкіе люди! — проговорилъ Гребенниковъ. И по голосу его я сразу понялъ, что не для распоряженій ему это нужно знать, а для того, чтобы узнать отъ меня еще подробности.

— Судъ назначенъ на завтра, а сегодня идутъ приготовленія на Конной площади для исполненія казни... Вы знаете, какія?... На это уйдетъ цѣлый день...

— Ну, такъ, значитъ, тутъ ужъ ничѣмъ не поможешь. За что же это, Господи, такъ быстро? — съ нескрываемымъ волненіемъ проговорилъ Гребенниковъ.

Я поспѣшилъ успокоить его, сказавъ, что отдалить день суда и даже, можетъ быть, измѣнить его на гражданскій зависитъ отъ него самого.

— Какъ такъ? — съ дрожью въ голосѣ проговорилъ Гребенниковъ.

— Да очень просто! Сознайтесь, расскажите все подробно, и я немедленно дамъ знать, кому слѣдуетъ, о приостановкѣ суда. А тамъ, если откроется, что убійство князя было не съ политическою цѣлью, а лишь ради ограбленія, то дѣло перейдетъ въ гражданскій судъ, и за ваше искреннее сознаніе присяжные смягчатъ наказаніе. Все это очень хорошо сообразилъ вашъ товарищъ Шишковъ. Онъ еще третьяго дня во всемъ сознался, только увѣряетъ, что онъ-то тутъ почти не при чемъ, а все преступленіе совершили вы.

Вы его завлекли, поставили стоять на улицѣ въ видѣ стражи, а сами душили и грабили безъ его участія... — закончилъ я равнодушнѣйшимъ тономъ.

Эффектъ моего заявленія превысилъ ожиданія.

Гребенниковъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ.

— Позвольте подумать! — вдругъ сказалъ онъ, — нельзя ли водки, или коньяку?

— Отчего же, выпейте, если хотите подкрѣпиться, только не теряйте времени, мнѣ некогда.

Я велѣлъ подать коньяку.

— А вы остановите распоряженіе о судѣ? — снова переспросилъ Гребенниковъ.

— Конечно, — отвѣтилъ я.

Выпивъ, Гребенниковъ, какъ бы собравшись съ духомъ, произнесъ:

— Я, извольте, расскажу. Только ужъ этого подлеца Шишкова щадить не буду. Виноваты мы дѣйствительно. Вотъ какъ было дѣло:

Заговоръ преступниковъ.

Наканунѣ преступленія Шишковъ, служившій раньше у князя Аренсберга, зашелъ въ домъ, гдѣ жилъ князь, въ дворницкую.

— Здравствуй, Иванъ Петровичъ, какъ можешь? — проговорилъ дворникъ, здороваясь съ вошедшимъ.

— Князя бы увидать, — какъ-то нерѣшительно произнесъ Гурій, глядя въ сторону.

— Въ это время ихъ не бываетъ дома, заходи утромъ. А на что тебѣ князя? — спросилъ дворникъ.

— Разсчетецъ бы надо получить, — отвѣтилъ парень. — Ну, да другой разъ зайду. Прощай, Петровичъ! — и съ этими словами пришедшій отворилъ дверь дворницкой, не оборачиваясь, вышелъ со двора на

улицу и скорыми шагами пошелъ по направленію къ Невскому.

Дойдя до церкви Знаменья, Гурій Шишковъ повернулъ на Знаменскую улицу, остановился у оконъ фруктоваго магазина и началъ оглядываться по сторонамъ, какъ бы поджидая кого-то. Ждать пришлось недолго. Къ нему подошелъ товарищъ — это былъ Гребенниковъ, и они пошли вмѣстѣ по Знаменской.

— Ну, какъ?

— Все по-старому; тамъ же проживаетъ и дома не обѣдаетъ, — проговорилъ Гурій Шишковъ.

— Такъ завтра, какъ мы распланировали; на томъ же мѣстѣ, гдѣ сегодня...

— Не замѣшайся, какъ къ вечернѣ зазвонятъ, ты будь тутъ, — проговорилъ тихимъ голосомъ Шишковъ. Затѣмъ, не сказавъ болѣе ни слова другъ другу, они разошлись.

На другой день подъ вечеръ, когда парадная дверь была еще отперта, Гурій пробрался въ нее и спрятался вверху, подъ лѣстницей незанятой квартиры.

Князь, какъ мы уже знаемъ, ушелъ вечеромъ изъ дома. Камердинеръ приготовилъ ему постель и тоже ушелъ съ поваромъ, затворивъ парадную дверь на ключъ и спрятавъ ключъ въ извѣстномъ мѣстѣ.

Въ квартирѣ князя воцарилась гробовая тишина.

Не прошло и часа, какъ на парадной лѣстницѣ послышался шорохъ. Гурій Шишковъ спустился съ лѣстницы и, дойдя до дверей квартиры, на мгновенье остановился. Здѣсь онъ отворилъ входную дверь въ квартиру и, очутившись въ передней, прямо направился къ столику, изъ котораго и взялъ ключъ, положенный камердинеромъ. Осторожными шагами, крадучись, Гурій спустился внизъ и отперъ взятымъ ключемъ парадную дверь.

— Давай-ка дернемъ крышку, проговорилъ Гребенниковъ.

Затѣмъ онъ снова вернулся наверхъ и началъ ждать...

Уже около 11-ти часовъ ночи парадная дверь слегка скрипнула. Кто-то съ улицы ее осторожно приотворилъ и тотчасъ же закрылъ, безшумно повернувъ ключъ въ замкъ. Затѣмъ все смолкло. Это былъ Гребенниковъ. Немного погодя, онъ внизу кашлянулъ, наверху послышалось отвѣтное кашлянье. Послѣ этого условленного знака Гребенниковъ сталъ подниматься по лѣстницѣ.

— Какого чорта не шелъ такъ долго?! — грубо крикнулъ Шишковъ на товарища.

— Попробуй, сунься-ка въ подъѣздъ, когда у воротъ дворникъ пялитъ глаза, — произнесъ вошедшій, подойдя къ Шишкову. Оба отправились въ квартиру князя, гдѣ вошли въ спальню.

Это была большая квадратная комната, съ тремя окнами на улицу. У стѣны, за ширмами, стояла кровать, около нее помѣщался ночной столикъ, на которомъ лежала нѣмецкая газета и стояла лампа подъ синимъ абажуромъ, свѣча и спички. Отъ опущенныхъ на окнахъ шторъ въ комнатѣ было совершенно темно.

Гурій чиркнулъ спичку, подойдя къ ночному столику, зажегъ свѣчку и направился изъ спальни въ сосѣднюю съ ней комнату, служившую для князя уборной.

Гребенниковъ шелъ за нимъ. Въ уборной, между громаднымъ мраморнымъ умывальникомъ и трюмо, стоялъ на полу, у стѣны, солидныхъ размѣровъ желѣзный сундукъ, прикрѣпленный къ полу четырьмя цѣпями. Шишковъ подошелъ къ сундуку и сталъ ощупывать его руками. Гребенниковъ свѣтилъ ему. Наконецъ, Шишковъ нащупалъ кнопку, придавилъ ее

пальцемъ, пластинка съ трескомъ отскочила вверхъ, открывъ замочную скважину.

— Давай-ка, дернемъ крышку, — проговорилъ Гребенниковъ.

Оба нагнулись и изо всей силы дернули за выступающій конецъ крышки сундука; результата никакого. Попробовавъ еще нѣсколько разъ оторвать крышку и не видя отъ этого никакого толку, Шишковъ плюнулъ.

— Нѣтъ, тутъ безъ ключей не отворишь...

— Вотъ, топора съ собой нѣтъ, — съ сожалѣніемъ проговорилъ Гребенниковъ.

— Безъ ключей ничего не сдѣлать, а ключи онъ при себѣ носитъ.

— А ты не врешь, что князь въ бумажникъ держитъ десять тысячъ?

— Камердинеръ хвасталъ, что у князя всегда въ бумажникъ не меньше, и весь сундукъ, говорилъ, набитъ деньжищами! — отрывисто проговорилъ Шишковъ.

Оба товарища продолжали стоять у сундука.

— Ну, братъ! — прервалъ молчаніе Шишковъ, — ѣсть хочется!

Гребенниковъ вынулъ изъ кармана пальто трехкопѣечный пеклеванныкъ, кусокъ масла въ газетной бумагѣ и все это молча передалъ Шишкову.

На часахъ въ гостиной пробило двѣнадцать.

Тогда Шишковъ и Гребенниковъ опять перешли въ спальню и сѣли на подоконники за спущенныя драпри, которыя ихъ совершенно закрывали.

— Съ улицы бы не увидали, — проговорилъ робко Гребенниковъ.

— Не видишь, что ли, что шторы спущены... Рано, братъ, робѣть началъ! — насмѣшливо проговорилъ Шишковъ, закусывая хлѣбомъ.

Ключъ предатель.

Четвертый часть утра... На Милліонной улицѣ почти совсѣмъ прекратилось движеніе. Но, вотъ, издали послышался дребезжащій звукъ извозчичей пролетки, остановившейся у подъѣзда.

Князь, расплатившись съ извозчикомъ, не спѣша, вынулъ изъ кармана пальто большой ключъ и отперъ парадную дверь. Затѣмъ онъ, какъ всегда, заперъ дверь и оставилъ ключъ въ замкѣ. Войдя въ переднюю, онъ зажегъ свѣчку и пошелъ въ спальню.

Подойдя къ кровати, князь съ усталымъ видомъ началъ медленно раздѣваться. Выдвинувъ ящикъ у ночного столика, онъ положилъ туда бумажникъ, затѣмъ зажегъ вторую свѣчу и легъ въ постель, взявъ со столика нѣмецкую газету. Но черезъ нѣсколько времени положилъ ее обратно, задулъ свѣчи и повернулся на бокъ, лицомъ къ стѣнѣ.

Прошло полчаса. Раздался легкій храпъ. Князь, видимо, заснулъ. Тогда, у одного изъ оконъ, портьера тихо зашевелилась, послышался легкій, еле уловимый шорохъ, послѣ котораго изъ-за портьеры показался Шишковъ. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и отдѣлился отъ окна. Въ это же время заколебалась портьера у второго окна, и изъ-за нея показался Гребенниковъ.

Затаивъ дыханіе и осторожно ступая, Шишковъ поминутно останавливался и прислушивался къ храпу князя.

Наконецъ, Шишковъ у столика. Надо открыть ящикъ. Руки его тряслись, на лбу выступилъ потъ... Еще мгновеніе, и онъ протянулъ впередъ руку, ощупывая ручку ящика. Зашуршала газета, за которую онъ зацѣпилъ рукой... Гурій замеръ. Звукъ этотъ, однако, не разбудилъ князя. Тогда Шишковъ сталъ

дѣйствовать смѣлѣе. Онъ выдвинулъ наполовину ящикъ и сталъ шарить въ немъ, ища ключей; ошупавъ ихъ, онъ началъ медленно вытаскивать ихъ изъ ящика, но вдругъ одинъ изъ ключей, бывшихъ на связкѣ, зацѣлъ за мраморную доску тумбочки; послышался слабый звонъ... Храпъ прекратился. Шишковъ затаилъ дыханіе.

— Кто тамъ? — явственно произнесъ князь, поворачиваясь.

За этимъ вопросомъ послышалось паденіе чего-то тяжелаго на кровать — это Шишковъ бросился на полусоннаго князя. Гребенниковъ, не колеблясь ни минуты, съ руками вытянутыми впередъ, также бросился къ кровати, гдѣ происходила борьба Шишкова съ княземъ. Въ первый моментъ Гурій не встрѣтилъ сопротивленія, его руки скользнули по подушкѣ, и онъ натолкнулся въ темнотѣ на руки князя, которыя тотъ инстинктивно протянулъ впередъ, защищаясь. Еще моментъ — и Гурій всѣмъ своимъ тѣломъ налегъ на князя. Послѣдній съ усиліемъ высвободилъ свою руку и потянулся къ сонеткѣ, висѣвшей надъ изголовьемъ. Шишковъ уловилъ это движеніе и, хорошо сознавая, что звонокъ князя можетъ разбудить кухоннаго мужика, обѣими руками схватилъ князя за горло и изо всей силы повернулъ его къ ногамъ постели, откуда уже нельзя было достать сонетки.

Князь сталъ хрипѣть, тогда Шишковъ, или изъ опасенія, чтобы эти звуки не были услышаны, или изъ желанія скорѣе покончить съ нимъ, схватилъ попавшуюся ему подъ руку подушку и ею продолжалъ душить князя. Когда князь пересталъ хрипѣть, Шишковъ съ остервенѣніемъ сорвалъ съ него рубашку и обмоталъ ею горло князя.

Гребенниковъ, какъ только услышалъ, что Гурій бросился впередъ къ мѣсту, гдѣ стояла кровать

Еще моментъ — и Гурій всѣмъ своимъ тѣломъ налегъ на князя.

князя, не теряя времени бросился на помощь тоже. Задѣвъ въ темнотѣ столикъ и опрокинувъ стоявшую на немъ лампу, онъ, не зная и не видя ничего, очутился около кровати, на которой уже происходила борьба князя съ Шишковымъ, и началъ тоже душить князя. Но вдругъ онъ почувствовалъ, что руки его, душившія князя, начинаютъ нѣмѣть. Ощутивъ боль и не имѣя возможности владѣть руками, Гребенниковъ ударилъ головою въ грудь наклонившагося надъ нимъ Шишкова, опьянѣвшаго отъ борьбы.

— Что ты со мной, скотина, дѣлаешь?!пусти мои руки!..

Придя въ себя отъ удара и словъ Гребенникова, Шишковъ пересталъ сдавливать горло князя, и вмѣстѣ съ этимъ и руки Гребенникова, обвинившіяся вокругъ шеи послѣдняго. Давилъ онъ рубашкой князя, которую сорвалъ съ него во время борьбы. Освободивъ руки Гребенникова, Гурій вновь рубашкой перекрутилъ горло князя, не подававшего уже никакихъ признаковъ жизни.

Оба злоумышленника, молча, стояли около своей жертвы, какъ бы находясь въ нерѣшительности, съ чего бы имъ теперь начать. Первымъ очнулся Шишковъ.

— Есть у тебя веревка?

Гребенниковъ, пошаривъ въ карманѣ, отвѣтилъ отрицательно.

— Оторви шнурокъ отъ занавѣсей да зажги огонь! — проговорилъ Шишковъ.

Когда шнурокъ былъ принесенъ, Гурій связалъ имъ ноги задушеннаго князя изъ боязни, что князь, очнувшись, можетъ встать съ постели.

Грабежъ.

Послѣ этого, товарищи принялись за грабежъ. Изъ столика они вынули: бумажникъ, нѣсколько иностранныхъ золотыхъ монетъ, три револьвера, бритвы въ серебряной оправѣ и золотые часы съ цѣпочкой.

Изъ спальни, съ ключами вынутыми изъ ящика стола, Шишковъ съ Гребенниковымъ направились въ сосѣднюю комнату и приступили къ желѣзному сундуку.

Но всѣ ихъ усилія отпереть сундукъ не привели ни къ чему. Ни одинъ изъ ключей не подходилъ къ замку. Тогда они стали еще разъ пробовать оторвать крышку, но все напрасно — сундукъ не поддавался.

Со связкой ключей въ рукѣ, Шишковъ подошелъ къ письменному столу и началъ подбирать ключъ къ среднему ящику. Гребенниковъ ему свѣтилъ.

Но вотъ Гурій прервалъ свое занятіе и началъ прислушиваться: до него явственно донесся шумъ отъ проезжающаго экипажа. Гребенниковъ бросился къ окну, стараясь разглядѣть, что происходило на улицѣ.

— Рядомъ остановился господинъ... Пошелъ въ сосѣдній домъ, — проговорилъ почему-то шопотомъ Гребенниковъ.

Вдали послышался шумъ ѣхавшей еще пролетки. На лицахъ Шишкова и Гребенникова выразилось безпокойство.

— Надо уходить... скоро дворники начнутъ панели мести, и тогда... крышка! — проговорилъ Гурій, отходя отъ письменнаго стола.

Оба были блѣдны и дрожали, хотя въ комнатѣ было тепло. Шишковъ вышелъ въ переднюю. Взглянувъ случайно на товарища, онъ замѣтилъ, что на томъ не было фуражки.

— Ты оставилъ фуражку тамъ... у постели, — сказалъ онъ товарищу. — Пойди скорѣй за ней, а я тебя обожду на лѣстницѣ.

Увидя страхъ, отразившійся на лицѣ Гребенникова, Шишковъ повернулся, чтобы пойти самому въ спальню за фуражкой, но тутъ взглядъ его случайно упалъ на пуховую шляпу князя, лежавшую на столѣ въ передней. Недолго думая, онъ нахлобучилъ ее на голову Гребенникова, и они осторожно начали спускаться по лѣстницѣ. Открывъ ключемъ парадную дверь, они очутились на улицѣ и пошли по направленію къ Невскому.

Проходя мимо часовни, у Гостинаго двора, они благоговѣнно сняли шапки и перекрестились широкимъ крестомъ. Шишковъ, чтобы утолить мучившую его жажду, напился святой воды изъ стоявшей чаши, а Гребенниковъ, купивъ у монаха за гривенникъ свѣчку, поставилъ ее передъ образомъ Спасителя, преклонивъ передъ иконою колѣни...

Затѣмъ они разстались, условившись встрѣтиться вечеромъ въ трактирѣ на Знаменской. При прощаніи Шишковъ передалъ Гребенникову золотые часы, нѣсколько золотыхъ иностранныхъ монетъ и около сорока рублей денегъ, вынутыхъ имъ изъ туго набитаго бумажника покойнаго князя.

Такъ выяснилось и объяснилось дѣло.

Послѣ признанія преступниковъ, дѣло пошло обычнымъ порядкомъ. Вскорѣ состоялся судъ. Убийцы были осуждены въ каторжныя работы на 17 лѣтъ каждый.

Кровавая месть страхового инспектора.

7-го августа 188* года дежурный коридорный одной изъ извѣстныхъ петроградскихъ гостиницъ, Алексѣй Полозовъ, въ 9 часовъ утра, по обычаю гостиницы, постучалъ въ № 3, будя постояльца, и, не добившись отвѣта, толкнулъ дверь, которая оказалась незапертой.

Войдя въ помѣщеніе, онъ заглянулъ въ альковъ и въ паническомъ ужасѣ побѣжалъ назадъ, оглашая коридоръ криками.

Полуодѣтый постоялецъ лежалъ въ кровати, весь залитый кровью, съ обезображеннымъ лицомъ; горло его было перерѣзано.

Администрація гостиницы всполошилась и испугалась.

Во всѣ стороны были посланы слуги съ оповѣщеніемъ судебныхъ властей.

Дѣло въ томъ, что гостиница, въ которой случилось это несчастное происшествіе, стояла на особомъ положеніи.

Она была своего рода пріютомъ для тайныхъ любовныхъ свиданій.

Въ громадномъ домѣ, на углу пресѣченія двухъ самыхъ оживленныхъ улицъ, съ двумя замаскированными подъѣздами, съ прекраснымъ рестораномъ и «со всѣми удобствами», эта гостиница и посейчасъ поль-

зуется среди жуировъ и боязливыхъ любовниковъ слабой скромнаго и безопаснаго убѣжища.

И здѣсь-то, въ ночь съ 6 на 7 августа, совершилось кровавое преступленіе.

Спустя часъ я уже находился въ гостиницѣ со своимъ помощникомъ и даровитымъ агентомъ Ж. и приступилъ къ осмотру злополучнаго нумера, — а черезъ полчаса пріѣхали товарищъ прокурора, слѣдователь и врачъ.

Убіиство въ № 3.

№ 3 считался «въ дорогахъ», такъ какъ ходить за пять рублей, и состоялъ изъ большой, хорошо меблированной комнаты, раздѣленной драпировками какъ бы на три.

При входѣ въ номеръ тяжелыя драпри прямо и справа образовывали прихожую, гдѣ висѣла вѣшалка и стоялъ столикъ съ графиномъ и стаканомъ.

На вѣшалкѣ оказалось дорогое драповое пальто, подъ нимъ кожаныя галоши съ буквами К. К. и въ углу дождевой зонтикъ съ ручкой изъ слоновой кости.

За драпировкой, прямо, было нѣчто вродѣ гостиной. Коверъ во всю комнату, мягкая мебель, трюмо и стѣнное зеркало, высокій шкафъ, маленькіе столики и большой передвижной столъ, покрытый бѣлой скатертью поверхъ плюшевой.

На этомъ столѣ оказалась бутылка недопитого краснаго вина, два стакана, десертныя тарелки, два ножа для фруктовъ и спираль кожицы, снятой съ груши дюшесъ.

На одномъ изъ креселъ лежала плюшевая мужская шляпа и перчатки, на другомъ — брошенный сѣрый драповый пиджакъ.

За драпировкой, изъ передней направо, находилась кровать, ночной столикъ и умывальникъ.

На одномъ столикѣ лежали золотые очки, золотые часы съ массивной цѣпью и портмоне.

На кровати лежалъ убитый.

Безъ сапогъ, въ черныхъ шелковыхъ носкахъ, весь разстегнутый и полуобнаженный, онъ лежалъ навзничъ, на подушкахъ и простыняхъ, заскорузлыхъ отъ массы пролитой крови.

Руки были раскинуты, и короткіе волосатые пальцы рукъ сжаты въ кулаки. Голова была закинута, и на шеѣ зияла широкая и глубокая рана. Лица убитого разглядѣть было нельзя. Оно во всѣхъ направленіяхъ было исполосовано ножомъ и покрыто толстою корою запекшейся крови; но по сѣдѣющимъ волосамъ на коротко остриженной бородѣ и по изрядной лысинѣ на головѣ — это былъ, несомнѣнно, человекъ пожилыхъ лѣтъ.

При немъ не оказалось ни визитныхъ карточекъ, ни записной книжки, ни письма, по которымъ можно было бы опредѣлить его личность.

Только мѣтка на тонкомъ бѣльѣ и платкѣ съ буквою К. да буквы на галошахъ и пальто съ фирмою Корпуса давали слабую надежду опредѣлить его личность.

Врачъ произвелъ наружный осмотръ. По его мнѣнію, на жертву напали во время сна и сильнымъ ударомъ ножа по горлу погрузили его въ вѣчный сонъ, послѣ чего, вѣроятно, въ злобѣ, стали обезображивать лицо убитого, нанося и рѣзанья, и колотыя раны.

Кто былъ съ нимъ? Съ кѣмъ онъ пришелъ?

Мы позвали корридорнаго и лакеевъ и сняли съ нихъ первыя показанія.

Сразу выяснилось, что убитому была устроена ловушка.

Первое показаніе сдѣлалъ дежурившій днемъ лакей Егоръ Васильевъ.

...Пришли господинъ, этотъ самый, въ очкахъ, съ зонтикомъ, почтенный такой, и барышня.

„Барышня“ подъ вуалью.

— Часовъ въ пять или въ половинѣ шестого, — началъ Васильевъ, — пришла барышня подъ вуалькой... Мы ихъ завсегда сразу отличимъ отъ какой-нибудь барыни... Пришла и говорить: «Приготовьте мнѣ номеръ, только хорошій. Я въ девять часовъ съ господиномъ буду!»

— Показалъ я номера, выбрала она вотъ этотъ самый, заплатила деньги и говорить: «Я тутъ и вино оставлю!»

Оставивъ бутылку, она ушла. Послѣ пришли еще господинъ съ дамой, сняли 2-ой номеръ, рядомъ; потомъ разные приходили, уходили. Я смѣнился, сказалъ про номеръ Алексѣю и ушелъ. Больше ничего не видѣлъ и не знаю.

Алексѣй Полозовъ видѣлъ и зналъ больше.

— Черезъ полчаса, какъ я смѣнилъ Егора, — заявилъ онъ, — пришли господинъ, этотъ самый, въ очкахъ, съ зонтикомъ, почтенный такой, и барышня. Я ихъ провелъ въ заказанный раньше номеръ...

— Лицо видѣли?

— Нѣтъ-съ, она въ вуаль была. Высокая, тоненькая и волоса будто рыжіе.

— Провели... а потомъ?..

— Потомъ барышня приказала дать стаканы, миндального пирожного и открыть бутылку, а господинъ два дюшесса заказалъ.

— А барышня все была въ вуаль?

— Нѣтъ-съ. Она эту пору за драпри была.

— Ну, сдѣлали?

— И ушелъ. Часовъ такъ въ 11 барышня вышла и говорить: «барина разбуди въ 9 часовъ утра. Онъ заснулъ». И ушла. Я вошелъ въ номеръ, заглянулъ, вижу лежитъ. Мнѣ што? Дѣло обычное...

— Значитъ, вы входили послѣ этой барышни?
 — Входилъ.
 — Что же, онъ былъ убитъ.
 — Не могу сказать. Въ комнатѣ темно. Вижу ле-
 жить. Мнѣ такое и въ голову не пришло. Поглядѣлъ.
 Окликнулъ... молчитъ. Заперъ дверь и оставилъ, а
 утромъ пошелъ — и вотъ! — онъ развелъ руками. —
 Такое несчастіе!

— Это она! Надо ее искать, — рѣшительно за-
 явилъ слѣдователь.

Въ то время, какъ мы снимали допросы въ луч-
 шемъ номерѣ гостиницы, мой агентъ Ж. со свой-
 ственными ему терпѣніемъ и внимательностью, чуть не
 въ третій разъ производилъ осмотръ 3-го и сосѣдняго
 съ нимъ 2-го номеровъ.

Я слушалъ показанія прислуги, съ нетерпѣніемъ
 ждалъ Ж. съ его отчетомъ, — и вотъ онъ показался
 въ дверяхъ и таинственно кивнулъ мнѣ головою.

Оказалось, онъ сдѣлалъ дѣйствительно важныя
 открытія и, почти въ отвѣтъ на возгласъ слѣдова-
 теля, сказалъ:

— Дѣло принимаетъ совершенно другой оборотъ.

— А что такое? — спросили всѣ.

— Пожалуйста опять въ номеръ, — пригласилъ я
 всѣхъ.

Слѣдователь и товарищъ прокурора снова пере-
 шли въ № 3.

Я провелъ ихъ въ часть комнаты, представляющую
 гостиную, и тамъ Ж. указалъ намъ торжественно на
 большой зеркальный шкафъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Дѣло въ томъ, что онъ сдвинуть! Вы видите?

Шкафъ, дѣйствительно, оказался отодвинутымъ отъ
 стѣны, что при входѣ въ комнату сразу не было за-
 мѣтно.

— За шкафомъ, — объяснилъ я, — находится дверь
 изъ сосѣдняго 2-го номера.

Ж. прибавилъ:

— Убийцы — это господинъ и дама, взявшіе № 2,
 они были здѣсь, а когда уходили, испачкали дверь
 кровью. Извольте посмотрѣть. И полъ закапанъ стеа-
 риномъ.

Таинственные сосѣди.

Слѣдомъ за агентомъ двинулись всѣ. Шкафъ былъ
 отодвинутъ настолько, что тучный товарищъ проку-
 рора едва могъ протиснуться между нимъ и стѣною.
 Они осмотрѣли полъ и закрытую дверь. На лѣвой по-
 ловинѣ двери виднѣлись кровавые отпечатки пальцевъ,
 на полу были слѣды стеарина.

По указанію агента, мы перешли въ № 2-й. Тамъ,
 на переддиванномъ столѣ, стояли два стакана, бутылка
 бѣлаго вина, полбутылки изъ-подъ коньяку и обго-
 рѣвшая въ подсвѣчникѣ свѣчка; въ альковѣ, за по-
 душками, оказалось засунутымъ полотенце, которымъ,
 видимо, вытирали вымытыя руки и затирали кровавыя
 пятна, а тазъ въ умывальникѣ былъ полонъ мыльной
 водою, окрашенной кровью.

Агентъ Ж. оживленно говорилъ:

— Это убійство безъ цѣли грабежа. Вѣроятно, ка-
 кая-нибудь месть, но весь планъ тонко обдуманъ.
 Жертву завлекла дѣвушка. Можетъ быть, она подкуп-
 лена, можетъ быть, она — соучастница.

— Она завела его и, кажется, опоила. Надо изслѣ-
 довать вино. Вѣдь, она его принесла съ собой. Опоила
 и подала знакъ въ сосѣдній номеръ. Тамъ уже ждали,
 отодвинувъ шкафъ и отворивъ дверь...

— Чѣмъ?

— Эту дверь-то! вѣдь, она безъ замка. Ее просто
 захлопнули и вынули ручку. Вставьте закрытый пе-

рочинный ножъ, толстый карандашъ, еще лучше стамеску — и дверь открыта.

— Они вошли и прикончили со спящимъ.

— Убиваль онъ, — оживляясь, говоритъ агентъ, — а она свѣтила и дрожала. Смотрите, какъ оплыла свѣчка, а тамъ и подушка, и простыня закапаны стеариномъ. Мы найдемъ у нея на платьѣ такіе же слѣды.

— Если найдемъ ее?!

— Въ этомъ вся и задача!.. Затѣмъ, — продолжалъ Ж., — они вернулись въ нумеръ, закрыли дверь, задвинули шкафъ... Обратите вниманіе на полъ подлѣ шкафа: на немъ ясны слѣды отъ ножекъ, когда двигали шкафъ. Его отодвинули до этого мѣста! — и Ж. указалъ на глубокія черты, оставленныя на паркетѣ, прикрытомъ ковромъ.

— Послѣ этого они тщательно вымылись, оглядѣли платье и... уѣхали!

— Похоже на истину, — процѣдилъ слѣдователь.

— Надо теперь переспросить снова прислугу, — сказалъ товарищъ прокурора, и мы перешли снова въ № 3.

Запросили снова и дневного, и ночного коридорныхъ.

Егоръ Васильевъ повторилъ показаніе.

Алексѣй Полозовъ, тотъ, что смѣнилъ Егора, на вопросъ, когда ушли гости изъ № 2, отвѣтилъ:

— Да ужъ подъ утро. Надо полагать, такъ часу въ шестомъ...

— Торопились?

— Не такъ чтобы...

— Вы осмотрѣли послѣ нихъ нумеръ?

— Ни къ чему. Взять у насъ нечего, и господа не такіе, а нумера мы убираемъ утромъ, всѣ къ ряду. Все было тайной.

Тамъ уже ждали, отодвинувъ шкафъ и отворивъ дверь.

Въ громадномъ Петроградѣ трудно найти человека только по наружнымъ примѣтамъ, особенно, если онъ принадлежитъ къ интеллигентному сословію, гдѣ всѣ болѣе или менѣе похожи другъ на друга.

Убитый былъ неизвѣстенъ. Несомнѣнно, судя по костюму, золотымъ часамъ и кошельку съ 62 рублями, онъ былъ состоятельный человекъ; имя его и фамилія начинались съ буквы К., и пальто онъ заказывалъ у Корпуса.

Но это и все.

Приведшая его женщина была, по опредѣленію слуги, изъ «этихъ», но найти ее тоже было не легкимъ, потому что она могла и не быть зарегистрированной, т. е. извѣстной полиціи.

Наконецъ, главные виновники не оставили послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Извѣстно только, что онъ былъ съ русою бородой, высокій ростомъ, а у нея на платьѣ, вѣроятно, остались слѣды стеарина.

Клубокъ распутывается.

Я тотчасъ распорядился черезъ полицію, чтобы дворники прослѣдили, не пропалъ ли кто изъ жильцовъ съ ночи 6 августа, а затѣмъ черезъ ту же полицію приказалъ, чтобы ко мнѣ явился извозчикъ, который взялъ утромъ, между 5 и 6 часами 7-го августа, двухъ сѣдоковъ, барыню съ бариномъ, отъ гостиницы или съ одной изъ двухъ улицъ, на углу которыхъ она стоитъ, и, наконецъ, лакея Егора Васильевъ, командировалъ въ Рождественскую часть, гдѣ обычно производился врачебно-полицейскій осмотръ всѣхъ гуляющихъ по бланку дѣвицъ.

Распоряженія эти тотчасъ дали необходимые результаты.

На другое утро ко мнѣ явился извозчикъ № 14.738,

который показалъ, что онъ взялъ такихъ сѣдоковъ за три дома отъ гостиницы. Господинъ съ большой свѣтлой бородой нанялъ его на Варшавскій вокзалъ.

Онъ повезъ ихъ по Измайловскому проспекту. На углу Первой роты господинъ высадилъ даму, а самъ поѣхалъ на Варшавскій вокзалъ, гдѣ и расплатился.

Съ этого момента слѣдъ какъ будто потерялся, но я зналъ, что не сегодня-завтра онъ снова объявится, и не обманулъ.

На другой же день, вечеромъ, изъ 2-го участка Литейной части мнѣ сообщили, что старшій дворникъ одного дома оповѣстилъ ихъ объ исчезновеніи хозяина Кузьмы Федоровича Кузнецова, ушедшаго вечеромъ 6-го августа.

К. и К.!

Я поручилъ Ж. разспросить дворника; онъ тотчасъ вызвалъ его и показалъ ему пальто, шляпу и зонтикъ, которые тотъ сразу призналъ за вещи своего барина.

— Ну, братъ, — сказалъ Ж., — твоего барина, значитъ, уже нѣтъ въ живыхъ. Утюжали! Родные есть у него?

— Братъ есть, полковникъ; сестрица, вдова генерала, а у самого — дочка-подросточекъ.

— Что же онъ, вдовецъ?

— Десятый уже годъ вдовѣтъ!

Родные Кузнецова немедленно были оповѣщены, и трупъ его былъ перевезенъ къ нему на квартиру.

Ж. тотчасъ же занялся опросомъ всѣхъ лицъ, окружавшихъ убитого, и въ то время, какъ совершались панихиды и похороны, онъ успѣлъ уже разузнать всѣ главныя черты жизни и характеръ убитого.

Кузьма Федоровичъ Кузнецовъ былъ богатымъ домовладѣльцемъ. Раньше онъ служилъ въ полку, вышелъ въ ранникъ чинахъ въ отставку и жилъ доходами, играя иногда на биржѣ.

Онъ былъ вдовъ, имѣлъ дочь Лизу, четырнадцати лѣтъ, при которой находилась гувернантка, двѣца 23 лѣтъ, очень красивой наружности.

Кузнецовъ любилъ пожить и пожуировать.

Лакей и горничная намекали, что онъ жилъ съ гувернанткой, какъ раньше жилъ съ ея предшественницами, при чемъ не брезговалъ и горничными.

Случалось часто, что, уйдя вечеромъ, онъ не ночевалъ дома, но на другой день къ завтраку онъ уже всегда сидѣлъ за столомъ на своемъ мѣстѣ.

Характеромъ онъ былъ веселый, мягкій, и красивая женщина могла съ нимъ сдѣлать все, что хочетъ.

Вотъ и все.

Словомъ, ни изъ чьихъ показаній нельзя было ухватить конца нити, и только смутно чувствовалось, что въ этомъ преступленіи должна быть романическая подкладка, но убитый унесъ свою тайну въ могилу, а убійцы скрылись безслѣдно...

Коридорный Егоръ Васильевъ двѣ недѣли продежурилъ на осмотрахъ, но не увидалъ той женщины, съ которой приходилъ убитый, и слѣды, повидимому, были утрачены.

Время шло, а преступники не объявлялись.

Казалось, надо было отказаться отъ дѣла, но на помощь пришелъ случай.

Однажды Ж. около полуночи шелъ по Невскому, мимо Казанскаго собора. Впереди него шли двѣ дѣвушки и громко разговаривали:

— Я бы на ея мѣстѣ тоже ничего не сказала. Затаскаютъ!

Другой изъ агентовъ, быть можетъ, не обратилъ бы вниманія на этотъ разговоръ, но Ж. словно что-то толкнуло, — онъ замедлилъ шаги.

— А такъ хуже. Думаютъ, что она убила, — возразила другая.

— Сонька-то! — воскликнула первая и захохотала.

Ж. рѣшилъ не терять момента. Онъ быстро догналъ ихъ, взялъ подъ руки и, идя между ними, спросилъ:

— Про какую Соньку вы, милочки, говорите и почему могутъ думать, что она убила?

Дѣвушки испуганно рванулись отъ него, но онъ крѣпко придержалъ ихъ за руки.

— Оставьте насъ! Что вамъ нужно? Мы такъ себѣ разговариваемъ! — закричала одна.

— Мы ничего не знаемъ, — прошептала другая.

— Душечки, чего вы боитесь? — проговорилъ Ж. вкрадчиво, — вы говорили про Соньку. Скажите, гдѣ она живетъ, какъ ея фамилія и идите съ Богомъ! Не скажете, я васъ арестую, потому что я... — и онъ тихо назвалъ свое званіе.

Дѣвушки затрепетали.

Сонька-Гусаръ.

Помолчавъ минуту, первая изъ нихъ сказала:

— Я не знаю ея фамиліи. Она работаетъ у м-те Жано, шьетъ, и всѣ зовутъ ее Сонька-гусаръ.

— А живетъ она гдѣ?

— Мы не знаемъ...

— А гдѣ ее можно найти.

— Не знаемъ! Впрочемъ...

— Она бываетъ у Филиппова, — сказала другая.

— И вы мнѣ ее укажете, а я угошу васъ шоколадомъ, — тотчасъ отвѣтилъ Ж. и позвалъ извозчика.

Едва вошли они въ кофейную, какъ одна изъ дѣвушекъ толкнула Ж. и сказала.

— Вонъ она, съ телеграфистомъ!

— Сядемъ и будемъ пить шоколадъ, — спокойно отвѣтилъ Ж. и усадилъ своихъ дамъ за столикъ, со-сѣдній съ тѣмъ, который занялъ телеграфистъ.

Дѣвушки поздоровались съ той, которую звали Сонькой-гусаромъ. Она оказалась стройной, красивой блондинкою съ большими синими глазами. Когда она смѣялась, обнажался рядъ мелкихъ, бѣлыхъ зубовъ, и она казалась еще милѣе.

— Завтра Варьете открываютъ. Будете? — спросила она звонкимъ голосомъ у спутницъ Ж.

— Нѣтъ... да... — отвѣтили онѣ смущенно, видимо тяготясь своей ролью по отношенію къ подругѣ.

— А я непременно!

— А кто у васъ кавалеромъ? — спросилъ Ж.

Телеграфистъ гнѣвно посмотрѣлъ на нее, а она звонко засмѣялась.

А кто захочетъ! Хотите — вы...

Съ удовольствіемъ. Вы гдѣ живете?

— Ямская, домъ 15, кв. 5! Спросите Соньку-гусара.

Ж. всталъ и весело протянулъ ей руку.

— Значить, по рукамъ.

— По рукамъ! — отвѣтила она и хлопнула его по рукѣ.

Телеграфистъ сталъ угрюмо торопить ее и позвалъ лакея для расчета.

— Сплавьте его, — подмигивая на телеграфиста, шепнулъ ей Ж.

— А вы ихъ!

Онъ кивнулъ и тоже сталъ разсчитываться.

Она ушла за телеграфистомъ.

Онъ расплатился, поблагодарилъ дѣвушекъ, хотя онѣ брезгливо отвернулись отъ него, и пошелъ къ дверямъ, когда въ кофейную вбѣжала Сонька-гусаръ.

— Ну, скорѣе на извозчика и драла! — весело сказала она Ж., хватая его за руку.

Онъ вышелъ и позвалъ извозчика.

— Прямо по Невскому! — приказалъ онъ.

— Куда же мы?

— Тамъ сообразимъ, — сказалъ онъ и, посадивъ ее въ пролетку, сѣлъ самъ и крѣпко обнялъ ее.

— Пошелъ!

— Пролетка дребезжа покатила.

— Куда же мы поѣдемъ? — опять спросила дѣвушка, и въ голосъ ея послышалась тревога.

— На Морскую, милочка. Я... — и Ж. объявилъ свое званіе и прибавилъ: — вы не пугайтесь. Если вы не при чемъ, мы васъ отпустимъ, только намъ надо разспросить васъ объ убитомъ въ гостиницѣ гостѣ...

— Я не убивала, — порывисто воскликнула она.

— Тсс! — остановилъ ее Ж., — услышитъ извозчикъ. Чего хорошаго... Налѣво, по Морской! — распорядился онъ, обратясь къ извозчику, и продолжалъ говорить дѣвушкѣ: — не убивали, тѣмъ лучше. Расскажите намъ, откуда достали вы этого старичка и гдѣ вино купили. Однимъ словомъ, все...

Дѣвушка рѣзко встряхнулась.

— Расскажу, не повѣрите. Пропала я!...

Они пріѣхали.

Ж. тотчасъ позвалъ меня; я поднялся въ свой кабинетъ и позвалъ Ж. съ дѣвушкой, предоставивъ ему снять съ нея показанія. Онъ усадилъ ее на стулъ и ласково сказалъ:

— Не пугайтесь! расскажите все, что знаете!

— И вы меня отпустите? — быстро спросила она.

Онъ пожалъ плечами.

— До завтра ужъ ни въ какомъ случаѣ, а тамъ, какъ начальство рѣшитъ.

Она опустила голову и горько заплакала.

— Я не при чемъ тутъ. Я даже не знала, что его убить хотятъ. Я думала — это такъ, для развода...

— Вотъ, вотъ. Васъ, значитъ, приглашали? кто? какъ? когда? говорите все по порядку.

Дѣвушка вытерла слезы и рѣшительно сказала:

— Пишите. Я все расскажу!

— Олично! я писать не буду. Говорите.

И она стала рассказывать:

— Я не помню, когда это было. Вѣроятно, недѣли за двѣ до самаго убійства. Я сидѣла у Филиппова; пила кофе. И вотъ, вошелъ господинъ, занялъ столикъ и сталъ смотрѣть на меня. Я ему улыбнулась, онъ и пересѣлъ къ моему столику.

— Какой онъ по виду былъ?

— Высокій такой, красивый, съ большой свѣтлой бородой. Шляпа была мягкая, хорошая и пальто хорошее...

Ж. кивнулъ.

— Подсѣлъ, — стала продолжать Сонька-гусаръ, — угостилъ меня, шутить сталъ и потомъ спросилъ мой адресъ, велѣлъ мнѣ домой итти и самъ пріѣхалъ, вино привезъ, икру...

— Назвалъ себя?

Дѣвушка покачала головой.

— Развѣ намъ назовутъ! мы и не спрашиваемъ даже...

— Ну?

— Уѣхалъ и пропалъ. Потомъ опять пріѣхалъ, повезъ меня на Крестовскій, оттуда къ Палкину. Сидитъ со мной въ кабинетѣ и говоритъ: «хочешь, Катя, 50 рублей заработать?» Я засмѣялась и говорю: «очень даже! но какъ?» А онъ мнѣ: «пустое, говоритъ, дѣло. Здѣсь есть очень богатый старичекъ. Иди его «замарьяжь» и въ номеръ приведи: тамъ напой его и оставь, — вотъ и все!» Я удивилась: «зачѣмъ это?»

— Ну, скорѣе на извозчика и драла! — весело сказала она Ж., хватая его за руку.

Онъ вышелъ и позвалъ извозчика.

— Прямо по Невскому! — приказалъ онъ.

— Куда же мы?

— Тамъ сообразимъ, — сказалъ онъ и, подсадивъ ее въ пролетку, сѣлъ самъ и крѣпко обнялъ ее.

— Пошелъ!

— Пролетка дребезжа покатила.

— Куда же мы поѣдемъ? — опять спросила дѣвушка, и въ голосъ ея послышалась тревога.

— На Морскую, милочка. Я... — и Ж. объявилъ свое званіе и прибавилъ: — вы не пугайтесь. Если вы не при чемъ, мы васъ отпустимъ, только намъ надо разспросить васъ объ убитомъ въ гостиницѣ гостѣ...

— Я не убивала, — порывисто воскликнула она.

— Тсс! — остановилъ ее Ж., — услышитъ извозчикъ. Чего хорошаго... Налѣво, по Морской! — распорядился онъ, обратясь къ извозчику, и продолжалъ говорить дѣвушкѣ: — не убивали, тѣмъ лучше. Расскажите намъ, откуда достали вы этого старичка и гдѣ вино купили. Однимъ словомъ, все...

Дѣвушка рѣзко встряхнулась.

— Расскажу, не повѣрите. Пропала я!...

Они пріѣхали.

Ж. тотчасъ позвалъ меня; я поднялся въ свой кабинетъ и позвалъ Ж. съ дѣвушкой, предоставивъ ему снять съ нея показанія. Онъ усадилъ ее на стулъ и ласково сказалъ:

— Не пугайтесь! расскажите все, что знаете!

— И вы меня отпустите? — быстро спросила она.

Онъ пожалъ плечами.

— До завтра ужъ ни въ какомъ случаѣ, а тамъ, какъ начальство рѣшитъ.

Она опустила голову и горько заплакала.

— Я не при чемъ тутъ. Я даже не знала, что его убить хотятъ. Я думала — это такъ, для развода...

— Вотъ, вотъ. Васъ, значитъ, приглашали? кто? какъ? когда? говорите все по порядку.

Дѣвушка вытерла слезы и рѣшительно сказала:

— Пишите. Я все расскажу!

— Олично! я писать не буду. Говорите.

И она стала рассказывать:

— Я не помню, когда это было. Вѣроятно, недѣли за двѣ до самаго убійства. Я сидѣла у Филиппова; пила кофе. И вотъ, вошелъ господинъ, занялъ столикъ и сталъ смотрѣть на меня. Я ему улыбнулась, онъ и пересѣлъ къ моему столику.

— Какой онъ по виду былъ?

— Высокій такой, красивый, съ большой свѣтлой бородой. Шляпа была мягкая, хорошая и пальто хорошее...

Ж. кивнулъ.

— Подсѣлъ, — стала продолжать Сонька-гусаръ, — угостилъ меня, шутить сталъ и потомъ спросилъ мой адресъ, велѣлъ мнѣ домой итти и самъ пріѣхалъ, вино привезъ, икру...

— Назвалъ себя?

Дѣвушка покачала головой.

— Развѣ намъ назовутъ! мы и не спрашиваемъ даже...

— Ну?

— Уѣхалъ и пропалъ. Потомъ опять пріѣхалъ, повезъ меня на Крестовскій, оттуда къ Палкину. Сидитъ со мной въ кабинетѣ и говоритъ: «хочешь, Катя, 50 рублей заработать?» Я засмѣялась и говорю: «очень даже! но какъ?» А онъ мнѣ: «пустое, говорить, дѣло. Здѣсь есть очень богатый старичекъ. Иди его «замарьяжь» и въ номеръ приведи: тамъ напой его и оставь, — вотъ и все!» Я удивилась: «зачѣмъ это?»

Онъ засмѣялся и говоритъ: «онъ, старый песъ, все святошей прикидывается, такъ мы его изобличить хотимъ. Ты мнѣ скажешь, когда и куда приведешь. Я съ товарищами рядомъ нумеръ возьму и будемъ въ шелку глядѣть, а какъ онъ заснетъ пьяный, то ты уйдешь, — мы къ нему придемъ въ нумеръ и дождемся, когда онъ проснется. То-то удивится!» Мнѣ это занятнымъ показалось. «Что-жъ, говорю, это пари?» «Пари». «А какъ, говорю, я его замарьяжу?» «Это пустое! — отвѣтилъ онъ, — мы ему письмо напишемъ и свиданіе назначимъ. Онъ и придетъ. А ты съ нимъ, какъ будто ты не такая... понимаешь?... и потомъ — въ гостиницу. А тамъ заранее нумеръ возьмешь. Идетъ!» Меня корысть взяла, да и сама я пошутить не прочь. «А кто, спрашиваю, деньги отдастъ?» «Я!.. какъ на свиданье пойдешь, такъ и деньги!» Я и согласилась.

Сонька-гусаръ оживилась.

— Если не вѣрите, у подруги Маши спросите. Я ей тогда все рассказала, и она все еще отговаривала...

— Маша? — переспросилъ Ж. — она гдѣ живетъ?

— Да гдѣ и я. Она модистка. На Ямской!

— А она этого господина видѣла?

Сонька кивнула.

— Когда онъ пилъ у меня, я и ее позвала.

Вмѣстѣ сидѣли...

Ж. закивалъ головой и потеръ руки.

— Отлично! ну, рассказывай дальше...

Она стала продолжать прерванный разговоръ.

— 6-го августа, на Спаса, онъ пришелъ ко мнѣ утромъ. «Ну, говоритъ, сдѣлано, готово. Теперь все за тобой!». Я тогда, помню, поглядѣла на него; вижу смѣется, а изъ себя совсѣмъ блѣдный, глаза горятъ и смѣхъ нехорошій. Стало мнѣ какъ-то неловко,

и я уже отказаться хотѣла, а онъ словно почувалъ: «Вотъ, говоритъ, тебѣ 50 рублей!» и я сдалась. «Ну, говорю, какъ же все? гдѣ и что? куда идти, что дѣлать?» Онъ сѣлъ, досталъ бутылку вина, налили мы стаканы, и онъ мнѣ все рассказалъ. Зовутъ того старика Кузьмой Федоровичемъ; написалъ онъ будто ему письмо, въ которомъ я объясняюсь ему въ любви и прошу на свиданіе въ Александровскій садъ въ 8 часовъ. И я должна тамъ быть и затѣмъ вратъ ему съ три короба и замарьяжить. Я согласилась. «А какъ же я ему скажу, гдѣ я его видѣла?» «Скажи прямо, что въ его домѣ живешь. Вотъ и все!» и домъ назвалъ. Мнѣ даже смѣшно сдѣлалось. «А какъ я его узнаю?» «Сядь у фонтана и вотъ эту книгу на колѣняхъ держи». Далъ мнѣ книгу въ красной обложкѣ, 10 рублей и завернутую бутылку. «Часовъ въ 5, говоритъ, пойдѣ въ гостиницу заранее нумеръ закажи. Тамъ и бутылку оставь». Я согласилась. «Потомъ приди въ садъ и скажи мнѣ, какой нумеръ заняла, — я тогда тебѣ и 50 рублей отдамъ». Онъ собирался уже уходить и вдругъ добавилъ: «Придешь съ нимъ, громко говори: мы рядомъ будемъ. Когда онъ заснетъ и ты уходить будешь, хлопни въ ладоши два раза. Да еще — вина этого сама не пей: заснешь». «А оно, спрашиваю, съ каплями?» — онъ кивнулъ, засмѣялся и ушелъ...

Она перевела духъ и продолжала:

— Взяла я нумеръ, 5 рублей заплатила и бутылку оставила. Пошла въ садъ, а по дорогѣ онъ навстрѣчу. «Взяла?» «Взяла!» «Какой?» Я говорю: «третій!» Онъ мнѣ тотчасъ подалъ конвертъ, сказалъ «дѣйствуй!» и пошелъ прочь. Я зашла въ садъ, сѣла у фонтана, положила книжку на колѣни и стала ждать. Пока что, въ конвертъ заглянула. Тамъ двѣ бѣленькія по 25 рублей... Сіжу я и вдругъ вижу, идетъ

господинъ съ сѣдой бородой, въ золотыхъ очкахъ, зонтикъ въ рукахъ. Идетъ и все вглядывается. Ну, думаю, мой! и книгу на виду держу.

— Книга-то у васъ дома?—спросилъ Ж.

— Дома!—отвѣтила Сонька и продолжала:

— Увидалъ онъ и прямо ко мнѣ: «позвольте пристѣсть!» «Пожалуйста!» Онъ сѣлъ и все на меня косится. Я засмѣялась. Тутъ онъ осмѣлялся и показалъ мнѣ письмо. «Это, говоритъ, ваше?» Я прикинула, что стыжусь и все пошло, какъ по писанному.

Онъ, оказался мягкимъ и покладистымъ. Я его живо обернула. Онъ мнѣ уже и мѣсто обѣщалъ. «Я, говоритъ, вдовецъ, у меня дочь и ей гувернантка нужна. Я васъ возьму!» Послѣ этого я привела его въ гостиницу. Онъ дюшесъ спросилъ. Налила я ему вина. Сама отхлебнула, да потомъ выплюнула, а онъ стаканъ выпилъ. Пошелъ на постель, сталъ раздѣваться—и заснулъ... Я подождала, онъ спитъ. Тогда я хлопнула въ ладоши, взяла книжку и ушла, а его будить не приказала.

Она помолчала и прибавила:

— Вотъ и все. Больше я ничего не знаю. Потомъ, какъ прочла въ газетахъ, такъ и ахнула. Господи, развѣ я знала!...—и она заплакала.

— Отчего же вы сами не пришли и не рассказали всего этого?

— Боялась. Еще, думала, затаскаютъ. Покоя лишать...

— Ну, а кто онъ, по вашему, съ виду? Купецъ, чиновникъ, художникъ?..

— Я думала, что чиновникъ. Показался онъ мнѣ такимъ.

Его правдивости ея показанія я не усомнился ни на одно мгновеніе.

Она была бы совершенно невинна, если бы не

вино. Въ немъ оказалась большая порція опиума, о которомъ она почти знала.

Соньку-гусара препроводили къ слѣдователю и заключили въ тюрьму.

Конецъ нити былъ найденъ, и Ж. энергично взялся за дѣло...

Господинъ съ портфелемъ.

На слѣдующій день онъ пришелъ на квартиру Соньки-гусара, спросилъ ея комнату и сдѣлалъ самый тщательный обыскъ, но ничего обличающаго не отыскалъ. На комодикѣ лежала книжка «Вѣстника Европы» за августъ мѣсяцъ, совершенно свѣжая, неразрѣзанная, которую онъ и захватилъ съ собой.

Послѣ этого онъ дождался Маши.

Это была красивая, полная, маленькаго роста брюнетка.

Увидѣвъ его въ своей комнатѣ, она съ недоумѣніемъ остановилась на порогѣ.

Ж. всталъ ей навстрѣчу и дружески заговорилъ:

— А я васъ добрый часъ, какъ поджидаю. Съ работы?

— Съ работы. А на что я вамъ? кто вы?

— Я?—Ж. назвалъ себя, свое званіе и быстро продолжалъ:—я отъ вашей подруги Софы...

— Ее арестовали?

Онъ кивнулъ.

Маша хлопнула по бедрамъ руками.

— Вотъ! я ей говорила!

— Вамъ жалко ее?

— Еще-бы...

Она тяжело опустилась на стулъ.

Ж. всталъ передъ нею и сказалъ:

— Тогда помогите ей выпутаться изъ бѣды.

— Какъ?

— Помогите мнѣ найти настоящаго виновника. Вы его видали у ней. Въ лицо его узнать можете? Ну, вотъ! станемъ мы съ вами дежурить подлѣ всѣхъ министерствъ, станемъ искать на улицахъ, въ клубахъ, въ театрахъ. Вездѣ! Согласны?

Она быстро кивнула головой и вскочила.

— О, я его узнаю сразу! — воскликнула она.

— И отлично! А когда мы его возьмемъ, Софья будетъ сразу свободна... Только объ этомъ никому!

— О, понятно!

— Вы можете на время оставить магазинъ? Мы вамъ заплатимъ.

Она согласилась.

— Значить, съ завтрашняго дня и начнемъ, — рѣшилъ Ж. и ушелъ.

Я назначилъ Машѣ жалованье за всѣ дни поисковъ, и Ж. тотчасъ началъ съ нею свои розыски.

Утромъ они дежурили у министерства путей сообщенія, въ 5 часовъ были у министерства государственныхъ имуществъ, а потомъ у контроля. А такъ какъ въ одинъ какой-либо день онъ могъ и не придти, то они снова и снова повторяли свои дежурства у всѣхъ министерствъ, у всѣхъ управленій, у всѣхъ конторъ и банкирскихъ домовъ. Днемъ они заходили въ маленькіе рестораны, къ Доминику, въ кофейни; вечеромъ были въ театрѣ или въ клубѣ, и каждый день возвращались ни съ чѣмъ.

— Нѣтъ его! — съ досадою говорила Маша, — вѣрно, уѣхалъ!

Но мы уже не теряли надежды. Въ Петроградѣ не такъ легко найти человѣка, который къ тому же знаетъ Машу въ лицо и, быть можетъ, не разъ уже скрывался при ея приближеніи, но, что онъ будетъ найденъ, въ этомъ не сомнѣвались ни я, ни Ж.

Ж. слѣдовалъ за нимъ неотступно.

И наши расчеты оправдались.

Однажды, когда они проходили мимо Доминика, Маша вдруг порывисто сжала руку Ж. и, задыхаясь, сказала:

— Онъ!

Словно огнемъ обожгло Ж. Онъ вострепнулся.

— Гдѣ?

— Вонъ идетъ съ портфелемъ! — шепнула Маша.

Ж. потащилъ ее за указаннымъ господиномъ.

Они перегнали его.

— Нѣтъ, — упавшимъ голосомъ сказала Маша, — это не онъ. Есть какое-то сходство. Глаза, носъ, но у того была борода, такая замѣтная!..

Ж., у котораго сначала упало сердце, теперь улыбнулся и сказалъ:

— Ну, теперь можешь идти домой и меня оставить.

Лицо Маши выразило удивленіе.

— Не бойся! Я знаю, что говорю. Иди! — сказалъ ласково Ж.

Маша молча повиновалась.

Ж. засунулъ руки въ карманы и медленно пошелъ за намѣченнымъ господиномъ.

Тотъ шелъ въ хорошемъ пальто, въ хорошей шляпѣ, съ портфелемъ подъ мышкой.

Онъ шелъ тихо, низко опустивъ голову, видимо, не замѣчая окружающихъ.

Ж. раза два перегналъ его и заглянулъ ему въ лицо.

Это былъ мужчина лѣтъ 36, съ усталымъ, грустнымъ лицомъ. Глубокая складка лежала между его бровями, служа какъ бы продолженіемъ красиваго, тонкаго носа. У него былъ гладко выбритый подбородокъ, маленькіе баки и короткіе усы рыжеватаго оттѣнка.

Ж. слѣдовалъ за нимъ неотступно.

Господинъ дошелъ до Морской, свернулъ въ нее и, пройдя до Гороховой, скрылся въ подъездѣ страхового общества.

Ж. потерялъ отъ удовольствія руки.

Служить ли онъ тутъ, зашелъ ли по дѣлу страхованія, во всякомъ случаѣ онъ теперь отъ него уже не скроется.

Онъ перешелъ улицу и подошелъ къ стоящему у дверей швейцару.

— Скажите, пожалуйста, — спросилъ онъ, доставая 20 коп., — вѣдь, этотъ господинъ, съ усами и баками, у васъ служитъ?

Швейцаръ взялъ монету.

— Господинъ Синевъ?

— Да.

— У насъ, инспекторомъ.

— Благодарю васъ. Большое жалованье получаете?

Швейцаръ ухмыльнулся.

— Для двоихъ хватитъ. Тысячи четыре наберется.

— Какъ для двоихъ? — спросилъ Ж.

— Потому, какъ они недавно женились, — объяснилъ швейцаръ.

— А, благодарю васъ! — сказалъ Ж. и отошелъ отъ подъезда, направляясь въ портерную.

Тамъ онъ сѣлъ у окошка, спросилъ пива и сталъ внимательно слѣдить за всѣми выходившими изъ дверей.

Тогда еще не было адресъ-календарей.

Въ половинѣ пятого Синевъ вышелъ изъ подъезда и пошелъ по Гороховой.

Ж. уже слѣдовалъ за нимъ.

Синевъ взялъ извозчика.

Ж. тотчасъ взялъ другого и поѣхалъ за нимъ слѣдомъ.

Они пріѣхали на Серпуховскую улицу, и Синевъ

вошелъ въ подъездъ красиваго, единственнаго здѣсь въ то время каменнаго дома.

Теперь не уйдешь! — радостно сказалъ себѣ Ж. и тотчасъ явился ко мнѣ съ докладомъ.

Сѣти сыщика.

Въ тотъ же вечеръ Ж., не гримированный, но въ старомъ, изношенномъ костюмѣ, сидѣлъ въ портерной того дома, въ которомъ жилъ Синевъ.

Ж. сѣлъ подлѣ самой стойки и вступилъ въ бесѣду съ приказчикомъ, спрашивая, не знаетъ ли онъ, гдѣ господа лакея ищутъ.

— Нѣтъ, милый человѣкъ, такихъ у насъ нѣту, — отвѣтилъ приказчикъ.

Ж. удивился.

— Такой огромнѣйшій домъ и съ парадомъ, а господъ нѣтъ!

— Купцы у насъ тутъ живутъ, контора еще, а изъ настоящихъ господъ одинъ Синевъ, Яковъ Степановичъ. Такъ имъ лакея не нужно.

— Есть?

— Не есть, а не для чего. Сами молодые, годъ какъ повѣнчаны, знакомыхъ никого и у нихъ нѣтъ, одна прислуга со всѣмъ справляется. Такая шельма! Анюткой звать.

— А поди, никогда ввечеру не сидятъ? господское житье я знаю...

— Тутъ не такъ, — отвѣчалъ словоохотливый приказчикъ, — промежъ ними быдто есть что-то. Анютка сказывала, что иногда ужасно даже! То, говоритъ, цѣлуются, то плачутъ. Одинъ разъ барыня хотѣла даже за окно выброситься, въ другой — онъ чуть не зарѣзался.

— Что жъ это съ нимъ?

Приказчикъ пожалъ плечами. Сидѣвшая въ углу съ мастеровымъ какая-то женщина вдругъ обернулась.

— Это ты про Синевыхъ? — спросила она приказчика.

Тотъ кивнулъ.

Женщина внезапно оживилась и, поправивъ на головѣ платокъ, заговорила:

— Про этихъ господъ ты у меня спроси. Я у нихъ завсегда бѣлье стираю и всю-то ихъ жизнь — во какъ знаю!

Ж. тотчасъ поднялся и подошелъ къ прачкѣ. Протянувъ прачкѣ, а потомъ мастеровому руку, онъ сказалъ:

— Позвольте познакомиться. Прокофій Степановъ, по лакейской должности, — и, сядя подлѣ ихъ стола, прибавилъ: — очень люблю, когда про господъ рассказываютъ. Дай-ка намъ, почтенный, двѣ пары! — приказалъ онъ приказчику.

Прачка осталась очень довольна. Когда подали раскрытыя бутылки, она и мастеровой чокнулись съ Ж., и прачка тотчасъ заговорила:

— Господа-то эти — душевные очень, да, вотъ, поди — не повезло! Видите ли, она-то до свадьбы не соблюла себя. Онъ и обижается. Гдѣ да съ кѣмъ? А она плакать да на колѣнки. А онъ хватъ ее! бьетъ, а потомъ самъ на колѣнки и ноги цѣловать. Тутъ обнимутся и оба плакать.

Ж. налилъ въ стаканы пива, чокнулся и спросилъ:

— А изъ себя красивые?

— И не говорите — прямо парочка! Она-то такая стройненькая да высокенькая, что твоя березка. Волоса густые да длинные. Брови, что уголькомъ выведены и всегда сурьезная. Нѣтъ, чтобы улыбнуться...

— А самъ?

— Тоже видный мужчина. Высокій, статный. По-

началу, какъ съ бородой былъ, такъ еще былъ красивѣе.

— Сбрилъ, что ли? — спросилъ Ж.

— Совсѣмъ! Сказывалъ шутя, что барыня не любитъ. Борода-то изъ русаго волоса, большая была такая...

— Ну, прощенья просимъ! — поднялся Ж.

— Что жъ, ужъ идете?

— Я еще забреду. Тутъ на Клинскомъ живу, — отвѣчалъ Ж., — а сейчасъ мнѣ надо насчетъ мѣста навѣдаться.

— Ну, спасибо за угощеніе?

— Не на чемъ!

— Обходительный мужчина, — сказала прачка, — приятно и въ компаніи посидѣть.

А обходительный мужчина забѣжалъ домой, переодевался и черезъ полчаса уже былъ у меня.

— Убийцы найдены! — сказалъ онъ и рассказалъ все вышеописанное.

Съ этихъ поръ не проходило вечера, чтобы Ж. не роспилъ въ портерной на Серпуховской нѣсколько бутылочъ пива въ дружеской компаніи, за бесѣдой.

Онъ успѣлъ, кромѣ прачки, познакомиться и съ обоими дворниками, и съ Анюткой.

Анютка успѣла рассказать Ж. много интереснаго и новаго.

Они, однажды, послѣ крупной ссоры, словно помирились и все цѣловались. Потомъ собрались ѣхать къ теткѣ на дачу, въ Лугу. Уѣхали, а на другое утро барыня одна вернулась. Блѣдная, чуть живая и сразу въ постель легла.

— Я думала, что баринъ, можетъ, бросилъ ее, потому что никогда не было, чтобы они разлучались. А тутъ и ночь прошла, а его нѣтъ. Только рано утромъ звонокъ. Я отперла и даже закричала. И

баринъ, и не онъ! Бороду-то свою всю сбрилъ и усы окарналъ. Что это вы?—говорю, а онъ смѣется: «теперь барыня, говоритъ, довольна будетъ. Она мою бороду не любила!»—прошелъ къ ней и стали они что-то шептаться. Мирились, вѣрно.

— Выходить изъ-за бороды и миръ?— снова спросилъ Ж.

— Какой!—отмахнулась Анютка, — теперь еще хуже. Барыня все плачетъ, ночью не спитъ. Баринъ туча-тучей. Ровно схоронили кого.

Ж. больше спрашивать было уже не о чемъ.

На другой день онъ дождался, когда Синевъ уѣхалъ на службу, и уже въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ поднялся по парадной лѣстницѣ и позвонилъ у двери, на которой была прибита мѣдная дощечка съ надписью: «Яковъ Степановичъ Синевъ».

Въ рукахъ правосудія.

Анютка открыла дверь и съ удивленіемъ взглянула на Ж.

— Вы за мной?

— Нѣтъ, душечка, — спокойно отвѣтилъ ей Ж., — проводите меня къ вашей барынѣ.

Анютка удивленно вытаращила глаза.

— Къ барынѣ?

— Ну, да! Возьми пальто! — и Ж., кинувъ изумленной Анюткѣ пальто, смѣло вошелъ въ комнаты.

Черезъ кокетливо убранную гостиную онъ прошелъ въ столовую. Тамъ, у окошка, сидѣла Марья Ивановна Синева съ задумчиво склоненной головой.

При входѣ Ж. она подняла голову и удивленно, испуганно взглянула на него.

Анютка остановилась въ дверяхъ.

Ж. приблизился къ Синевой, поклонился ей и тихо сказалъ:

— Я — агентъ сыскной полиціи и пришелъ арестовать васъ по дѣлу объ убійствѣ Кузнецова.

Она приподнялась, въ нѣмомъ ужасѣ вытянула руки и безсильно опустила на стулъ.

Анютка вскрикнула и убѣжала.

Ж. съ чувствомъ сожалѣнія взялъ руки Синевой и слегка встряхнулъ ее.

— Не пугайтесь: это должно было случиться. Вашъ мужъ арестованъ тоже!

Эти слова словно возвратили ее къ жизни. Она вдругъ выпрямилась.

— Онъ невиненъ! — закричала она, — это я, я одна все сдѣлала!

— Поѣдьте, и тамъ вы все расскажете...

Она покорно встала.

Онъ помогъ ей одѣться, вышелъ съ нею и заперъ квартиру, спрятавъ ключъ въ карманъ.

Черезъ 20 минутъ я уже принималъ ее въ своемъ кабинетѣ, а Ж. тотчасъ пошелъ въ страховое общество и попросилъ немедленно вызвать Якова Степановича Синева.

Словно предчувствуя недоброе, онъ вышелъ взволнованный и блѣдный.

Что вамъ нужно?

— Меня послала за вами ваша супруга, — отвѣтилъ Ж., — она зоветъ васъ немедленно.

— Куда? Что съ ней? — Синевъ побѣлѣлъ, какъ бумага.

— Я вамъ все расскажу по дорогѣ. Ёдемъ! — настойчиво повторилъ Ж.

Синевъ кивнулъ головой, скрылся и черезъ минуту вернулся со шляпой въ рукѣ.

— Я готовъ!

Ж. вышелъ съ нимъ и крѣпко взялъ его подъ руку.

— Куда вы меня ведете? — спросилъ онъ.

— Два шага отсюда. Въ сыскное отдѣленіе, — отвѣчалъ Ж. — Тамъ ваша супруга.

Синевъ опустилъ голову...

Финалъ.

Дѣло объ убійствѣ Кузнецова разбиралось въ февралѣ слѣдующаго года.

Присяжные засѣдатели услышали тяжелую семейную драму, драму двухъ любящихъ существъ.

Синевъ женился на Марьѣ Ивановнѣ Крапивинной по любви, на которую она отвѣчала ему взаимностью.

И съ первой же ночи началась ихъ казнь.

Синевъ узналъ страшное прошлое своей жены.

Она была бѣдная сиротка, окончила Николаевскій институтъ и сразу поступила гувернанткой къ дѣвочкѣ у вдовца.

Вдовецъ совершилъ надъ ней насиліе, потомъ отказалъ ей отъ мѣста.

Синевъ, слушая на судѣ эту повѣсть, испытывалъ безумную ревность и жгучее состраданіе.

— Кто? Но она не говорила.

Между ними настала адъ. Онъ билъ ее, а потомъ вымаливалъ прощенье. Онъ заставлялъ ее повторять исторію ея несчастія, останавливаясь на самыхъ оскорбительныхъ подробностяхъ, и потомъ обзывалъ ее самыми обидными именами.

Наконецъ, онъ вырвалъ у нея имя, узналъ его и много разъ былъ готовъ убить его.

Жизнь стала невыносима, и въ одну безумную ночь они рѣшили, что Кузнецовъ долженъ быть убитъ...

Эта мысль охватила ихъ обоихъ, и они сдружились въ жаждѣ отомщенія.

Онъ нашелъ Соньку-гусара, обдумалъ весь планъ и привелъ его въ исполненіе.

Для этого онъ купилъ у Брабеца кинжалъ-ножъ.

Въ 6 часовъ они заняли второй номеръ и пили въ немъ, поджидая жертву. Потомъ онъ отодвинулъ шкафъ, открылъ дверь.

Въ 9 часовъ они услышали голоса — его и Соньки. Ихъ раздѣляла только стѣнка шкафа.

Часовъ въ 10 Сонька ушла.

Вошелъ слуга и ушелъ, хлопнувъ дверью.

Они подождали еще съ полчаса, Синевъ отодвинулъ шкафъ и вошелъ въ номеръ.

Она слѣдила...

Онъ отомстилъ своему врагу!

Присяжные чуть не плакали, слушая ихъ душевную драму, и содрогались, слушая исторію мести.

Защитникъ сказалъ блестящую рѣчь, но присяжные все-таки нашли ихъ виновными, и судъ приговорилъ Синевыхъ къ каторжнымъ работамъ: его на 18 лѣтъ, а ее на 12 лѣтъ.

Соньку-гусара оправдали.

Сумасшедшій палачъ.

Это было еще въ началѣ моей полицейской карьеры, если не ошибаюсь, — въ 1857 году...

Осенью, въ послѣднихъ числахъ сентября, ко мнѣ, въ то время полицейскому надзирателю Спасской части, вошелъ вѣстовой Сергѣй и доложилъ:

— Неизвѣстный человѣкъ, не объявляющій своего званія, цѣлый день трется около конторы квартала и ищетъ случая припасть съ личной просьбой къ вашему высокородію. Человѣкъ подозрителенъ...

— Почему?

— Далъ мнѣ 30 коп., чтобы я допустилъ его на разговоръ съ вашимъ высокородіемъ наединѣ.

— Позови, — говорю.

Черезъ нѣсколько минутъ Сергѣй ввелъ въ кабинетъ субъекта лѣтъ, повидимому, сорока, одѣтаго въ обыкновенный мѣщанскій нарядъ. Это былъ лысый, высокаго роста человѣкъ...

На вопросъ, что ему надо и кто онъ, неизвѣстный отвѣчалъ, что онъ — динабургскій мѣщанинъ Яковъ Дорожкинъ, недавно прибылъ изъ Динабурга и что паспорта не имѣетъ, а остановился на Васильевскомъ островѣ у своего ума, безсрочно отпускнаго матроса Балтійскаго флота, Семена Грядущаго, который, вотъ ужъ, нѣсколько лѣтъ служитъ у адмирала Платера кучеромъ.

Отрекомендовавъ себя подобнымъ образомъ, этотъ странный человѣкъ вдругъ сталъ на колѣни и, просительно складывая руки, заговорилъ:

— Явите божескую милость, ваше высокородіе! Окажите ваше «высокое» содѣйствіе моему куму, Семену, къ опредѣленію въ должность...

— Да, вѣдь, онъ служить, твой кумъ Семенъ, — сказалъ я. — Какой еще ему службы надо?

— Служить онъ, дѣйствительно, ваше высокородіе, и при хорошемъ мѣстѣ состоятъ... Только сдѣлайте такую милость, опредѣлите его въ палачи!..

Какъ ни наторѣлъ уже мой полицейскій слухъ ко всякаго рода заявленіямъ, однако, мнѣ показалось, что я ослышался...

— Чего?.. Куда?.. — переспросилъ я.

— Палачемъ хочетъ быть кумъ-Семенъ, — отвѣтилъ ясно Дорожкинъ, — сдѣлайте такую милость, ваше высокородіе, похлопочите...

Надо замѣтить, что, на основаніи существовавшихъ въ то время законоположеній, правительство предлагало обязанности палача лишь преступникамъ, подлежащимъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь или къ отдачѣ въ арестантскія роты. Но даже и при этихъ условіяхъ кандидатовъ на эту должность почти не находилось. Правительство даже циркулярно въ разныхъ губерніяхъ, по тюрьмамъ, разыскивало желающихъ принять на себя эти ужасныя обязанности.

Вотъ почему, послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья, я рѣшилъ, что дѣло, во всякомъ случаѣ, надо разслѣдовать, и тотчасъ задалъ вопросъ, судился ли нѣтъ когда-либо его кумъ.

Оказалось, что Дорожкинъ этого не знаетъ, но что, во всякомъ случаѣ, кумъ Семенъ Грядущій проситъ во что бы то ни стало выхлопотать ему опредѣленіе на должность палача, обѣщая не пожалѣть на это никакихъ расходовъ, лишь бы, впрочемъ, объ этомъ до времени не было извѣстно адмиралу Платеру.

Заинтересованный еще болѣе какъ ходатаемъ, который, казалось, вполне искренно желалъ угодить своему пріятелю, такъ, въ особенности, личностью человека, который, живя на свободѣ и въ извѣстномъ достаткѣ, стремился принять на себя ремесло палача, я рѣшилъ заняться этимъ дѣломъ основательно.

Я объявилъ странному ходатаю, что завтра же по дѣламъ службы буду на Васильевскомъ островѣ и чтобы онъ, вмѣстѣ со своимъ кумомъ, къ часу дня явился въ гостиницу «Золотой Якорь», куда я заѣду къ этому времени.

Дорожкинъ отвѣсилъ мнѣ поклонъ до земли и заявилъ на прощанье, что кумъ его ничего не пьетъ, не куритъ и человекъ весьма набожный... Словомъ, удивленіе, да и только...

Семень Грядущій.

Подъѣзжая на другой день къ «Золотому Якорю», я увидѣлъ, что мой вчерашній посѣтитель уже ожидаетъ меня у подъѣзда.

Очень предупредительно встрѣтивъ меня и введя въ отдѣльный номеръ, онъ опять бросился на колѣни и умоляющимъ голосомъ сталъ просить подождать не болѣе получаса, потому что кумъ его не успѣлъ приготовить надлежащаго одѣянія, дабы предстать предо мною во всей формѣ своего будущаго званія.

Въ ожиданіи появленія кандидата въ палачи, я сталъ разспрашивать Дорожкина, чѣмъ онъ занимался. Совершенно свободно и безъ всякихъ оговорокъ онъ объяснилъ, что съ 20-ти лѣтъ жизни вмѣстѣ со своимъ отцомъ онъ занимался провозомъ контрабанды, преимущественно чая. Но лѣтъ шесть тому назадъ они были пойманы и сидѣли въ тюрьмѣ болѣе 2-хъ лѣтъ. Въ тюрьмѣ отецъ его, бывший шляхтичъ, умеръ.

Во время этой откровенной бесѣды въ номеръ вошелъ мужчина и, поклонившись мнѣ въ ноги, произнесъ:

— Будьте отецъ и благодѣтель, устройте, чтобы я былъ палачемъ. Вѣкъ за васъ буду Богу молиться. Всѣ расходы снесу, какіе потребуются.

Онъ поднялся, и я увидѣлъ человека лѣтъ пятидесяти на видъ, роста выше средняго, очень крѣпкаго сложенія, съ густыми русыми волосами, подстриженными въ скобку, и съ усами. Одѣтъ онъ былъ въ плисовую черную безрукавку, въ такія же шаровары, запущенныя въ голенища сапогъ, и въ красную кумачную рубашку. Безрукавка была перехвачена узкимъ пояскомъ изъ позумента.

— Я, говоритъ, служилъ во флотѣ, вышелъ въ безсрочный отпускъ и нынче служу кучеромъ по найму у адмирала Платера. Адмиралъ мною доволенъ. Я холостой, отъ роду ничего не пью и не курю.

На вопросъ, почему явилось у него желаніе быть непременно палачемъ, новый мой знакомецъ понесъ опять-таки удивительныя рѣчи:

— Два раза въ жизни видѣлъ я, — заговорилъ онъ, — какъ на Конной площади палачъ Кирюшка наказывалъ убійцъ... Да развѣ это палачъ? Да развѣ такъ наказывать надо? Да развѣ такую для этого надо имѣть руку!... Эхъ, прямо вскочилъ бы на эшафотъ, значитъ, да и выхватилъ-бы у него плетъ, да и потянулъ бы... вотъ какъ... не «по Кирюшкинскому», а такъ, что «они», то-есть преступники, и не встали бы...

Силу въ этомъ я необыкновенную имѣю, — продолжалъ этотъ удивительный собесѣдникъ, — вотъ уже мѣсяца два я въ этомъ дѣлѣ упражняюсь. Каждый день утромъ по двадцати ударовъ кнутомъ каждой лошади даю и вечеромъ повторяю ту же самую порцію. Вотъ, кумъ видѣлъ... Какъ я вхожу въ

конюшню, страхъ на лошадей находить непомѣрный... рычатъ, топчутъ, брыкаются.

Вслѣдъ за этимъ онъ вынулъ изъ кармана красную феску съ большой золотою кистью, надѣлъ ее на голову и повелительно произнесъ:

— Кумъ! встань-ка туда къ двери... задомъ!... Облокотись на дверь, будто представляешь, что приготовился къ наказанію.

— Видѣли ли вы, ваше высокоблагородіе, какъ плетями наказываютъ? — обратился онъ потомъ къ мнѣ.

Хотя я и былъ очень озадаченъ неожиданностью приготовленій и могъ бы, разумѣется, прекратить это, отвѣтивъ, что видѣлъ и не разъ, но, заинтересованный исходомъ, заявилъ, что никогда не видѣлъ.

— Такъ вотъ какъ это производится! — воскликнулъ Грядущій. — Кумъ, стой!

Съ этой грозной фразой будущій палачъ, у котораго въ правой рукѣ уже оказалась плеть, а лѣвая была засунута за поясъ, въ одно мгновеніе сбросилъ съ себя поддевку, съ какимъ-то остервенѣніемъ заломилъ на сторону ермолку и произнесъ: «берегись», а затѣмъ сталъ медленно подходить къ имѣвшему въ это время очень жалкій видъ куму.

При слѣдующемъ словѣ «ожгу» у кума подкопились ноги, и онъ, не выдержавъ, воскликнулъ:

— Кумъ, не могу больше — страшно!...

— Вотъ — обращаясь ко мнѣ, произнесъ палачъ, — ваше высокоблагородіе, вотъ моя сила гдѣ!...

Надо было какъ-нибудь закончить эту дикую сцену. Я спросилъ Грядущаго, безразлично ли для него, куда бы его ни назначили для исполненія этихъ обязанностей, и получилъ отвѣтъ:

— Я бы желалъ въ одномъ изъ большихъ городовъ, тамъ практики больше!...

Узнавъ, затѣмъ, отъ него, что самъ онъ изъ Тверской губерніи, я пробовалъ, было, замѣтить, что, вѣдь, для испытанія его способностей Грядущаго могутъ послать именно въ Тверскую губернію, а тамъ, можетъ быть, къ его несчастью, ему придется наказывать не только односельчанина, но даже родственника. На это звѣрь-человѣкъ съ особеннымъ достоинствомъ возразилъ:

— Да если бы и отца родного пришлось наказывать, такъ я не пощажу... А ежели онъ перенесетъ 30-ть ударовъ, то я буду просить начальство съчъ меня, покуда самъ не помру...

Сказать правду, мнѣ стало грустно и тяжело... Да и усталъ я отъ этой бездны, какъ мнѣ тогда казалось, человѣческой жестокости и бездушія...

Я поднялся съ мѣста.

— Вотъ что, братецъ, — сказалъ я Грядущему, — назначеніе въ палачи отъ меня лично, какъ ты знаешь, не зависитъ. О твоёмъ желаніи и о томъ, что я видѣлъ, передамъ начальству, — какъ оно рѣшитъ, такъ и будетъ...

Претендующій на должность палача и его кумъ поклонились мнѣ и предупредительно бросились подавать пальто.

Въ госпиталѣ.

На другой день, явившись къ бывшему въ то время оберъ-полицеймейстеру графу Петру Андреевичу Шувалову, я подалъ ему обо всемъ разсказанномъ выше докладную записку. Прочитавъ ее, графъ развелъ руками и сказалъ:

— Вотъ, подите же!... Вѣдь, почтеннаго адмирала я хорошо знаю. Припоминаю, кажется, даже его кучера... Вотъ вамъ и загадка. Сидишь себѣ въ соб-

ственнымъ экипажѣ и не знаешь, что за человѣкъ такой передъ тобой на козлахъ сидитъ... Впрочемъ, обо всемъ этомъ я переговорю лично съ адмираломъ и обо всемъ ему сообщу.

Нѣсколько дней спустя, графъ вызвалъ меня и сказалъ, что кучеръ адмирала Платера отосланъ на испытаніе въ госпиталь, и поручилъ мнѣ узнать отъ госпитальныхъ врачей, каковаго они мнѣнія объ этомъ человѣкѣ.

Въ этомъ госпиталѣ служилъ въ то время знаменитый впослѣдствіи профессоръ Антонъ Яковлевичъ Красовскій, который и провелъ меня въ камеру, гдѣ, въ качествѣ испытуемаго, содержался нашъ воображаемый заплечный мастеръ, кучеръ Семень Грядущій.

Онъ встрѣтилъ меня низкими поклонами и съ выраженіемъ особенной признательности за опредѣленіе его на должность палача.

— Здѣсь меня уже пробуютъ, ваше высокоблагородіе, — заявилъ онъ, — гожусь ли я, или нѣтъ.

И тотчасъ же онъ попросилъ у дежурнаго врача позволенія испытать при мнѣ свои способности. Эта просьба была тутъ же исполнена.

Его вывели въ палисадникъ, гдѣ была приготовлена кукла въ человѣческій ростъ, набитая въ бѣлый холщевый бурнусъ.

Семену выданъ былъ мочальный плетеный кнутъ, на подобіе плети, и онъ началъ показывать свое искусство.

Онъ не сразу приступилъ къ этому акту, а попросилъ предварительно позволить ему нарядиться въ соотвѣтствующій костюмъ. Это ему было разрѣшено, и минутъ черезъ пять Семень, вмѣсто сѣраго халата, явился въ томъ самомъ нарядѣ, въ которомъ онъ впервые появился предо мной въ «Золотомъ Якорѣ».

Взявъ съ достоинствомъ кнутъ въ руки, онъ подошелъ къ манекену...

Взявъ съ достоинствомъ кнутъ въ руки, онъ подошелъ къ манекену и погладилъ его рукой по спинѣ. Потомъ, отойдя сажени на двѣ, сталъ вновь приближаться къ нему съ особенной торжественностью, восклицая: «берегись, ожгу!»

Производя свои странныя дѣйствія, этотъ удивительный «талантъ» нѣсколько разъ оборачивался ко мнѣ, какъ будто бы взглядомъ приглашая оцѣнить и удостовѣрить чистоту его работы и тонкость отдѣлки. Видъ его выражалъ необыкновенную самоувѣренность и похвальбу: «не сомнѣвайтесь, молъ, ваше благородіе, оправдаемъ, молъ»...

Поговоривъ съ докторомъ, я оставилъ госпиталь въ совершеннѣйшемъ недоумѣніи... Что я могъ сказать, что доложить по начальству?

Какъ ни неопытенъ и немалосвѣдущъ въ то время я былъ во всякаго рода психіатріи, тѣмъ не менѣе для меня лично не было сомнѣнія, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ видомъ умопомѣшательства.

Ничего не скрывая и не утаивая собственныхъ мыслей на этотъ счетъ, я все рассказалъ графу.

Онъ задумался.

— Въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ онъ, — исторія-то выходитъ довольно сложная... Не знаю, какъ тутъ и быть...

— Позвольте мнѣ, ваше сіятельство, — сказалъ я, — еще поразвѣдать и поразспросить объ этомъ человѣкѣ.

— И въ самомъ дѣлѣ, сдѣлайте это, — отвѣтилъ мнѣ графъ, — а тамъ видно будетъ, что съ нимъ дѣлать...

Вскорѣ я узналъ довольно грустную, хотя и отрывочную трагедію «палача».

Сердечная рана.

Семень Грядущій, какъ оказалось, питалъ когда-то нѣжную страсть къ одной женщинѣ, которая была звѣрски убита какими-то злодѣями, будучи беременной.

Злодѣи были пойманы, осуждены и по тогдашнимъ законамъ приговорены, между прочимъ, ко всенародному наказанію плетми. Скорбя по утратѣ любимой женщины и питая въ душѣ понятную злобу къ злодѣямъ, Семень Грядущій отправился смотрѣть, какъ будетъ наказывать ихъ палачъ Кирюшка. И, вотъ, тутъ-то онъ убѣдился, что Кирюшка «мирволилъ» убійцамъ, наказывая ихъ, по его мнѣнію, весьма слабо.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что подобное убѣжденіе Семена Грядущаго могло быть вызвано и не однимъ только чувствомъ мести. Дѣйствительно, бывало, что подкупленный родственниками убійцъ или самими преступниками, палачъ иногда являлъ «незаконную» снисходительность къ наказаннымъ.

Естественно, что и Семень Грядущій, быть можетъ, попалъ на такую казнь «съ сильнымъ взмахомъ», но съ «легкимъ отводомъ» удара. Но вѣрнѣе и то, что просто его разсудокъ, потрясенный горемъ, не выдержалъ и уступилъ мѣсто злобному умопомраченію, искавшему себѣ выхода въ практикѣ «настоящаго» заплечнаго мастера, такого мастера, который, по его мнѣнію, чуть ли не съ одного удара долженъ убивать наказуемаго...

Но палачемъ этому несчастному человѣку такъ-таки и не удалось сдѣлаться...

Черезъ мѣсяцъ я узналъ, что Семень Грядущій, по собственной ли волѣ, по распоряженію ли начальства, отправился въ одинъ изъ монастырей на Ладожскомъ озерѣ. Далѣе я потерялъ о немъ всякія свѣдѣнія...

Шайка разбойниковъ-душителей.

Это была цѣлая, хорошо организованная шайка, съ цѣлью грабежа избиравшая своими жертвами преимущественно извозчиковъ.

Наглые, энергичные, смѣлые, они одно время навели на столицу панику.

Операціи ихъ начались съ 1855 года.

Въ концѣ этого года, на Волхонской дорогѣ былъ поднятъ трупъ мужчины, задушеннаго веревочной петлей. По разслѣдованію оказалось, что это былъ крестьянинъ Семизоровъ изъ села Кузьминскаго, что онъ ѣхалъ домой, былъ по дорогѣ кѣмъ-то задушенъ, послѣ чего у него взяли лошадь, телѣгу и деньги.

Убійство страшное, но не обратившее бы на себя особаго вниманія, если бы слѣдомъ за нимъ, на той же самой Волхонской дорогѣ, не совершилось точно такого же характера другое убійство.

На этотъ разъ былъ задушенъ крестьянинъ деревни Коколовой, Иванъ Кокко, при чемъ у него взяты были лошадь съ санями.

Затѣмъ, страшные преступники какъ-будто переселились въ городъ Кронштадтъ и тамъ, другъ за другомъ, также удушеніемъ веревочной петлей, были убиты и ограблены крестьянинъ Ковинъ и жена квартирмейстера Аксинья Капитонова.

Становилось какъ-то не по себѣ при разсказахъ объ этихъ страхахъ, а тутъ вдругъ убійство, также удушеніемъ, легкового извозчика Федора Иванова, — оба раза съ ограбленіемъ и уже снова въ Петроградѣ, на погорѣлыхъ мѣстахъ Измайловскаго полка.

Въ то время мѣстность Измайловскаго и Семеновскаго полковъ была мрачна и пустынна, и случаи грабежей и насилій бывали тамъ нерѣдки, но собственно говоря, бывать въ тѣхъ мѣстахъ не являлось надобности, такъ какъ жили тамъ преимущественно трущобные обыватели и разная голь.

Послѣ же огромнаго пожара, погорѣлыя мѣста Измайловскаго полка, особенно ночью, казались страшными, какъ заброшенные кладбища.

Слѣдомъ за извозчикомъ Ивановымъ, близъ Скотопригоннаго двора, былъ найденъ другой трупъ также задушеннаго и ограбленнаго извозчика.

Какъ сейчасъ помню впечатлѣніе паники среди жителей столицы, а особенно среди извозчиковъ.

Насъ же угнетало чувство безсилія.

Я былъ тогда еще маленькимъ человѣкомъ — помощникомъ надзирателя при Нарвской части.

У насъ въ части, во время присутствія, только и было разговоровъ, что объ этихъ происшествіяхъ.

Приставъ слѣдственныхъ дѣлъ, нѣкій Прачъ, толстый, краснолицый, съ рыжими усами, самоувѣренно говорилъ:

— Небось, откроемъ! у меня есть такіе люди, которые ищутъ, и самъ я гляжу въ оба!

Но онъ больше глядѣлъ въ оба... кармана мирныхъ жителей своей части.

Другое дѣло былъ Келчевскій.

Онъ былъ стряпчимъ по полицейскимъ дѣламъ той же Нарвской части и проявлялъ незаурядную энергію, особенно въ веденіи слѣдствія. Совершившій

Вдругъ—хлясть! мнѣ на шею петля и назадъ меня тянуть...

преступленіе уже не могъ открутиться отъ него, настолько онъ былъ ловокъ, уменъ и находчивъ.

Съ нимъ мы подолгу бесѣдовали о тайственныхъ убійцахъ.

Какъ онъ, такъ и я не сомнѣвались, что въ рядѣ этихъ убійствъ принимаетъ участіе не одинъ и не два человѣка, а цѣлая шайка.

Одновременно съ этими убійствами, въ Петроградѣ наводила не малый страхъ и шайка грабителей (это все было въ 1855 г.), члены которой грабили неосторожныхъ пѣшеходовъ въ темныхъ закоулкахъ и на окраинахъ.

Конецъ 1856 года и начало 1857 можно было назвать буквально ужасными. За два мѣсяца времени полиція подобрала одиннадцать тѣлъ, голыхъ, замершихъ, со страшными веревками на шеѣ!

Это были все легковые извозчики или случайно запоздавшіе пѣшеходы.

Не проходило утра, чтобы за ночь не объявилось совершенное удушеніе или на погорѣлыхъ мѣстахъ Измайловскаго полка, или на берегу Таракановки, Обводнаго канала, или на Семеновскомъ плацу.

Изъ одиннадцати подобранныхъ тѣлъ, девять удалось оживить, благодаря своевременной медицинской помощи, и рассказы этихъ оживленныхъ, по-моему, страшнѣе всякихъ придуманныхъ рождественскихъ сказовъ.

— Наняли меня, — рассказывалъ извозчикъ, — два какихъ-то не то мѣщанина, не то купца на Рижскій прищектъ, рядились за 30 коп., я и повезъ. Они пѣсни поютъ. Только въѣхали мы это съ Седьмой роты на погорѣлый мѣста, они вдругъ и притихли. Я поглядѣлъ: они что-то шепчутся. Страхъ меня забралъ. Вспомнилъ я про убійцевъ и замеръ. Кругомъ ни души, темень. Я и завернулъ было коня назадъ. А

они: куда? стой! Я по лошади. Вдруг — хлясть! мнѣ на шею петля и назадъ меня тянуть, а въ спину колѣномъ кто-то уперся. Тутъ я и память потерять...

— А въ лицо не помнишь ихъ?

— Гдѣ жъ? рядили, мнѣ и невдогадъ!..

— Возвращался отъ кума съ сочельника, — рассказывалъ другой извозчикъ, — надо было мнѣ свернуть съ канавы въ Тарасовъ переулокъ. Я это свернулъ, а на меня двое. Сила у меня есть. Я сталъ отбиваться; только одинъ кричитъ: накидывай! тутъ я почувствовалъ, что у меня на шеѣ петля, а тамъ запрокинули меня и я обезпамятовалъ...

И опять въ лицо признать никого не можетъ.

Графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ, бывший тогда петроградскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, отдалъ строгій приказъ разыскать преступниковъ.

Вся полиція была на ногахъ, и всѣ метались безъ слѣда, безъ толка.

Я весь горѣлъ отъ этого дѣла. Потерялъ и сонъ, и аппетитъ. Не могутъ же скрыться преступники, если ихъ начать искать, какъ слѣдуетъ? И я далъ себѣ слово разыскать ихъ всѣхъ до одного, хотя бы съ опасностью для своей жизни.

Путь у меня былъ прямой.

Кромѣ лошади и саней, убійцы грабили жертву донага и должны были сбывать куда-нибудь награбленное, а награбленное было типичное, извозничье.

И я рѣшилъ въ разные часы утра и вечера бродить и искать на Сѣнной, на Апраксиномъ, на Толкучкѣ, пока не найду или вещей, или продавщиковъ.

Съ этой цѣлью, съ декабря 1856 г., каждый день я переряжался то сборванцемъ, то мѣщаниномъ, то мастеровымъ и шатался по извѣстнымъ мнѣ мѣстамъ, внимательно разглядывая всякій хламъ.

Дни шли, не принося результатовъ.

Келчевскій, посвященный въ мои розыски, каждый день жадно спрашивалъ меня:

— Ну, что?

И каждый разъ я уныло отвѣчалъ ему:

— Ничего!

И вотъ однажды, 30 декабря 1856 г., я сказалъ ему:

— Кажется, нашелъ!

Онъ оживился.

— Какъ? что? кого? гдѣ?

Но я ничего ему не отвѣтилъ, потому что самъ еще зналъ очень мало.

Первый слѣдъ.

Дѣло было такъ.

По обыкновенію, я вышелъ на свою безпредметную охоту вечеромъ 29 декабря.

Переодѣтый бродягой, я медленно шелъ мимо Обуховской больницы, направляясь къ Сѣнной, чтобы провести вечеръ въ Малинникѣ, когда меня перегнали двое мужчинъ, по одеждѣ мастеровыхъ.

Одинъ изъ нихъ несъ узелъ, а другой ему говорилъ:

— Наши уже бурили¹⁾ ей. Баба покладистая... Словно что толкнуло меня.

Я далъ имъ пройти и тотчасъ пошелъ за ними слѣдомъ.

Они шли быстро, видимо избѣгая людей, и для меня, съ моей опытностью, было ясно, что они несутъ продавать краденное.

Не долго думая, я нащупалъ въ карманѣ свой

¹⁾ Т. е. сбывали краденное.

перстень съ сердоликомъ и рѣшилъ дослѣдить этихъ людей до конца.

Они миновали Сѣнную площадь и вошли въ темныя ворота огромнаго дома Дероберти.

Изъ-подъ воротъ они вышли на дворъ и пошли въ его конецъ, а я вернулся на улицу и сталъ ожидать ихъ возвращенія.

Итти за ними оказывалось ненужнымъ рискомъ. Мѣсто, куда они направились, я уже зналъ. Тамъ, въ подвалѣ, сдавая углы, жила солдатская вдова Никитина, извѣстная мнѣ скупщица краденнаго.

Знала и она меня не по одному дѣлу, и я пользовался у нея даже расположеніемъ, потому что старался всегда не вводить ее въ убытки отобраніемъ краденнаго и устраивалъ такъ, что лица пострадавшіе выкупали у нея вещи за малую цѣну.

Ждать мнѣ пришлось недолго.

Минутъ черезъ 15—20 вышли мои пріатели уже безъ узла.

Я пошелъ имъ навстрѣчу и у самаго фонаря нарочно столкнулся съ однимъ изъ нихъ, чтобы лучше разглядѣть его лицо.

Онъ выругался и отпихнулъ меня, но мнѣ было уже довольно для того, чтобы я узналъ его въ тысячной толпѣ.

Я перешелъ на другую сторону и сталъ слѣдить за ними. Они зашли въ кабакъ, наскоро выпили по стакану и вышли, закусывая на ходу печенкой.

Одинъ спросилъ:

— Ночевать гдѣ будешь?

— А въ Вяземкѣ, — отвѣтилъ другой.

— На Канаву не пойдешь?

— Не: тамъ Мишка! ну, его! а ты?

— Я тутъ... съ Лукерьей!

Они остановились у дома Вяземскаго, этой страшной въ то время трущобы, и распростились.

Я тотчасъ вернулся въ домъ Дероберти и вошелъ прямо въ квартиру Никитиной.

Она пила за некрашеннымъ столомъ чай, со свистомъ втягивая его съ блюда.

Взглянувъ на меня, она безучастно спросила:

— Чего, милый человѣкъ, надо?

Я невольно разсмѣялся:

— Не узнала?

Она оставила блюдо и всплеснула руками.

— А вотъ те Христосъ не признала, ваше благородіе! вотъ обрядились-то. Диво! Ей-Богу, диво!

— За дѣломъ къ тебѣ, — сказалъ я.

Она тотчасъ приняла степенный видъ и, выглянувъ въ сѣни, старательно закрыла дверь.

— Что прикажете, ваше благородіе?

— У тебя сейчасъ двое были, вещи продали, — сказалъ я. — Покажи ихъ!

Она кивнула головой и безпрекословно подошла къ сундуку и раскрыла его.

Я задрожалъ отъ радостнаго чувства, когда она вытащила и показала мнѣ вещи.

Это были: довольно старый полушубокъ и извозничій кафтанъ съ жестяной бляхой!

Чего лучше. Предчувствіе меня не обмануло, я попалъ на слѣдъ!

Но слѣдомъ за этимъ наступило разочарованіе.

— Пятерку дала, — пояснила мнѣ равнодушно Никитина, — али краденные?

— Другое-то развѣ несутъ къ тебѣ? — сказалъ я, — ну, вещи, пока что, пусть у тебя будутъ. Только не продавай ихъ, а теперь скажи, кто тебѣ ихъ принесъ?

Она подняла голову и спокойно отвѣтила:

— А песъ ихъ знаетъ. Одинъ черезъ другого, мало ли ихъ идетъ. Я и не спрашиваю!

— Можетъ раньше что приносили?

— Нѣтъ! Эти въ первый разъ.

— А въ лицо запомнила?

Она покачала головой.

— И въ лицо не признаю. Одинъ-то совсѣмъ прятался. Въ сѣняхъ стоялъ, а другой все рыло воротилъ. Только и видѣла, что рыжій. Да мнѣ и въ мысль не приходило разглядывать!

Я смущенно вздохнулъ.

— Ну, такъ пока что, хоть вещи побереги!

И вотъ, на это-то происшествіе я и намекнулъ Келчевскому.

Несомѣнно, я попалъ на слѣдъ; я зналъ это, но вмѣстѣ съ тѣмъ у меня въ рукахъ не было еще никакого матеріала.

Тѣмъ не менѣе я рѣшился арестовать этихъ людей и сталъ ихъ выслѣживать.

7-го числа я арестовалъ своихъ молодцовъ, обвиня ихъ въ продажѣ тулупа и армяка.

Келчевскій взялся ихъ допросить.

Одинъ изъ нихъ, рыжій, здоровый парень, съ воровской, наглою рожей, назвался государственнымъ крестьяниномъ Московской губерніи Александромъ Петровымъ, а другой — любимскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Григорьевымъ.

Заявили они, что ходятъ безъ дѣла, ищутъ мѣста, а что до Никитиной, то никакой такой не знаютъ и никакихъ вещей ей продавать не носили.

Уперлись на этомъ, и конецъ.

Мы ихъ посадили. Я занялся провѣркою паспортовъ. Все въ порядкѣ.

Вызвали Никитину, и не знаю, боялась ли она, или дѣйствительно не признала ихъ, только она не узнала ни того, ни другого.

А, между тѣмъ, во мнѣ увѣренность, что это именно одни изъ «душителей», была такъ крѣпка, что я передалъ ее и Келчевскому, и тотъ продолжалъ держать ихъ въ тюрьмѣ.

Время шло.

Я продолжалъ свои поиски, но безуспѣшно.

Какъ вдругъ опять случай пришелъ мнѣ на помощь.

„Карась на удочкѣ“.

Выше я уже упоминалъ про шайку грабителей, оперировавшую въ это же время въ Петроградѣ.

Она состояла всего изъ шести человѣкъ, была поймана, и тому же Келчевскому поручено было производить по этому дѣлу дознание.

Я никогда не упускалъ случая присутствовать при его бесѣдахъ съ преступниками, если у меня выпадало свободное время.

Онъ, въ свою очередь, никогда не отказывалъ мнѣ въ этомъ.

Разоблаченіе шайки дѣлалось быстро; роли каждого опредѣлялись, тотчасъ, преступленія устанавливались, вещи отыскивались.

Въ тотъ разъ, о которомъ я рассказываю, Келчевскій допрашивалъ Крюкина, стараго рецидивиста. Окончивъ допросъ, онъ вдругъ сказалъ ему:

— Плохо твое дѣло, я бы, пожалуй, помогъ тебѣ, если бы и ты намъ помогъ...

Лицо Крюкина оживилось надеждой.

— Чѣмъ, ваше благородіе?

— Гдѣ, съ кѣмъ сидишь?

— Насть много. Восемь!

— А Ивановъ съ тобою?

— Душитель-то?...

Я чуть не подпрыгнулъ, но Келчевскій сохранилъ полное спокойствіе. Онъ кивнулъ и сказалъ:

— Онъ самый! дознай отъ него, сколькихъ онъ задушилъ и съ кѣмъ...

Крюкинъ покачалъ головой.

— Трудно, ваше благородіе! дивствительно, говорилъ, что душить и вещи продаетъ, а больше ничего. Мы его даже спрашивали: какъ? а онъ выругался и говоритъ: я шутилъ. Ребята сказывали, что знаютъ его, ну, а какъ и што, подлинно никто не знаетъ.

— Ну, а ты узнай! — сказалъ ему Келчевскій и отпустилъ его.

— Значитъ, наша правда! — воскликнулъ я, едва грабителя увели.

Келчевскій засмѣялся.

— Наша! я давно это чувствовалъ, да конца веревки въ рукахъ не было. А теперь все дознаемъ!

И онъ тотчасъ написалъ приказъ, чтобы ему отпустили изъ тюрьмы Иванова.

Черезъ полчаса передъ нами стоялъ Ивановъ. Нагло улыбаясь, онъ отвѣсилъ намъ поклонъ и оставилъ въ выжидательной позѣ.

— Ну, здравствуй, — сказалъ ему ласково Келчевскій, — что, сидѣть еще не надоѣло?

Этотъ допросъ происходилъ 2-го апрѣля, и, значитъ, Ивановъ сидѣлъ безъ малаго 3 мѣсяца.

Онъ передернулъ плечами.

— Извѣстно, не медъ, — отвѣтилъ онъ, — ну, да я думаю, что господа начальники и смиловятся когда-нибудь.

Келчевскій покачалъ головою.

— Врядъ ли! суди самъ, Петровъ говоритъ, что ты душилъ извозчиковъ, а я тебя вдругъ отпущу!

— Петровъ?! ахъ, онъ!... — воскликнулъ Ивановъ.

— Что Петровъ, — продолжалъ Келчевскій, — и ты самъ говоришь то же...

— Я?!

— Ты!.. Крюкину говорилъ, Зикамскій и Ильинъ тоже слышали. Хочешь позову ихъ?..

— Брешутъ они. Ничего я такого не говорилъ.

— Позвать?

— Зовите. Я имъ въ глаза наплюю...

— А что отъ этого? Все равно сидѣть будешь, поймаетъ еще двухъ, трехъ. Повѣрь, они дураки не будутъ. Всѣ на тебя наговорятъ. Благо уже сидишь. Петровъ-то все рассказалъ...

Ивановъ сталъ горячиться.

— Что рассказалъ-то? что?

— Сказалъ, вотъ, что вещи продавали...

— Ну, продавали, а еще что?...

— Что ты душилъ...

— А онъ? — закричалъ неистово Ивановъ.

— Про себя онъ ничего не говорилъ. Ты душилъ и грабилъ, а продавали оба, — спокойно отвѣтилъ Келчевскій.

— Такъ онъ вотъ какъ говоритъ! — трясъ головой и сверкая глазами, закричалъ Ивановъ. — Ну, такъ я жъ тогда! Пиши, ваше благородіе, пиши! теперь я всю правду вамъ расскажу.

Келчевскій кивнулъ головой и взялъ перо.

— Давно бы такъ, — сказалъ онъ, — ну, говори!

Ивановъ началъ рассказывать, оживленно жестикулируя.

— Убивать, дѣйствительно, убивалъ. Только не одинъ, а вмѣстѣхъ съ этимъ подлецомъ, Петровымъ.

Удушили извозчика, что въ Царское ѣхалъ. Взяли у него это все и — только... больше ничего не было.

— Какого извозчика? гдѣ? когда?

— Какого? мужика! ѣхалъ въ Царское, обратно. Мы его на Волхонскомъ шоссе и прикончили. Въ декабрѣ было.

— Такъ! ну, а вещи куда дѣли? лошадь, сани?...

— Лошадь это мы, какъ есть 28 декабря, въ Царское съ санями увезли. Сани продали Костыкѣ Тасину, а лошадь — братьямъ Дубовицкимъ; тамъ же, въ Царскомъ. Они извозъ держатъ...

— Какая лошадь?

— Рыжая кобыла. На лбу бѣлое пятно и одно ухо виситъ.

— А сани?

— Извозчицы, новыя сани, 20 рублей дали, а за лошадь 25.

— А полушубокъ? армякъ?

— Это тоже у Тасина, а другой — у солдатки. Тотъ самый, на чемъ поймались. А остальную одежду и торбу, и сбрую снесли въ сторожку на Лиговкѣ.

— Въ какую сторожку?

— Въ караульный домъ № 11. Туда всѣ носятъ. Къ сторожу! Вотъ и все. А что Петровъ на меня одного, такъ онъ брешетъ. Вмѣстѣ были, вмѣстѣ пили...

— Ну, вотъ и умный, — похвалилъ его Келчевскій, — теперь мы во всемъ живо разберемся.

Онъ написалъ распоряженіе о переводѣ его въ другую камеру и отпустилъ.

Едва онъ ушелъ, какъ я вскочилъ и крѣпко пожалъ руку Келчевскаго.

— Теперь они всѣ у насъ! надо въ Царское ѣхать!

— Прежде всего его сіятельству докладъ изготovitъ!

На другой же день о дѣлѣ было доложено графу Шувалову, и онъ распорядился тотчасъ начать энергичные розыски въ Царскомъ селѣ, для чего командировалъ меня, Келчевскаго и еще нѣкоего Прудникова, чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ.

Итакъ, намъ троимъ было ввѣрено это дѣло, а собственно говоря, — одному мнѣ.

Сторожка № 11.

Но еще до приказанія графа я тотчасъ принялся за розыскъ.

Едва свечерѣло, я переодѣлся оборванцемъ: въ рваныя галоши на босую ногу, въ рваныя брюки, женскую теплую кофту съ прорваннымъ локтемъ и въ военную засаленную фуражку. Потомъ подкрасилъ носъ, сдѣлалъ себѣ на лицѣ два кровоподтека и, хотя на дворѣ было изрядно холодно, вышелъ на улицу и смѣло пошелъ на окраину города, на Лиговскій каналъ.

Окрестность за Московской заставой, къ шоссе, и въ настоящее время представляетъ мѣсто не безопасное, но тогда тамъ была совершенная глушь.

Тянулись пустыри, неогороженные даже заборами, а у шоссе стояли одинокія сторожки караульщиковъ отъ министерства путей сообщенія, на обязанности которыхъ лежало слѣдить за порядкомъ шоссе.

Эти крошечные домики стояли другъ отъ друга саженьхъ въ двухстахъ.

Туда-то и направилъ я свои шаги. Ивановъ указалъ на караулку подъ № 11, и я рѣшилъ прежде всего осмотрѣть ее и внутри, и снаружи.

Одинокая сторожка стояла саженьхъ въ 5 отъ шоссе.

Два крошечныхъ окна и дверь выходили наружу, а сбоковъ и сзади домикъ окружалъ невысокій заборъ.

Тутъ же, за домикомъ, протекала исчезнувшая теперь рѣчка Лиговка, за которой чернѣлъ лѣсъ.

Мѣсто было глухое. Вѣтеръ шумѣлъ въ лѣсу и гналъ по небу тучи, сквозь которыя изрѣдка пробивался мѣсяцъ.

Изъ двухъ оконъ сторожки на шоссе падалъ блѣдный свѣтъ.

Настоящій разбойничій притонъ!

Я осторожно подошелъ къ караулкѣ и заглянулъ въ окно. Оно было завѣшено ситцевой тряпкой, но ее края не доходили до косяковъ, и я видѣлъ все, что происходило въ комнатѣ.

Комната была большая, съ русской печью въ углу.

Вдоль стѣны тянулась скамья, передъ которой стоялъ столъ, а вокругъ него табуретки. У другой стѣны стояла кровать, и надъ нею висѣла всякая одежда.

За столомъ, прямо лицомъ къ окну, сидѣлъ маленькаго роста, коренастый чухонецъ, необыкновенной силы. У него были бѣлокурые большіе усы и изумительные голубые глаза, глаза ребенка.

Прислонясь къ его плечу, рядомъ съ нимъ сидѣла рослая, красивая женщина.

Другая сидѣла къ окну спиною, а на скамьѣ—

высокій мужчина въ форменномъ кафтанѣ съ бляхою, съ трубкой въ зубахъ.

На столѣ стояли зеленый полуштофъ, бутылки съ пивомъ и деревянная чашка съ какимъ-то хлебовомъ.

Чухонецъ что-то говорилъ, махая рукой, и всѣ смѣялись.

Я рѣшился на отчаянный шагъ и постучалъ въ окошко.

Всѣ вздрогнули и обернулись къ окну.

Чухонецъ вскочилъ, но потомъ опять сѣлъ.

Сторожъ пыхнулъ трубкой, медленно всталъ и пошелъ къ двери.

Признаюсь, я дрожалъ—частью отъ холода, частью отъ волненія.

Дверь распахнулась, и въ нее просвѣтъ показала высокая фигура хозяина.

Опираясь плечомъ о косякъ, онъ придерживалъ свободной рукой дверь.

— Кто тутъ? чего надо?—грубо окрикнулъ онъ.

Я выступилъ на свѣтъ и снялъ картузь.

— Пусти, Бога ради, обогрѣться!—сказалъ я,—иду въ городъ. Прозябъ, какъ кошка.

— Много васъ тутъ шляется! иди дальше, пока собаку не выпустишь!

Но я не отставалъ.

— Пусти, не дай издохнуть! у меня деньги есть. Возьми, коли такъ не пускаешь.

Этотъ аргументъ смягчилъ сторожа.

— Ну, вались!—сказалъ онъ, давая дорогу и, обратясь къ чухонцу, громко пояснилъ:—бродяга!

Я вошелъ и непритворно сталъ прыгать и колотить нога объ ногу, такъ какъ чувствовалъ, что онѣ невозможно прозябли.

Всѣ засмѣялись. Я притворился обиженнымъ.

— Походили бы въ этомъ, — сказалъ я, сбрасывая съ ноги галошу, — посмѣялись бы!

— Изъ далека?

— Съ Колпина!

— Въ поворотъ?

— Оно самое. Иду стрѣлять *), пока што...

— По карманамъ? — засмѣялся сторожъ.

— Ежели очень широкой, а рука близко... Водочки бы, хозяинъ! пззябъ!

— А деньги есть?

Я захватилъ съ собою гривень семь мелкой монетой и высыпалъ теперь ихъ на столъ.

— Ловко! гдѣ сбондилъ?

Я прикинулся снова и рѣзко отвѣтилъ:

— Ты не помогай, не твое и дѣло...

— Ну, ну! мое всегда цѣло будетъ! садись, пей! Стефка, налей келишекъ!

Сидѣвшая подлѣ чухонца женщина взяла полуштофъ и тотчасъ налила мнѣ стаканчикъ.

Я чокнулся съ чухонцемъ, выпилъ и полѣзъ въ чашку, гдѣ были накрошены свекла, огурцы и скверная селедка — что-то вродѣ винегрета.

Сторожъ, видимо, успокоился и сѣлъ противъ меня, снова взявшись за трубку.

Чухонецъ съ голубыми глазами ребенка сталъ меня спрашивать.

Я вспомнилъ исторію одного бѣглаго солдата и сталъ передавать ее, какъ свою біографію.

Сторожъ слушалъ меня, одобрительно кивая головой; чухонецъ два раза самъ налилъ мнѣ водки.

— А гдѣ нынѣ ночевать будешь? — спросилъ меня сторожъ, когда я кончилъ.

— Въ Лаврѣ! — отвѣтилъ я.

*) Т. е., просить милостыню.

— Ночуй у меня, — вдругъ къ моей радости предложилъ мнѣ сторожъ, — завтра пойдешь, вотъ, съ нимъ! — онъ кивнулъ на чухонца.

Я равнодушно согласился.

— Сразу въ наши записаться хочешь! — засмѣялся сторожъ, — ну, что жъ! — и онъ назвалъ всѣхъ.

— Меня Павломъ зови. Павелъ Славинскій, я тутъ сторожемъ. Это дочки мои: Анна да Стефка — безпутная дѣвка! ха-ха-ха, а этого Мишкой. А теперь иди, покажу, гдѣ спать тебѣ!

Я простился со всѣми за руку, и онъ свелъ меня въ уголъ за печку.

Тамъ лежалъ вонючій тюфякъ и грязная подушка.

— Тутъ и спи! тепло и не дуетъ! — сказалъ онъ и вернулся въ горницу.

Я видѣлъ свѣтъ и слышалъ голоса.

Потомъ все смолкло. Мимо меня прошли дочери хозяина и скрылись за дверью.

Павелъ съ Наяненомъ о чемъ-то шептались, но я не могъ разобрать ихъ голосовъ.

Вдругъ домъ содрогнулся отъ ударовъ въ дверь.

Я насторожился.

Въ ту же минуту на меня пахнулъ холодный воздухъ и раздался оглушительный голосъ.

— Водки, чортъ васъ дери!

— Чего орешь, дуракъ! — остановилъ его Павелъ.

— Дуракъ! вамъ легко лаяться, а я, почитай, шесть часовъ на шоссѣ простоялъ.

— А чего стоялъ?

— Чего? извѣстно чего: проѣзжаго ждалъ!

— Ну, дуракъ и есть! — слышался голосъ Мишка, — вѣдь, было сказано, пока нашихъ не выпустятъ, остановиться надо.

— Го, го! дураки вы, если такъ рѣшили. Остановитесь, всѣ скажутъ—они и душили! А ихъ выручать надо.

— Жди, дуракъ! у нихъ тамъ завелся чертъ Путилинъ. Всѣхъ вынюхаетъ.

— А я ему леща въ бокъ.

Я тихо засмѣялся.

Они продолжали говорить съ полною откровенностью.

— А у Сверчинскаго кто?

— Сашка съ Матькой.

— А они какъ рѣшили?

— Да какъ я! душу...—и пришедшій грубо расхохотался...—Значить, къ тебѣ и добра не носить? а?

— Зачѣмъ! носить можешь. Я куплю.

— Ну, то-то! такъ бери!

И на столъ упало что-то тяжелое.

— Постой!—вдругъ сказалъ Мишка, и я услышалъ его шаги.

Я тотчасъ раскинулся на тюфякъ и притворился спящимъ.

Онъ нагнулся и ткнулъ меня въ бокъ.

Я замычалъ и повернулся.

Онъ отошелъ.

— Что принесъ?—почти тотчасъ раздался голосъ Павла.

— А ты гляди!..

Послышался легкій шумъ, что-то стукнуло, потомъ раздалось хлопанье по чему-то мягкому и все время шелъ разговоръ отрывочными фразами.

— Гдѣ досталъ?

— А тебѣ што?

— Нѣтъ, я такъ. Дрянь ужъ большая.

— Скажи пожалуйста, дрянь! За такую дрянь по 100 рублей платятъ!

— Гдѣ какъ, а у меня красненькую...

— Красненькую. Да ты жидъ, што-ли!

И тутъ поднялся такой гвалтъ, что отъ него впору было проснуться мертвому.

— Тише вы, дьяволы!—закричалъ, наконецъ, Мишка, —вѣдь, тутъ...—и онъ не договорилъ, вѣроятно, сдѣлавъ жестъ.

— А ну его!—отозвался хозяинъ,—онъ нашимъ будетъ! ну, 20 рублей и—крышка!

Они опять стали кричать. Потомъ на чемъ-то поладили.

— Ну, пошелъ,—сказалъ пришедшій.

— Куда?

— А къ сосѣду пить. Идемъ, што-ли...

— Можно!—отозвался хозяинъ,—а ты?

— Кто же домъ постережетъ?—отвѣтилъ Мишка, —нѣтъ, я останусь!

— Какъ хочешь...

— Ха-ха-ха!—загрохоталъ гость,—онъ не соскучится!

— Мели, мели!..

Послышалось шарканье ногъ, пахнулъ холодный воздухъ, хлопнула дверь—и все стихло.

Черезъ минуту Мишка прошелъ мимо меня и стукнулъ въ дверь, за которую ушли дѣвушки.

— Стефа!—кликнулъ онъ,—иди! никого нѣтъ...

Онъ отошелъ. Почти тотчасъ скрипнула дверь, и мимо меня мелькнула Стефанія, босикомъ, въ длинной холстинной рубашкѣ.

Раздался звукъ поцѣлуя.

— Куда отецъ ушелъ?

— Съ Сашкой въ 9 нумеръ! до утра будутъ.
И снова раздались поцѣлуи и несвязный шопотъ.
Интересъ для меня окончился, и я заснулъ.
Еще было темно, когда Мишка разбудилъ меня и сказалъ:

— Я иду въ городъ. Иди и ты!

Я тотчасъ вскочилъ на ноги.

Мишка, съ дѣтскими, невинными глазами, производилъ на меня впечатлѣніе разбойника.

Самого Славинскаго не было. Стефанія лѣниво нацѣдила какой-то коричневой бурды въ кружку, предложивъ ее мнѣ вмѣсто кофе.

Я выпилъ и взялъ картузъ.

Шагъ за шагомъ.

Мишка задержался на минуту, потомъ догналъ меня.

— Хорошо спалъ? — спросилъ онъ.

— Какъ собака!

Мы сдѣлали нѣсколько шаговъ молча; потомъ Мишка сталъ говорить, сперва издалека, потомъ прямо.

— Теперь въ Питерѣ вашего-то брата, бѣглыхъ разныхъ, прудъ пруди! только не лафа имъ...

— А што?

— Ловятъ! ужъ на что шустрые ребята, что извозчиковъ шупали, а и тѣхъ всѣхъ переняли... Опять воровъ...

— Меня не поймаютъ...

— Это почему?

— Потому одинъ буду работать.

— И хуже. Обществомъ куда способнѣе! тебѣ найдутъ, тебѣ укажутъ. Дѣйствуй! а тамъ и вещи сплавятъ, и тебя укроютъ... Нѣтъ, одному куда хуже!

ты, вотъ, съ вещами... а куда итти? къ Павлу. Ты съ нимъ сдружись. Польза будетъ!

— А тебѣ есть польза? — спросилъ я смѣло.

Онъ усмѣхнулся.

— Много будешь знать — скоро состаришься! походи къ нему, увидишь. Ну, я въ сторону!

Мы дошли до Обводнаго канала.

— Прощай!

— Если что будетъ, али ночевать негдѣ, иди къ Павлу!

— Ладно! — отвѣтилъ я и, простившись, зашагалъ по улицѣ.

Мишка скрылся въ домѣ Тарасова.

Я нарочно дѣлалъ крюки, путался на Сѣнной, петлялъ и потомъ осторожно юркнулъ въ свою Подъяческую, гдѣ тогда жилъ.

Умывшись и переодѣвшись, я прямо прошелъ въ Нарвскую часть, гдѣ Келчевскій встрѣтилъ меня радостнымъ извѣстіемъ о командировкѣ.

Поѣздка въ Царское явилась для меня совершенно пустымъ дѣломъ.

Я захватилъ съ собой шустрого еврея, Ицку Погилевича, который служилъ въ городской стражѣ, и съ нимъ вмѣстѣ оборудовалъ все дѣло часа въ два.

Взявъ изъ полиціи городовыхъ, я прямо явился къ содержателямъ извозчичьяго двора Ивану и Василию Дубовецкимъ, и, пока ихъ арестовывалъ, мой Ицка успѣлъ отыскать и лошадь, и упряжь, проданныя имъ моими арестантами.

Я отправилъ ихъ въ часть, а самъ съ Ицкой и двумя стражниками поскакалъ въ Кузьмино, къ крестьянину Тасину, и опять — безъ всякаго сопротивленія — арестовалъ его, а Ицка разыскалъ двое саней и полущубокъ со слѣдами крови.

Мы привезли и этого Тасина, и все добро въ управление полиціи и, когда пріѣхали Келчевскій и Прудниковъ, я имъ представилъ и людей, и вещи, и полный отчетъ.

Какъ сейчасъ помню изумленіе Прудникова моею быстротѣ и распорядительности, а Келчевскій только засмѣялся.

— Вы еще не знаете нашего Ивана Дмитріевича! — сказалъ онъ.

Въ отвѣтъ на эти похвалы, я указалъ только на своего Ичку, прося отличить его.

Между прочимъ, это былъ очень интересный еврей.

Какъ онъ попалъ въ стражники, я не знаю. Трусливъ онъ былъ, какъ заяцъ. Но какъ сыщикъ — незамѣнимъ. Потомъ онъ долго служилъ у меня, и самыя рискованныя или щекотливыя разслѣдованія я всегда поручалъ ему.

Маленькій, рыжій, съ острымъ, какъ шило, носомъ, съ крошечными глазами подъ распухшими воспаленными вѣками, онъ производилъ самое жалкое впечатлѣніе безобидной ничтожности и съ этимъ видомъ полной приниженности проникалъ всюду.

Въ отношеніи же обыска или розыска вещей у него былъ прямо феноменальный нюхъ. Онъ, когда всѣ теряли надежду найти что-нибудь, вдругъ вытаскивалъ вещи изъ трубы, изъ-за печки, а одинъ разъ нашелъ украденныя деньги у грудного младенца въ пеленкахъ!..

Келчевскій и Прудниковъ, не теряя времени, тотчасъ приступили къ допросу.

Перваго вызвали Тасина.

Онъ тотчасъ повалился въ ноги и сталъ вѣнчаться.

«Пришли двое и продаютъ. Вещи хорошія и дешево. Развѣ онъ зналъ, что это награбленное!»

— А кровь на полушубкѣ?

— Они сказали, что свинью кололи къ празднику, оттого и кровь!

— А откуда они узнали тебя?

— Такъ пришли. Шли и зашли!

— Ты имъ говорилъ свое имя?

— Нѣтъ!

— А какъ же они тебя называли? Идите, говорятъ, къ Константину Тасину. А?

Онъ сдѣлалъ глупое лицо.

— Спросили у кого-нибудь...

— Такъ! ну, а ты ихъ знаешь?

— Въ первый разъ видѣлъ и больше ни разу! Прудниковъ ничего больше не могъ добиться. Тогда вмѣшался Келчевскій.

— Слушай, дурень, — сказалъ онъ убѣдительнымъ тономъ, — вѣдь, отъ твоего заpiresательства тебѣ не добро, а только вредъ будетъ! Приведемъ тебя въ Петроградъ, тамъ тебя твои же продавцы въ глаза уличатъ да еще наплетутъ на тебя. И мы имъ повѣримъ, а тебѣ нѣтъ, потому что ты и сейчасъ, вотъ, врешь и запираешься.

Тасинъ потупился.

— Иди! мы другихъ допросимъ, а ты, пока что, подумай!

И Келчевскій велѣлъ увести Тасина, а на смѣну привести братьевъ, поочереди.

Первымъ вошелъ Иванъ Дубовецкій.

Высокій, здоровый парень, онъ производилъ впечатлѣніе красавца.

— Попуталъ грѣхъ, — сказалъ онъ, — этихъ са-
мыхъ Петрова да Иванова я еще зналъ, когда они въ бѣгахъ тутъ околачивались. Первые воры, и, сказать правду, боялся я ихъ: не пусти ночевать, дворъ спалить — и пускалъ. Ну, а потомъ они, значитъ,

въ Питеръ ушли, а тамъ мнѣ стали лошадокъ приводить и за дешево. Я и бралъ. Съ одной стороны, ваше благородіе, дешево, а съ другой — опять, и боялся я ихъ, — чистосердечно сознался онъ.

— Знали вы, что это лошади отъ убитыхъ извозчиковъ?

Онъ замаялся.

— Смекаль, ваше благородіе, а спросить, не спрашивалъ: боязно. Разъ только сказалъ имъ: «вы, братцы, моихъ ребятъ не замайте!» Они засмѣялись да и говорятъ: «а ты помѣть ихъ!» Только и было разговора!

Его отослали, а на смѣну вызвали его брата.

Совершенная противоположность Ивану, Василий былъ слабогрудый, блѣдный, испитой парень. Онъ тяжело дышалъ и упорно кашлялъ глухимъ кашлемъ.

— Ничего не знаю, — сказалъ онъ, — братъ всѣмъ дѣломъ вѣдаетъ, а я больной, на печи лежу.

— Зналъ ты бродягъ Петрова и Иванова?

— Ходили такіе. Раньше даже ночевали у насъ, братъ очень опасался ихъ.

Мы снова позвали Тасина.

Слова Келчевскаго, видимо, оказали свое вліяніе.

— Припомнить я ихъ, — сказалъ онъ сразу, какъ вошелъ, — Петровъ одинъ, а другой — Ивановъ. Петровъ тоже и не Петровъ, а бѣглый какой-то...

— Познакомился я съ ними, когда они въ Царскомъ жили, а потомъ ушли въ Питеръ и оттуда мнѣ вещи привозили.

— Ихъ тамъ шайка цѣлая. Всѣхъ-то я не знаю, и никого не знаю, а только главное мѣсто, гдѣ они собираются, это будки на шоссе.

— 9 и 11? — спросилъ я, — Славинскаго и Сверчинскаго.

Тасинъ тотчасъ закивалъ головою.

— Вотъ, вотъ! у нихъ все гнѣздо! Тамъ они и живутъ, почитай, всѣ!

— Всѣ. А ты кого знаешь изъ нихъ?

— Только двоихъ и знаю.

Больше отъ него узнать было ничего невозможно. Мы собрались уѣзжать.

Двухъ Дубовецкихъ и Тасина при насъ же отправили съ конвоемъ въ Петроградъ, а слѣдомъ за ними поѣхали и мы сами.

По пріѣздѣ въ столицу, я отправился домой отдохнуть и позвалъ къ себѣ Ицку, а Келчевскій съ Прудниковымъ поѣхали тотчасъ продолжать свои допросы.

— Слушай, — сказалъ я Погилевичу, — вотъ въ чемъ дѣло...

Я рассказалъ ему про свою почевку въ будкѣ № 9, описалъ Мишку, Славинскаго, дѣвушекъ и окончилъ свой рассказъ словами:

— Такъ вотъ, надо теперь, во-первыхъ, выслѣдить всѣхъ, кто тамъ бываетъ, и узнать ихъ имена, потомъ узнать, когда они тамъ соберутся, и затѣмъ, переловить ихъ. Но это уже не наше дѣло. Наше дѣло накрыть! понялъ?

— Чего же тутъ не понять! — сказалъ Ицка.

— А тогда — шагай!

Ицка ушелъ и съ этого же часа началъ дѣйствовать.

Опасная экспедиція.

8-го числа, поздно ночью, ко мнѣ пришелъ Ицка, блѣдный, усталый, встрепанный, и сказалъ:

— Завтра ночью они всѣ тамъ будутъ.

— Откуда узналъ?

— Не все ли равно! завтра они будут уговариваться о дѣлахъ, а Мишка будетъ убивать на шоссе и съ Мишкой — Калина. Этотъ Калина такой разбойникъ: онъ уже четырехъ убилъ!..

— Гдѣ же соберутся?

— И тутъ, и тамъ.

— Ну, завтра ихъ и переловимъ! — сказалъ я и, не взирая на ночь, послалъ уведомить Келчевскаго.

Рано утромъ я, Келчевскій и Прудниковъ собрались на совѣщаніе.

Я изложилъ имъ свой планъ. Мы возьмемъ съ собою команду въ 14 человекъ, по 7 на каждую будку, изъ отборныхъ людей.

Съ одними пойдетъ Ицка, съ другими — я.

Дѣло сдѣлаемъ ночью. Они сойдутся, по одиночкѣ, въ назначенные пункты переодѣтыми, а потомъ прѣдемъ и начнемъ облаву.

Они согласились съ моимъ планомъ. Во главѣ отборныхъ стражниковъ мы поставили двухъ силачей: городского Смирнова и стражника Петрушева.

Они одни свободно могли справиться съ десяткомъ.

Наступилъ вечеръ. Мы собрались, и передъ нами выстроились 14 бродягъ.

— Такъ вотъ, — сказалъ я имъ, — по одному, по два идите за Московскую заставу, на Волхонское шоссе, Ицка вамъ укажетъ мѣста. Въ 1 часъ ночи я тамъ буду, и тогда уже за работу!

— Рады стараться! — отвѣтилъ Петрушевъ, и они ушли.

Какъ мы досидѣли до 12 часовъ.

— Ыдемъ! — наконецъ, сказалъ я.

Мы встали и тронулись въ опасную экспедицію.

До заставы мы доѣхали и приказали ямщику насъ ждать, а сами пошли пѣшкомъ.

Ночь была ясная, хотя безъ луны. Шагахъ въ 6—8 можно было различить человека, и поэтому мы, хотя и переодѣтые блузниками, все таки шли не тѣсною группою, а гуськомъ, и я повелъ всѣхъ не прямо по шоссе, а стороною, по самому берегу Лиговки.

На другой сторонѣ чернѣлъ лѣсъ; кругомъ было мертвенно тихо, и среди этой тишины, въ сознаніи предстоящаго риска, становилось немного жутко.

Мы вошли въ рѣдкій кустарникъ; голые прутья тянулись со всѣхъ сторонъ и цѣплялись за нашу одежду.

Вдругъ, прямо передо мной, выросла фигура. Я невольно опустил руку въ карманъ, гдѣ у меня всегда лежалъ массивный кастетъ.

— Это я, — отвѣтилъ въ темнотѣ Ицка.

Прудниковъ и Келчевскій тотчасъ приблизились.

— Все готово?

— Все! — отвѣтилъ Ицка, — а они всѣ пьютъ! Только Мишки нѣтъ.

— Не ждать же его, — сказалъ я, — а гдѣ наши?

— Здѣсь!

Ицка провелъ насъ къ самому берегу, и тамъ мы увидѣли всѣхъ нашихъ молодцовъ.

— Ну, такъ за работу, братцы! — сказалъ я, — помните, руки за лопатки и вязать. Оружія никакого!

— Слушаемъ! — отвѣтилъ Смирновъ.

— Ты, Петрушевъ, и вы... — я указалъ на каждаго, — идите за Погилевичемъ и ждите насъ! а вы за мной!

Семь человекъ отдѣлились и осторожно пошли вдоль берега.

Я обратился къ Келчевскому и Прудникову.

— Ну, будемъ дѣйствовать! Вы и съ вами трое станете позади дома. Четверыхъ я возьму съ собой. Идемте!

Мы прошли нѣсколько саженъ и очутились подлѣ сторожки.

Она стояла мрачная, одинокая, и изъ ея двухъ окошекъ, какъ и тогда, падалъ желтоватый свѣтъ.

Я остановился и отдѣлилъ четверыхъ.

— Какъ только я свистну, прямо срывайте дверь, если заперта. Но я отворю ее. А теперь прячьтесь!

Въ засадѣ.

Я подошелъ къ знакомой сторожкѣ и смѣло ударилъ въ дверь.

Она отворилась черезъ минуту.

— Кто? — спросилъ Славинскій, держа въ зубахъ неизмѣнную трубку.

— Впусти! али своихъ не узнаешь! — отвѣтилъ я.

— А! Колпинскій! — отозвался сторожъ, — иди, иди!

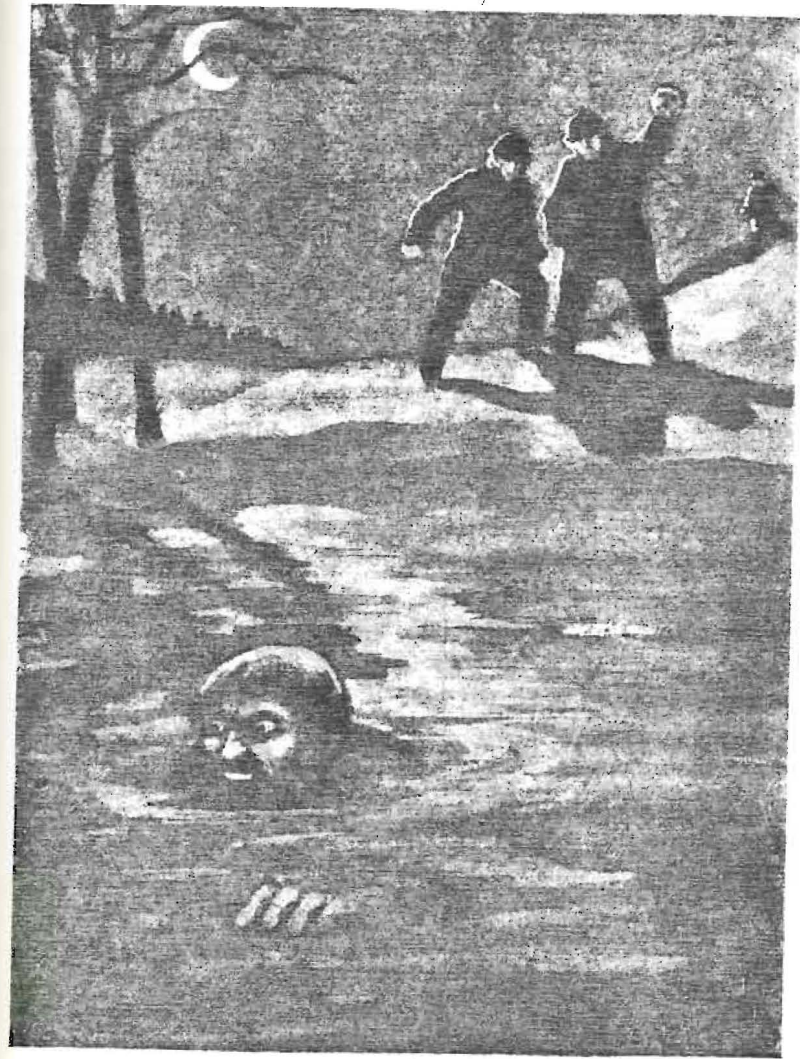
Я смѣло вошелъ и очутился въ настоящей разбойничьей шайкѣ.

За столомъ, кромѣ хозяина съ дочерью, сидѣли и пили огромный Сашка, Сергѣй Степановъ, Васильевъ и знаменитый Калина.

— А гдѣ Мишка? — спросилъ я добродушно у Стефанія.

— А кто его знаетъ, — отвѣтилъ Калина, — ты скажи лучше, откуда ты такъ вырядился? Ишь, гоголемъ какимъ!

На мнѣ было все крѣпкое и новое, и одѣтъ я былъ скорѣе рабочимъ съ хорошимъ жалованьемъ, чѣмъ побирушкой.

...Онъ мелькнулъ мимо нихъ, бросился въ рѣчку и переплылъ на другую сторону.

— Завелъ матаньку и обрядился. Дѣло не трудное! — отвѣтилъ я, замѣчая въ то же время, что Сашка не спускаетъ съ меня пытливаго взора.

— Ну, такъ какъ же нынче?.. — началъ Славинскій.

— А такъ же, — заявилъ вдругъ Сашка, хлопнувъ кулакомъ, — выпроводи сперва этого гуся, а тамъ и толковать будемъ! — и онъ злобно сверкнулъ на меня глазами.

Я рѣшился дѣйствовать.

— Кричить кто-то! — воскликнулъ я и, бросившись къ двери, тотчасъ открылъ ее и крикнулъ:

— Вались ребята!

— Что говорилъ я! — заревѣлъ Сашка. Въ то же время я получилъ страшный ударъ въ плечо, и онъ мелькнулъ мимо меня, рванувшись между вбѣгающими моими молодцами.

— Вяжи всѣхъ! — крикнулъ я имъ и бросился за Сашкой.

Онъ быстро обогнулъ домъ и побѣжалъ къ берегу Лиговки. Я бѣжалъ за нимъ, крѣпко сжимая въ рукѣ свой кастетъ.

— Держи его! — крикнулъ я на ходу оставшимся тремъ на стражѣ.

Они тотчасъ побѣжали ему на перерѣзъ, но онъ мелькнулъ мимо нихъ, бросился въ рѣчку и переплылъ на другую сторону.

— Попадись только мнѣ! — раздалась съ того берега его угроза, и онъ исчезъ.

Я взялъ съ собою оставшихся трехъ стражниковъ и вмѣстѣ съ Келчевскимъ и Прудниковымъ побѣжалъ къ дому. Но тамъ было уже все кончено: Калина, Степановъ и Васильевъ съ Славинскимъ были связаны, и подлѣ каждого стоялъ дюжій городской.

Стефанія и Анна сидѣли въ углу на лавкѣ и ревѣли во весь голосъ.

— Идемъ къ Сверчинскому! — сказалъ Келчевскій.

Мы направились туда.

Навстрѣчу намъ бѣжалъ, тяжело дыша, какой-то мужчина и, увидѣвъ насъ, рванулся въ сторону, но наши молодцы тотчасъ нагнали его и арестовали.

Онъ оказался самимъ Сверчанскимъ.

Остальные, бывшіе въ его сторожкѣ, были всѣ переловлены ловкимъ Ицкою.

Ихъ было всего двое: Иванъ Григорьевъ и Егоръ Чудаковъ.

— Съ добрымъ уловомъ! — радостно поздравилъ насъ Прудниковъ, у котораго прошелъ уже весь страхъ.

— И домой! — добавилъ Келчевскій.

Мы отправили всѣхъ, со связанными за спину руками, подъ строгимъ конвоемъ въ тюрьму, а сами, весело разговаривая, дошли до заставы и поѣхали по домамъ.

На другой день Шуваловъ, выслушавъ докладъ о поимкѣ почти всей шайки «душителѣй», назначилъ Келчевскому и Прудникову произвести по всѣмъ ихъ преступленіямъ строжайшее разслѣдованіе.

Но моя роль еще не окончилась. Впереди оказалось еще много дѣла, сопряженного и съ немалымъ рискомъ и съ немалыми хлопотами.

Прошлое разбойниковъ.

У насъ оказались арестованными 20 человѣкъ. Вся шайка съ убійцами и притондержателями-укрывателями была въ нашихъ рукахъ, и только двое самыхъ страшныхъ разбойниковъ еще гуляли на

свободѣ. Это были Михаилъ Пояненъ, тотъ Мишка съ дѣтскими глазами, съ которымъ я провелъ ночь, и Александръ Перфильевъ, тотъ, что удралъ отъ насъ, переплывъ Лиговку.

Я взялъ на себя обязательство поймать ихъ обоихъ и твердо рѣшился выполнить эту задачу.

Они и были пойманы мной.

Какъ? расскажу объ этомъ послѣ, а теперь передамъ вкратцѣ результатъ нашихъ разслѣдованій и краткія характеристики этихъ страшныхъ разбойниковъ, для которыхъ убійство являлось болѣе легкимъ дѣломъ, чѣмъ выкурить папиросу.

Дѣйствительно, это были не люди, а какіе-то выродки человѣчества.

Во главѣ всѣхъ стоялъ какой-то Федоръ Ивановъ. Мы не могли сразу сообразить, на какого Иванова указываютъ всѣ убійцы, какъ на своего соучастника, пока не произвели очныхъ ставокъ.

И что же? этимъ Федоромъ Ивановымъ оказался ранѣе всѣхъ арестованный мною Александръ Петровъ!

Я невольно засмѣялся.

— Ахъ, дуракъ, дуракъ! — сказалъ я ему, — что же это ты по паспорту Петровъ, а для пріятелей Ивановъ. Говорилъ бы ужъ всѣмъ одно, а то на! кто же ты: Петровъ или Ивановъ?

— Александръ Петровъ, — отвѣчалъ онъ, — а назывался у нихъ Ивановымъ Федькой для покоя.

— Кто же ты?

— Крестьянинъ!

— Покажи спину! — вдругъ сказалъ Келчевскій, — раздѣньте его!

Съ него сняли рубашку, и мы увидѣли спину, всю покрытую шрамами отъ старыхъ ударовъ.

— По зеленой улицѣ ходилъ? — сказалъ Келчевскій, — ну, братъ, не запирайся. Ты бѣглый солдатъ и звать тебя Федоромъ Ивановымъ!

Но онъ уперся. Два мѣсяца прошло, пока мы собирали о немъ всѣ справки и восстановили его личность. Тогда онъ сознался и перечислилъ всѣ свои преступленія.

Дѣйствительно, онъ оказался Федоромъ Ивановымъ, бывшимъ рядовымъ Ковенскаго гарнизона. Тамъ онъ проворовался и бѣжалъ; его поймали и наказали шпицрутенами черезъ 500 человѣкъ. Послѣ этого онъ проворовался и бѣжалъ вторично, и вторично былъ наказанъ черезъ 500 человѣкъ. Его сослали въ арестанскія роты въ Динабургъ, и онъ оттуда бѣжалъ въ 1854 г.

Звѣрь на свободѣ!

Онъ объявился въ Петроградѣ, занимался кражами, а въ слѣдующемъ году познакомился въ сторожкѣ Славинскаго съ Михаиломъ Пояненомъ и началъ свои страшные разбои.

Онъ одинъ убилъ крестьянина Кокко и матроса Кулькова, вмѣстѣ съ Калиною — чухонца на Ропшинской дорогѣ, потомъ опять съ Пояненомъ удушилъ Корванена. Послѣ этого сошелся съ Калиною Еремѣевымъ, Иваномъ Григорьевымъ и остальными и, принявъ надъ ними командованіе, сталъ производить страшные грабежи и убійства, участвуя почти во всѣхъ — лично.

Онъ смѣялся, рассказывая про свои подвиги, а всѣ, показывавшіе противъ него, трепетали при одномъ его имени.

Слѣдомъ за нимъ выступаетъ Калина Еремѣевъ, 22 лѣтъ. Бывшій пѣхотный солдатъ, а потомъ крестьянинъ, онъ производилъ впечатлѣніе добродушнаго

парня, а между тѣмъ всѣ удушенія въ столицѣ совершены были имъ съ Ивановымъ да еще въ Кронштадтѣ онъ убилъ крестьянина Ковена и жену квартирмейстера, Аксинью Капитонову.

— Пустое дѣло, — добродушно объяснялъ онъ процессъ убійства, — накинешь это сзади петлю и потянешь. Колѣномъ въ спину упрешься. Енъ захрипитъ, руками разведетъ — и все тутъ!

Этотъ Калина, вмѣстѣ съ Федоромъ Ивановымъ, были ужасны.

Между прочимъ, Калина разсказалъ про убійство подъ Ропшею неизвѣстнаго человѣка, котораго они тамъ же и похоронили.

Мы поѣхали съ нимъ на мѣсто убійства. Пустынная дорога, перелѣсокъ и тутъ, подъ сосною, этотъ Калина указалъ рыть.

И мы вырыли трупъ съ проломленнымъ черепомъ. Другой трупъ онъ указалъ въ Кронштадтѣ, трупъ матроса Кулькова. Онъ убилъ его ударомъ долота въ грудь.

Эти двое были, по сравненію съ прочими, настоящими разбойниками.

Остальные всѣ участвовали понемножку. Женщины, состоя любовницами убійцъ, укрывали часто и ихъ, и вещи, а Стефанія — какъ выяснилось — была въ нѣкоторомъ родѣ вдохновительницею убійцъ.

Шайка была организована образцово. Послѣ убійства «душителю» ѣхали прямо въ домъ Дероберти и тамъ дворникъ дома, Архипъ Эртелевъ, пряталъ и лошадь, и экипажъ въ сараѣ.

Иногда у него стояло по три лошади.

Сторожа Сверчинскій и Славинскій давали «душителямъ» пріютъ, и у нихъ въ домикахъ совершались и дуванъ, и попойка, и составлялись планы.

Изрѣдка они покупали и вещи, но этимъ дѣломъ больше занимался содержатель портерной, Федоръ Антоновъ.

Картины одна страшнѣе другой проходили передъ нами на этомъ слѣдствіи, и на фонѣ всѣхъ ужасовъ рисовались на первомъ планѣ люди-звѣри, настоящіе разбойники: Федоръ Ивановъ, Калина Еремѣевъ, Михайлъ Пояненъ и Александръ Перфильевъ.

Первые два были у насъ и уже во всемъ повинились, а двое другихъ все еще гуляли на свободѣ.

Я искалъ ихъ безъ устали, вмѣстѣ съ Ицкою Погилевичемъ и, наконецъ, мои старанія были награждены успѣхомъ.

Первымъ попался Пояненъ.

Въ рукахъ богатырей-стражниковъ.

Для поимки Михаила Поянена нужно было только время. Онъ былъ все-таки человѣкъ, какъ-никакъ любилъ красивую Стефанію и долженъ же былъ интересоваться ея участіемъ.

Я рѣшилъ, что рано или поздно, но онъ навѣдается къ Аннѣ Славинской, которая жила теперь одна въ осиротѣвшей сторожкѣ, и назначилъ непрерывное дежурство надъ этимъ домомъ.

И расчетъ мой оправдался, но черезъ полтора только мѣсяца. Поставленный мною агентъ донесъ, что на разсвѣтѣ въ будку заходилъ мужчина, по описанію схожій съ Пояненомъ, пробылъ минутъ 10 и ушелъ.

Я только кивнулъ головой.

Такъ и должно было быть.

— Слѣди, — сказалъ я агенту, — и когда онъ станетъ оставаться на ночь или на день, по второму разу скажи мнѣ!

Прошло еще дней 10.

Наконецъ, агентъ пришелъ и сказалъ:

— Надо полагать, съ дѣвкой сошелся. Каждую ночь теперь ночуетъ. Придетъ, такъ, часовъ въ одиннадцать, а уходитъ въ пять либо въ шесть!

— Хорошо, — отвѣтилъ я, — сегодня его поймемъ! иди и слѣди. Къ двумъ часамъ я приду къ тебѣ самъ!

Я попросилъ къ себѣ на помощь двухъ богатырей, Смирнова съ Петрушевымъ, и въ 2 часа ночи былъ противъ будки № 9.

Она имѣла еще болѣе зловѣщій видъ, потому что изъ ея оконъ не свѣтилось огня. Кругомъ было темно. Ночь была мрачная, безлунная...

Я едва нашелъ своего агента.

— Здѣсь. Пришелъ, — прошепталъ онъ.

Я взялъ въ темнотѣ за руки Смирнова и Петрушева и сказалъ имъ:

— Пойдемъ къ дверямъ и постучимъ. Если отворятъ, сразу вваливайтесь, а я дверь запру. Фонарь съ вами?

— Здѣсь!

— Давайте его мнѣ!

Я взялъ фонарь, пріоткрылъ въ немъ створку, нащупалъ огарокъ и приготовилъ спички.

Потомъ мы втроемъ смѣло подошли къ дверямъ, и я постучалъ въ окно.

Никто не отозвался.

Я постучалъ крѣпче.

За дверью словно пошевелились. Потомъ Анна закричала:

— Кто тамъ?

Я измѣнилъ свой голосъ и отвѣтилъ:

— Отвори! отъ Стефаніи и отъ отца!

За дверью опять все смолкло, но затѣмъ звякнула задвижка и дверь чуть-чуть пріоткрылась.

Моимъ молодцамъ было этого довольно.

Они мигомъ распахнули дверь и вошли въ комнату. Раздался страшный крикъ перепуганной Анны.

Я вошелъ за ними, тотчасъ заперъ дверь и зажегъ фонарь.

Это было дѣломъ одной минуты.

Передъ нами стояла Анна въ одной длинной сорочкѣ.

— А гдѣ Мишка? — спросилъ я.

Она продолжала кричать, какъ зарѣзанная.

— Какой Мишка? я ничего не знаю. Вы всѣхъ забрали. Оставьте меня!

— Ну, братцы, идите прямо къ двери, на ту сторону! — сказалъ я, — да осторожно. Смотрите направо. Онъ тамъ, можетъ быть, за печкой.

Я не успѣлъ кончить, какъ Анна бросилась къ двери и заслонила ее собою.

— Пошли вонъ! не пушу! — вопила она.

Я потерялъ терпѣнье.

— Берите ее! — крикнулъ я.

Она стала сопротивляться съ яростью дикой кошки, но мои силачи тотчасъ управились съ ней. Смирновъ сдернулъ съ кровати широкое одѣяло, ловко накинулъ на нее, и черезъ двѣ минуты она лежала на постели, спеленутая и перевязанная по ногамъ и рукамъ.

Тогда она стала кричать: — Спасайся!

Въ ту же минуту распахнулась дверь и изъ нея, страшный, какъ сибирскій медвѣдь, выскочилъ Мишка Пояненъ. Въ рукахъ у него была выломанная изъ стола ножка.

— А, ты здѣсь, почтенный! — крикнулъ я ему.

Мой голосъ привелъ его въ бѣшенство и онъ, забывъ о двухъ моихъ пособникахъ, съ ревомъ кинулся на меня и... въ ту же минуту лежалъ на полу.

Петрушевъ подставилъ ему ногу и сразу насѣлъ на него.

Связать его потребовалось минутъ пять.

Тогда я приказалъ развязать Анну, и мы вышли изъ сторожки № 9 со связаннымъ Пояненомъ.

На другой день мы снимали съ него допросъ.

Личность его была удостовѣрена раньше. Ему было всего 30 лѣтъ. Выборгскій уроженецъ, типичный чухонецъ, угрюмый, мстительный, злой, онъ былъ у себя на родинѣ 4 раза подъ судомъ за кражи и два раза былъ сѣченъ розгами, по 40 ударовъ каждый разъ.

Но это и все, что мы о немъ узнали.

Онъ самъ отъ всего отрекался.

Не узнавалъ Славинскаго, Стефани, Калины, меня. Отказывался отъ всякаго соучастія въ преступленіяхъ.

Но улики противъ него были слишкомъ очевидны, чтобы онъ могъ этимъ путемъ избѣгнуть наказанія. Такъ окончилась поимка Поянена.

Съ Перфильевымъ дѣло было труднѣе, и мнѣ помогъ благодѣтельный случай.

Послѣдняя встрѣча.

Въ то время Петроградъ еще не представлялъ такого образцоваго порядка, какой заведенъ теперь, особенно въ отношеніи полицейскомъ.

За паспортами слѣдили слабо. Не только отдѣльные дома, но цѣлые кварталы являлись притономъ для всякихъ бродягъ и проходимцевъ.

Поэтому нетрудно будетъ представить, какой задачей являлось розыскать хотя бы и въ столицѣ этого Перфильева.

Но я храбро взялся за дѣло.

Прежде всего я обошелъ всѣ извѣстные мнѣ притоны и подозрительныя мѣста и вездѣ, гдѣ у меня

были пріятели (а такіе, среди воровъ и бродягъ, у меня были всегда), пообѣщаль щедро наградить ихъ за всякое указаніе.

Затѣмъ я установилъ наблюденія за будками № 9 и № 11 и также за всѣми заставами.

Наконецъ, и самъ, переодѣваясь въ разные костюмы, заходилъ всюду, гдѣ бывають воры, и смѣло заводилъ разговоры о пойманныхъ «душителяхъ», оканчивая ихъ не безъ хвастливости:

— Ну, да не всѣхъ еще переловили! Сашка-то гуляетъ еще! Онъ имъ задасть еще трезвона!

Но на эту удочку никто не попадался, очевидно, не зная ни душителей, ни Сашки.

Я продолжалъ свои поиски, не теряя надежды.

И вотъ, однажды, идя по Спасскому переулку, я прошелъ мимо двухъ самаго послѣдняго разбора проституттокъ, изъ которыхъ одна сказала другой:

— А Сашка опять въ Стеклянномъ объявился! вотъ башка!

— Къ Машуткѣ, чай.

— А то къ кому же. Петька вчера навалился на него и кричитъ: донесу! а онъ какъ его шара-р-рахнетъ!...

«Сашка! отчего это и не быть мому?» тотчасъ мелькнуло у меня и, прикинувшись пьянымъ, я задрѣлъ этихъ фурій.

— Пойдемъ, красавчикъ! — предложила одна изъ нихъ.

— А што жъ! — согласился я, — коли пивка, я съ удовольствіемъ! — и черезъ минуту я сидѣлъ съ ними въ сквернѣйшей пивной лавкѣ и пилъ сквернѣйшее пиво.

Онѣ спросили себѣ папиросокъ и стали дымить какимъ-то дурманомъ.

Въ такой обстановкѣ притворяться пьянымъ ничего не стоило.

— Ты откуда? — спросила меня одна изъ «красавицъ». — Можетъ, съ нами пойдешь? а? ночлегъ есть?

Я замоталъ головой.

— Затѣмъ? я и такъ заночую! мнѣ не надо! я выпить — выпью. Вотъ, Сашку встрѣчу, и еще деньги будутъ! ну, пей!

— Сашку? какого Сашку? — спросила другая.

— Перфильева. Какого? его самого.

— Пойдемъ съ нами, миленькій, — ласково заговорила первая фурія. — Тебѣ у насъ хорошо будетъ. И Сашку повидашь.

— Сашку? — повторилъ я, — большого? рыжого?

— Его, его! — подхватила другая, — пойдемъ!

— Въ оспѣ?

— Да, да, лицо все въ оспинахъ! ну, идемъ!

— Не! — отвѣтилъ я, — сегодня не пойду. Пьянъ. Спать пойду! — и, бросивъ на столъ деньги, я вышелъ изъ пивной и, притворяясь пьянымъ, съ трудомъ дошелъ до угла.

Тамъ я оправился и быстро пошелъ домой, думая, какимъ образомъ мнѣ изловить этого Сашку.

Что это онъ, я уже не сомнѣвался, — но итти въ Стеклянный флигель Вяземской лавры, куда мы даже обходомъ не всегда рѣшались заходить, и брать оттуда Сашку — дѣло было невыполнимое.

Я рѣшилъ выглядѣть его днемъ и арестовать.

Для этого я взялъ съ собой опять своихъ силачей и того же Ицку и, переодѣвшись до неузнаваемости оборванцами, мы въ пять часовъ утра уже были на дворѣ «лавры», противъ Стекляннаго флигеля, и я зорко выглядывалъ своего Сашку.

Поднялись тряпичники и пошли на работу, потащились нищие, а тамъ пошли рослые поденщики дежурить на Никольскомъ или у пристаней, прошли наборщики. Дворъ на время опустѣлъ, а Сашки все не было.

— Сидить тамъ и пьеть, — пояснилъ Ицка.

Вдругъ я увидѣлъ вчерашнюю знакомку. Я тотчасъ подаль знакъ своимъ, чтобы они отошли и подошелъ къ ужасной женщинѣ.

— Не узнала, — прохрипѣлъ я.

Она взглянула и широко улыбнулась.

— Ахъ миленькій! ко мнѣ? пойдѣмъ, пойдѣмъ. Хозяйка чуланчикъ дастъ. Хо-о-орошій...

— Некогда. Мнѣ Сашку надо. Здѣсь онъ?

— Здѣсь, здѣсь! сейчасъ съ Машуткой его видала.

— Поди, позови его, — сказалъ я, — скажи ему, Мишка зоветъ. Мишка! запомнишь? а тамъ пить будемъ.

— Сейчасъ, соколъ! въ одну секундочку! — и она, шлепая галошами, побѣжала на лѣстницу.

Я быстро подошелъ къ Ицкѣ и шепнулъ:

— Какъ махну рукой, хватать!

Онъ отошелъ къ нашимъ силачамъ.

Я стоялъ въ полъ-оборота къ лѣстницѣ, принявъ осанку Мишки, и ждалъ съ замираніемъ сердца.

Ждалъ минутъ пять и, вдругъ, услышалъ визгливый голосъ своей дамы.

— Вонъ онъ, Мишка-то! иди къ нему! говорить, дѣло есть!

Я взглянулъ бокомъ.

Огромный, рыжій, какъ медвѣдь, растрепанный, на босую ногу и въ одной холщевой рубахѣ, Сашка стоялъ на порогѣ крыльца въ нерѣшимости.

Я сдѣлалъ видъ будто его не вижу, а моя красавица тащила его за руку.

— Иди, што ли! — кричала она. — Эй, Мишка!

Я обернулся и медленно двинулся, кивая головой.

Съ завязаннымъ лицомъ, въ надвинутомъ картузѣ, зная, что Мишка долженъ прятаться, Перфильевъ не могъ увидѣть сразу обманъ и, поддавшись на мою хитрость, пошелъ мнѣ навстрѣчу, но я не далъ ему подойти.

Опытные помощники, едва онъ отодвинулся отъ двери, отрѣзали ему отступленіе и шли за его спиною.

Я махнулъ и въ то же мгновенье 4 сильныхъ руки схватили Сашку.

Онъ заревѣлъ, какъ звѣрь, и рванулъ, но его снова схватили мои силачи и поволокли со двора.

— Ну, вотъ и встрѣтились! — сказалъ я Сашкѣ.

Онъ только сверкнулъ на меня глазами, а моя красавица, кажется, превратилась въ соляной столбъ. Разинула ротъ, развела руками и въ такой позѣ застыла.

Приводъ Александра Перфильева былъ моимъ триумфомъ.

Александръ Перфильевъ запирался недолго и, послѣ нѣсколькихъ очныхъ ставокъ, покался во всѣхъ преступленіяхъ.

Такова исторія о «душителяхъ» и ихъ поимкѣ.

„Черти“ Парголовскаго шоссе.

Случай, о котором мнѣ хочется рассказать, произошел со мной на самыхъ первыхъ порахъ моей сыскной дѣятельности.

Въ 1858 году въ Петроградѣ еще не существовало сыскаго отдѣленія, и дѣломъ розыска вѣдала наружная полиція въ лицѣ квартальныхъ надзирателей и ихъ помощниковъ. Въ мой районъ, квартальнаго надзирателя Спасской части, входили: Толкучій рынокъ и ближайшія къ нему улицы, а также переулки, заселенные, преимущественно, подонками столицы.

Дѣла было много: убійства, грабежи и кражи слѣдовали одно за другимъ, требуя отъ полицейскихъ чиновъ напряженной работы.

Нѣсколько легче было только лѣтомъ. Съ наступленіемъ теплой поры весьма многіе преступные элементы, какъ тараканы, расползались въ разныя стороны — кто куда — преимущественно же въ окрестности столицы, гдѣ хотя и пошаливали, но о кровавыхъ преступленіяхъ говорили рѣже.

Пользуясь этимъ, я частенько навѣщалъ мою семью, проводившую лѣто на дачѣ въ третьемъ Парголовѣ.

Разбойничья застава.

15 августа, какъ теперь помню, въ день рожденія моей дочурки Евгени, къ обѣду забрели кое-кто изъ дачныхъ сосѣдей, и у насъ вышло что-то въ родѣ

домашняго торжества. Отъ оживленной бесѣды перешли къ картамъ. Я и не замѣтилъ, какъ подкралась ночь. Часы пробили два.

— Неужели, ты сегодня поѣдешь въ городъ? Смотри, глухая ночь! Останься до утра! — заговорила жена, увидѣвъ мои сборы къ отъѣзду.

— А и въ самомъ дѣлѣ, не остаться ли до завтра? — подумалось мнѣ. — А срочныя дѣла? А составленіе утренняго доклада? А явка по начальству? Когда это я все успѣваю, если еще промедлю? — пронеслись въ головѣ эти мысли, и минутная нерѣшительность была подавлена сознаниемъ необходимости немедленнаго отъѣзда.

Не прошло и четверти часа, какъ мой иноходецъ, «Сѣрко», запряженный въ легкій кабріолетъ, стоялъ у крыльца. Небо было покрыто тучами, и ночь была довольно темна.

Впрочемъ, дорога по шоссе была ровная и хорошо знакомая. Поэтому я не старался сдерживать моего ретиваго коня, думая одно: скорѣе бы доѣхать до городской квартиры.

Убаюкиваемый ѣздой, я, было, вздремнулъ и, чтобы разсѣять сонъ, закурилъ папиросу, для чего придержалъ лошадь. Сѣрко пошелъ шагомъ.

Изъ-за тучъ выбилась луна. Посвѣтлѣло... Прелестная, теплая августовская ночь навѣяла на меня какое-то, совершенно несвойственное полицейскому, мечтательное настроеніе.

Вдругъ, моя лошадь неожиданно остановилась и затѣмъ круто шарахнулась въ сторону. Но въ тотъ же моментъ чья-то сильная рука схватила Сѣрко подъ уздцы и осадилъ его на мѣстѣ... Я растерянно оглянулся вокругъ и увидѣлъ по обѣимъ сторонамъ своего кабріолета двѣ самыя странныя и фантастическія фигуры...

Рожь ихъ были совершенно черны, а подъ глазами и вокругъ рта обрисовывались широкія, красныя дугообразныя полосы. На головахъ красовались острокопеченные колпаки съ бѣлыми кисточками.

«Черти, совершенные черти, какъ ихъ изображаютъ на дешевыхъ картинкахъ... Недостаетъ только хвоста и рога», — подумалъ я: «однако, ясное дѣло — жулики!»...

Вижу, все же, что дѣло принимаетъ для меня дурной оборотъ. У одного изъ злоумышленниковъ, вскочившаго на подножку кабриолета, оказался въ рукахъ топоръ. Поднявъ его вровень съ моей шеей, онъ грубымъ и хриплымъ голосомъ, подражая трубѣ, прорычалъ:

— Нечестивый! Гряди за мною во адъ!

Я собралъ все присутствіе духа.

— Полно дурака-то валять!.. Говори скорѣе, что тебѣ отъ меня надо?.. Мнѣ нужно торопиться въ городъ, — проговорилъ я, смотря въ упоръ на чорта и въ тоже время обдумывая, какъ бы благополучно отдѣлаться отъ этихъ мазанныхъ бродягъ.

— Митричъ, брось камедь ломать! Вишь, прохвость не боится нечистой силы!

Въ отвѣтъ на замѣчаніе своего товарища, стоявшаго съ правой стороны кабриолета, Митричъ вполне уже естественнымъ голосомъ произнесъ:

— Давай деньги! А не то...

Жестъ топоромъ докончилъ фразу, вполне для меня понятную.

Заслониться лѣвой рукой, а правой ударить злодѣя по головѣ такъ, чтобы послѣдній слетѣлъ съ подножки, а потомъ, воспользовавшись переполохомъ, тронуть вожжами лошадь... — Вотъ мысли, которыя проносились, было, у меня въ головѣ.

Но брошенный мной вокругъ взглядъ сразу охладилъ мой порывъ: съ правой стороны кабриолета, плотно прижавшись къ подножкѣ, стоялъ второй бродяга съ толстой, суковатой палкой въ рукахъ, одного удара которой было вполне достаточно, чтобы размозжить самый крѣпкій черепъ.

Но помимо этихъ двухъ предстояло имѣть дѣло еще съ тѣми двумя, которые держали лошадь. Несомнѣнно, что при первой моей попыткѣ къ сопротивленію, они не замедлили бы броситься на помощь товарищамъ.

Вижу — дѣло дрянъ!.. Одинъ противъ четверыхъ — борьба неравная... живымъ не уйдешь! На душѣ стало скверно... Меня охватило прежде всего чувство глубокой на себя досады за то, что, пускаясь въ глухое ночное время въ путь, я, по безопасности, одѣвая штатское платье, не взялъ съ собой никакого оружія.

— Ну, прочитай, купецъ, отходную? — насмѣшливо проговорилъ разбойникъ, не опуская топора.

— Не проклаждайся!.. Доставай скорѣе деньги! — свирѣпо вдругъ закричалъ онъ.

Сопротивленіе было бесполезно, такъ какъ я отлично понималъ, что при первомъ моемъ подозрительномъ движеніи или крикѣ, второй разбойникъ, не спускавшій съ меня взгляда, раскроитъ дубиной черепъ, прежде чѣмъ я успѣю завладѣть топоромъ. Я счелъ дальнѣйшее колебаніе излишнимъ и опаснымъ. Не оставалось ничего другого, какъ покориться и отдать кошелекъ.

Я и покорился: вынулъ изъ кармана бумажникъ и отдалъ его въ руки хищнику. Злодѣй подмѣтилъ, висѣвшую на жилетѣ золотую цѣпочку, — пришлось отдать вмѣстѣ съ часами и ее. Мало того, — меня заставили вывернуть всѣ карманы. Всю эту процедуру я съ умысломъ старался протянуть возможно

дольше, напрягая слухъ, въ надеждѣ уловить звукъ колесъ какого-либо проѣзжающаго экипажа.

Но надежды на помощь со стороны были тщетны. Ни одинъ посторонній звукъ не нарушалъ безмолвія ночи, только уныло свѣтившій мѣсяцъ далъ мнѣ возможность хорошо рассмотреть лица двухъ, стоявшихъ у экипажа. Я ясно различалъ ихъ бритыя рожи, густо намазанныя сажей и подрисованныя сурикомъ.

Отдавъ кошелекъ и часы, я считалъ себя спасеннымъ. Вдругъ, разбойникъ, которому были переданы его товарищемъ вещи, неожиданно возвысилъ голосъ и проговорилъ:

— Не надѣлалъ бы намъ молодчикъ пакостей... не лучше ли порѣшить... и концы въ воду!

— А, вѣдь, Яша вѣрно говорить! — отозвались двое другихъ...

Настало молчаніе...

На волосокъ отъ смерти.

И вдругъ я почувствовалъ, какъ всѣмъ моимъ существомъ, всѣмъ тѣломъ и всей душою начинаетъ овладѣвать смертельный, холодный, тяжелый и безобразный страхъ...

Я весь сжался... Митричъ опять занесъ надъ моей головой топоръ. Онъ стоялъ въ полъ-оборота ко мнѣ и упорно не сводилъ съ меня взгляда, тускло сверкавшего на его вымазанномъ сажей лицѣ. Меня охватила какая-то мелкая конвульсивная дрожь...

«Что дѣлать? Что дѣлать?» — молотомъ стучало въ моей головѣ... «Убьютъ, убьютъ»...

А мерзавцы молчали... И это молчаніе еще болѣе увеличивало мой ужасъ...

Я перевелъ взглядъ на другого субъекта, съ дубиной справа... Онъ стоялъ, худой и поджарый,

тоже недвижно, держа наготовѣ свою суковатую дубину.

Спазматическія рыданія начали сдавливать мнѣ горло...

«Ахъ, скорѣе бы, скорѣе»... думалъ я... «Только бы поменьше мученій... Вѣроятно, первый ударигъ Митричъ... топоромъ»...

Луна вдругъ, казалось мнѣ, засіяла нестерпимо яркимъ свѣтомъ, такъ что я отлично могъ видѣть всѣхъ четырехъ мерзавцевъ и наблюдать малѣйшее ихъ движеніе.

«Значитъ, смерть!»... подумалъ я...

Молчаніе продолжалось и, казалось, длится вѣкъ...

Митричъ поднялъ на меня глаза и, вдругъ, какъ-то полусмущенно проговорилъ:

— Праздникъ-то нонѣ великъ!.. Вѣдь, у насъ въ деревнѣ престольный...

— Оно-то такъ... — нерѣшительно поддержалъ одинъ субъектъ изъ державшихъ лошадей.

— Не хочу и я рукъ марать въ такой день! — проговорилъ рѣшительно Митричъ и опустил топоръ.

Четвертый разбойникъ, первый подавшій голосъ за убійство, теперь молчалъ, что и было принято за знакъ согласія съ большинствомъ.

Рѣшивъ: «не марать въ праздникъ объ меня руки», бродяги предварительно вывели лошадь на середину дороги и, любезно пожелавъ мнѣ сломать шею, хватили мою лошадь дубиной, а сами бросились по сторонамъ въ рассыпную.

Лошадь во всю прыть помчалась по дорогѣ. Я, какъ ньяный, качался на сидѣннѣ и понемногу приходилъ въ себя. Полной грудью вдыхалъ я свѣжій ночной воздухъ... Мнѣ казалось, что съ той поры, какъ я выѣхалъ, прошло чуть ли не сутки, и я удивлялся, почему не наступаетъ день.

Который-то часъ? Я невольно сунулъ руку въ карманъ и вдругъ вспомнилъ, что мои часы отобраны «чертями»... Я совсѣмъ оправился, и безумная злость на этихъ бродягъ вдругъ вспыхнула въ моемъ сердцѣ.

Какъ! Ограбить и чуть не убилъ меня... меня? Грозу всѣхъ воровъ и разбойниковъ?... Пойдите же!

Прежде всего, я рѣшилъ молчать объ этомъ происшествіи, а затѣмъ принять всѣ мѣры къ поимкѣ этихъ негодяевъ.

Весь слѣдующій день показался мнѣ безконечно длиннымъ. Когда стало смеркаться, я отдалъ распоряженіе о нарядѣ двѣнадцати полицейскихъ чиновъ, переодѣтыхъ въ партикулярное платье, въ ночной обходъ.

У Новосильцевской церкви я раздѣлилъ моихъ людей на четыре группы и назначилъ каждой районъ ея дѣйствій.

Предписано было осмотрѣть въ Лѣсномъ, въ первомъ, во второмъ и третьемъ Парголово всѣ постоянные дворы, харчевни и разные притоны, подвергнувъ аресту бродягъ и, вообще, всѣхъ подозрительныхъ съ виду людей.

Результаты облавы были ничтожны. Арестованные трое бродягъ оказались мелкими воришками, ничего неимѣющими общаго съ шайкой грабителей.

Голодный и промокшій насквозь, — всю ночь шелъ мелкій дождь, — я еле-еле добрелъ домой и, послѣ пережитыхъ волненій и двухъ бессонныхъ ночей, заснулъ, какъ убитый.

Эта первая неудача, однако, не разочаровала меня.

На другое же утро я командировалъ во второе и третье Парголово трехъ смысленныхъ полицейскихъ чиновъ, поручивъ имъ развѣдать отъ мѣстныхъ крестьянъ о подозрительныхъ лицахъ, имѣющихъ пребываніе въ этомъ районѣ. На всякій случай, я сооб-

шилъ въ общихъ чертахъ примѣты ограбившихъ меня разбойниковъ, не давъ, конечно, понять имъ, что жертвой ихъ нападенія былъ я самъ.

Прошло еще четыре дня, но всѣ предпринятые мною розыски не имѣли успѣха. Разбойники, какъ въ воду канули.

Наступило воскресенье, и я отправился на дачу. На этотъ разъ я не торопился отъѣздомъ въ городъ и пробылъ въ Парголово до трехъ часовъ ночи.

Возвращался я ночью домой по той же дорогѣ, на той же лошади. Но, имѣя въ карманѣ кистень и хорошій револьверъ, я былъ далеко не прочь еще разъ повстрѣчаться съ моими знакомыми-незнакомцами. Къ моему сожалѣнію, встрѣчи съ «нечистой силой», такъ начисто меня ограбившей, не произошло, и я безъ всякихъ приключеній доѣхалъ до городской черты.

Скоро послѣ этого семья моя переѣхала съ дачи, и поѣздки мои въ Парголово прекратились.

Подошла осень; ненастная погода поторопила дачниковъ переѣздомъ на зимнія квартиры.

Неуспѣхъ розыска угнеталъ меня.

Новое порученіе.

Прошло около двухъ недѣль.

На одномъ изъ обычныхъ утреннихъ докладовъ у оберъ-полицеймейстера графа Шувалова онъ передалъ мнѣ телеграмму со словами:

— Съѣздите въ Парголово, произведите дознаніе и сдѣлать, что нужно, для поимки преступниковъ.

Телеграмма была такого содержанія:

«Въ ночь на сегодняшнее число на Выборгскомъ шоссе ограблена, съ нанесеніемъ тяжкихъ побоевъ, финляндская уроженка Марія Рубанъ».

Порученіе это пришлось мнѣ не по сердцу: и по столицѣ у меня была масса дѣла, а тутъ еще поѣзжай въ пригородъ.

Но графъ не переносилъ возраженій, а потому ничего не оставалось дѣлать, какъ покориться.

Узнавъ о мѣстожительствѣ потерпѣвшей, я на моемъ иноходцѣ въ два часа доѣхалъ до деревни Закабыловки. Стоявшіе у воротъ одного изъ одноэтажныхъ домовъ нижній полицейскій чинъ и чело-вѣкъ пять праздныхъ зѣвакъ безъ словъ подсказали мнѣ, куда завернуть лошадь.

Въ избѣ я увидѣлъ знакомую мнѣ картину: въ переднемъ углу, подъ образами, сидѣлъ, опершись локтями на деревянный, крашеный столъ, становой приставъ, строчившій протоколъ. Поодаль, около русской печи, за ситцевой занавѣской, громко охала жертва. Тутъ же, около нея, суетились маленькій юркій чело-вѣкъ—видимо фельдшеръ—и двѣ какія-то бабы голосисто причитали на разные тона.

Подождавъ, пока больная пришла нѣсколько въ себя и успокоилась, я приказалъ бабамъ прекратить ихъ завыванія и приступилъ къ допросу.

— Ну, тетушка, какъ было дѣло?

— Нешиштая шила!.. Шерти, шерти!.. заговорила, своеобразно шепелявя, избитая до полусмерти баба...

— А!.. Нечистая сила!.. Черти!..

Вниманіе мое вмгъ удвоилось, и я принялся за обстоятельные разспросы.

Вотъ что на своеобразномъ русскомъ жаргонѣ изложила чухонка:

— Отъѣхала я верстъ пять отъ казармъ, — часто былъ поздній, — я и задремала. Проснулась, вижу: лошадь стоитъ. Стала я доставать кнутъ, да такъ и замерла отъ страха. Вижу, по бокамъ телѣги стоятъ

три дьявола, съ черными, какъ вакса, рожами, языки огненные и хвосты лошадиные! Какъ лютые псы, бросились они на меня и начали рвать на мнѣ одежонку... Кошель искали. А какъ нашли мой кошель, такъ вмѣстѣ съ карманомъ и вырвали; а въ кошелекъ-то всего, почитай, гривенъ восемь было...

— Ну, — думаю, — теперь отпустить душу на покаяніе... Да не тутъ-то было: осерчалъ, видишь ты, одинъ, что денегъ въ кошелекъ мало, затопалъ копытами да какъ гаркнетъ:

— Тяни со старой шкуры сапоги, ишь подошвы-то новыя!

И сталъ это онъ, сатана, сапоги съ ногъ тя-ему, да не осилить ему, ругается, плюется, а все ни съ мѣста. Сапоги-то не разношены были, только за два дня куплены... Собрался онъ съ духомъ, уперся колѣнникомъ мнѣ въ животъ да какъ дернетъ изо всей-то силы, я ужъ думала ногу съ корнемъ оторвалъ, да только сапогъ поддался!..

Тогда другой-то, который держалъ меня за горло, придавилъ колѣномъ грудь и говоритъ: «Руби топоромъ ногу, если не осилишь»!

— Захолодѣло мое сердце, какъ услышала, что сейчасъ ногу мою будутъ рубить. Да, видно, Богу не угодно было допустить этого. Дернулъ еще разъ окаянный, сапогъ-то и соскочилъ. А потомъ бить меня стали. Избили до полусмерти. Что было со мною дальше, — не помню. Оглянулась, гляжу Рыжка у воротъ избы стоитъ, а сама я лежу на днѣ телѣги и на бокъ повернуться не могу. Голова трещить, а ноги и руки такъ болятъ, точно ихъ собаки грызутъ. Спасибо, сосѣди увидали да на рукахъ сволокли въ избу...

Для меня все было ясно. Картина нападенія, переданная потерпѣвшей, хотя и въ сгущенныхъ кра-

скахъ, подсказывала мнѣ, что шайка парголовскихъ грабителей, видимо избѣгавшая проливать кровь, состояла не изъ профессиональныхъ разбойниковъ.

Съ другой стороны, случай повторенія грабежа въ той же мѣстности разсѣялъ мои сомнѣнія въ распаденіи шайки и вернулъ мнѣ надежду изловить ея участниковъ.

Дня черезъ три я распорядился, чтобы къ ночи была готова обыкновенная, запряженная въ одну лошадь, телѣга, — такая, въ которой чухны возягъ въ городъ молоко. Телѣга должна была быть съ сильно скрипучими колесами. Въ нее положили два пустыхъ боченка изъ подъ молока, нѣсколько рогожъ и связку веревокъ.

Для экспедиціи я выбралъ состоявшаго при мнѣ бравого унтеръ-офицера Смирнова и отличавшагося необычайной силой городского Курленко.

Переодѣвшись вечеромъ, дома, въ полушубокъ, я уже собирался выходить, когда случайно брошенный взглядъ на Курленко заставилъ меня призадуматься...

— А что, если грабители не рѣшатся напасть на мужчину, да при томъ на такого коренастаго, каковъ этотъ хохоль? — подумалъ я.

— Курленко, ты женатъ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе!

— Иди живо домой, одѣнь кофту и юбку жены, а голову повяжи теплымъ платкомъ.

Полное недоумѣніе выразилось на широкомъ, румяномъ, съ еле замѣтной растительностью лицѣ полицейскаго. Но исполнять приказанія онъ привыкъ безъ размысленій и съ изумительной быстротой.

Возвратясь обратно въ кабинетъ, я присѣлъ за письменный столъ и началъ думать о предстоящей экспедиціи. Вдругъ слегка скрипнула дверь, и на порогъ появилась толстая, румяная баба.

...Слегка скрипнула дверь и на порогъ появилась толстая, румяная баба.

— Что тебѣ тутъ надо? — спросилъ я.

— Изволите меня не признать, ваше высокоблагородіе, — вытянувъ руки по швамъ, зычнымъ голосомъ проговорила незнакомка.

Я не могъ не улыбнуться: Курленко, въ бабьемъ одѣяніи, со своей солдатской выправкой, былъ безподобенъ!..

— Ну, теперь въ путь! Меня вы обождите у московскихъ казармъ!

Переждавъ полчаса, я вышелъ изъ дому.

Въ три четверти часа извозчикъ довезъ меня до московскихъ казармъ, а отсюда, отпустивъ возницу, я побрелъ по Сампсоніевскому проспекту впередъ.

Схватка на шоссе.

Темнота ночи не позволяла видѣть даже ближайшіе предметы, и я только тогда различилъ знакомую мнѣ телѣгу, когда наткнулся на нее.

Я присоединился къ сидящимъ въ ней двумъ моимъ тѣлохранителямъ, и мы, молча, тронулись въ путь.

У Новосильцевской церкви я велѣлъ пріостановить лошадь, такъ какъ пора было ознакомить мою команду съ предстоящей ей дѣятельностью.

— Ты, Курленко, пойдешь рядомъ съ телѣгой... Смотри внимательно по сторонамъ и будь насторожѣ, на случай внезапнаго нападенія. Если придется защищаться, пусти въ дѣло кистень, но имъ не злоупотребляй: бей не на смерть, а лишь бы оглушить, — счелъ я необходимымъ предупредить хохла, зная, какая у него тяжелая рука...

— Ты же, Смирновъ, ляжешь рядомъ со мной въ телѣгѣ, а тамъ видно будетъ, что тебѣ дѣлать.

— Закрой же насъ рогожей, а ты, Смирновъ, поубери ноги... Ну, теперь трогай шагомъ!

Глухая тишина и глухая ночь стояли вокругъ. Только скрипъ колесъ нашей телѣги нарушалъ это безмолвіе...

Мы миновали второе Парголово и въѣхали въ сосновую рошу. Пора было и поворачивать обратно. Я уже собрался было сдать распоряженіе о поворотѣ лошади, какъ вдругъ, вблизи насъ, раздался легкій свистъ.

— Будьте готовы! — шепнулъ я.

Предупрежденіе оказалось своевременнымъ.

Едва Курленко успѣлъ вынуть изъ кармана своей женской кофты кистень, какъ былъ схваченъ злоумышленникомъ за горло; двое другихъ окружили телѣгу, а четвертый держалъ подъ уздцы лошадь.

Курленко, выдавшій на своемъ вѣку и не такіе еще виды, ничуть не растерялся предъ черной рожей грабителя и съ плеча ударилъ его въ ухо. Грабитель съ глухимъ стономъ, какъ снопъ, свалился на землю.

Такая расправа «чухонки-бабы», видимо, привела въ нѣкоторое замѣшательство двухъ товарищей лежавшаго безъ признаковъ жизни злодѣя, но, послѣ секунднаго колебанія, они, въ свою очередь, бросились на Курленко.

Наступила пора дѣйствовать и намъ. Первымъ выскочилъ изъ телѣги Смирновъ, а за нимъ я.

Я думалъ, что одно наше появленіе обратитъ въ бѣгство нападающихъ; но разбойниками овладѣла ярость, и они, не видя у насъ въ рукахъ оружія, видимо, рѣшились на кровавую расправу, пустивъ въ ходъ противъ насъ ножи и знакомую мнѣ толстую дубину.

Но и мои люди, не разъ подвергавшіеся нападеніямъ, прошли хорошую школу, и всѣ приемы самообороны были ими на опытъ изучены до тонкости.

Смирновъ ловко уклонился въ сторону отъ бросившагося на него съ поднятымъ ножомъ бродяги, такъ что ножъ, направленный въ горло, скользнулъ лишь по спинѣ Смирнова, прорѣзавъ ему, благодаря толстому полушубку, только кожу у лопатки; а когда грабитель замахнулся ножомъ второй разъ, то бравый унтеръ ударомъ ноги въ животъ сшибъ противника съ ногъ, и нападающій завертѣлся волчкомъ отъ боли.

Пока Смирновъ вязалъ веревками побѣжденныхъ, я съ Курленко старался обезоружить моего старого знакомаго «Митрича», котораго я сейчасъ же узналъ.

Сдать это было не легко: онъ отлично владѣлъ суковатой, длинной дубиной и не подпускалъ насъ на близкое разстояніе. Дубина уже два раза задѣла Курленко, желавшаго ее вырвать. Митричъ свирѣпѣлъ и неистово отмахивался.

Стрѣлять мнѣ не хотѣлось. Я рѣшилъ овладѣть Митричемъ иначе. Въ рукахъ у меня была веревка. Сдать петлю — было дѣломъ одной минуты... Я изловчился и накинулъ петлю на Митрича. Еще одинъ взмахъ дубиной... и затянутый петлей вокругъ шеи Митричъ зашатался и упалъ. Чтобы не задѣшать его, я снялъ тотчасъ же петлю и затѣмъ связалъ ему, съ помощью Курленко, ноги и руки.

Четвертый злоумышленникъ, державшій лошадь, благоразумно далъ стрѣчку въ самомъ началѣ схватки. Преслѣдовать его въ такую темную ночь было бесполезно.

Покончивъ эту баталію, мы привели въ чувство одного изъ трехъ бродягъ, наиболѣе пострадавшаго отъ руки Курленко и, сложивъ эту живую кладь на телѣгу, тронулись въ обратный путь, вполне удовлетворенные результатами ночной экскурсіи.

Покаявшийся „чортъ“.

На утро я приступилъ къ допросу и началъ его, конечно, съ Митрича...

Городовой ввелъ ко мнѣ рослаго и плечистаго дѣтину, который при входѣ скользнулъ по мнѣ глазами, а затѣмъ отвелъ взглядъ въ уголъ. На угрюмо-вызывающемъ лицѣ его сохранились слѣды сажи и красной краски... Я невольно улыбнулся...

Городовой вышелъ и оставилъ насъ однихъ:

— Ну-съ, какъ же тебя звать? — задалъ я обыкновенный вопросъ.

— Не могу припомнить!.. послѣдовалъ отвѣтъ.

— Гм!.. Вотъ какъ!.. Забылъ, значитъ?.. Какъ же это такъ?

— Да такъ!.. Имя больно хитрое попъ, когда крестили, далъ... Пока несли изъ церкви домой, я и забылъ, а пока сюда попалъ, такъ и совсѣмъ позабылъ...

— Тэ-э-экъ-съ, — протянулъ я: — что же это ты, бѣдняга непомнящий, по ночамъ съ дубиной на большой дорогѣ дѣлаешь?..

— Ничего... Такъ... Хожу, значитъ, по своимъ надобностямъ...

— Какая же такая надобность у тебя была вчера, напримѣръ, когда ты напалъ съ шайкой на нашу телѣгу.

— И никакой шайки я не знаю, и никакого нападенія-то не было... Такъ, просто подошелъ попросить, чтобъ подвезли... А на меня, вдругъ, какъ накинута... Я думалъ разбойники!..

— Вотъ какъ!.. Притомился, значитъ, по дореженькѣ, подломились рѣзвы ноженьки, захотѣлось подѣхаться... А на него бѣднаго нападаютъ, какъ

на какого-либо разбойника... Вѣдь такъ? — сказалъ я...

— Именно такъ-съ!

Наступило молчаніе... Преступникъ стоялъ и глядѣлъ въ уголъ, а я злорадно думалъ: «постой же, вотъ я тебѣ покажу «забылъ», мерзавецъ... Вотъ я тебя ошпарю»...

Я вдругъ всталъ и рѣшительно выпрямился:

— А ну-ка, Митричъ, погляди-ка на меня хорошенько! Не узнаешь ли?.. — внушительно проговорилъ я, отчеканивая каждое слово...

Допрашиваемый какъ-то вздернулъ всемъ корпусомъ и взглянулъ на меня широко раскрытыми глазами:

— Не могу знать, ваше благородіе, — быстро проговорилъ онъ...

— Но, вѣдь, ты — Митричъ? — спросилъ я.

Глаза у него забѣгали... Онъ попробовалъ усмѣхнуться, но усмѣшка вышла какая-то кривая...

— Что жъ!.. Пускай, по вашему, буду и Митричъ, ежели вамъ угодно, вамъ лучше знать... — началъ говорить онъ...

— Да, да!.. Именно мнѣ лучше знать. И я знаю, что ты — Митричъ. Да и меня ты долженъ знать! Погляди-ка внимательнѣе...

Митричъ вскинулъ на меня уже смущенный и недоумѣвающий взглядъ...

— Не могу припомнить! — проговорилъ онъ.

— Ну, такъ я тебѣ помогу припомнить. Гдѣ ты былъ ночью 15-го августа, въ самый праздникъ Успенья Пресвятой Богородицы?

— Въ гостяхъ у товарища!

— Не грѣши и не ври, мерзавецъ! — проговорилъ я грозно: — не въ гостяхъ, а съ топоромъ на большой дорогѣ провелъ ты этотъ великій праздникъ... свой престольный праздникъ! — подчеркнул я...

Митричъ изумительно посмотрѣлъ на меня и началъ блѣднѣть, а я, не давая ему опомниться, продолжалъ:

— Разбойникомъ, кровопійцей засѣлъ ты на большой дорогѣ, чтобы грабить и убивать. Какъ самый послѣдній негодяй и самая жестокая, безсмысленная скотина, бросился ты на безоружнаго, одинокаго съ топоромъ! Только потому чѣловѣка не убилъ, что... «нехотѣлось въ такой праздникъ рукъ марать» — сказалъ я, не спуская съ него глазъ и отчеканивая каждое послѣднее слово.

— Да неужто это были вы, ваше благородіе! — почти со страхомъ произнесъ Митричъ, отступая шагъ назадъ...

— Ага! Узналъ, небось!

Митричъ бросился на колѣни.

— Мой... нашъ грѣхъ!.. Простите! — пробормоталъ онъ.

Вижу я, что надо ковать желѣзо, пока горячо.

— Ну, а ограбленная и избитая чухонка, вѣдь, тоже дѣло вашихъ рукъ?... Да говори смѣло и прямо: я все знаю. Признаешься, — тебѣ же лучше будетъ!

— Повинны и въ этомъ! — хмуро проговорилъ все еще не пришедшій въ себя Митричъ.

Шагъ за шагомъ затѣмъ удалось мнѣ выпытать у него о всѣхъ грабежахъ этой шайки. Грабили большей частью проѣзжающихъ чухонъ, которые, вообще говоря, не жаловались даже на эти грабежи.

— Почему такъ?

— Да видите, ваше благородіе, они думали, что мы всамдѣлишныя черти! — пояснилъ Митричъ.

Я вспомнилъ объ этомъ маскарадѣ и потребовалъ дальнѣйшихъ поясненій.

— Да, правду говорить, ваше благородіе, не хотѣлось намъ напрасно кровь проливать... Намъ бы

только запужать на смерть, чтобъ потомъ въ полицію, не доносили. Вѣдь, на нечистую силу не пойдешь квартальному заявлять!.. Ну, вотъ, для этого самого и комедь эту играли...

— Но, вѣдь, со мной-то вы не комедь играли? Вы, дѣйствительно, убить собрались? А?..

Митричъ почесалъ за ухомъ.

— Да, оно того... сумнительно намъ стало, — проговорилъ онъ нерѣшительно.

— Значить, если бы не праздникъ, то капутъ? — спросилъ я уже весело.

Митричъ отвелъ глаза въ сторону и замолчалъ.

Благодаря показанію Митрича, дѣло разъяснилось быстро. Личности задержанныхъ были установлены. Былъ въ тотъ же день арестованъ и четвертый изъ «чертей».

Оказалось, что это были уволенные въ запасъ солдаты. По окончаніи службы, они, промотавъ бывшія у нихъ на дорогу деньги, рѣшили попытать счастья на большой дорогѣ и вернуться на родину съ «капиталами». Не попадись они въ послѣднемъ дѣлѣ, — ихъ не легко было бы разыскать, такъ какъ они уже рѣшили не откладывать болѣе отъѣзда. На пай cadaго приходилось по 60 рублей, и этой суммой они рѣшили удовлетвориться...

Изъ награбленнаго у меня мнѣ удалось, все же, разыскать часы съ цѣпочкой, перешедшіе чуть ли не въ шестыя руки...

Солдаты-убийца.

13-го июня 1859 года по Выборгскому шоссе, въ 3-хъ верстахъ отъ Петрограда, былъ найденъ трупъ съ признаками насильственной смерти, а за этимъ, въ ночь съ 13-го на 14-е, на дачѣ купца Х—ра, подлѣ самой заставы, черезъ открытое окно неизвѣстно кѣмъ была похищена разная одежда: два лѣтнихъ мужскихъ пальто, брюки, полусапожки, шляпа, зонтикъ и дамское сѣрое пальто.

Графъ Шуваловъ оба эти дѣла поручилъ мнѣ для разслѣдованья и розыска преступниковъ.

Я тотчасъ отправился на мѣсто преступленія.

По Выборгской дорогѣ, совсѣмъ недалеко отъ Петрограда, сейчасъ же у канавки лежалъ трупъ убитаго.

Убитый лежалъ на боку, голова его была проломлена, и среди сгустковъ крови виднѣлся мозгъ и торчали черепныя кости.

По виду это былъ типичный чухонецъ.

Я сталъ производить внимательный осмотръ.

Шагахъ въ пяти у края дороги, на камнѣ, я увидѣлъ несомнѣнные слѣды крови. Черная полоса тянулась до самаго мѣста нахождения трупа.

А оглядѣвшись еще немного, я нашелъ на днѣ канавки топоръ, на обухѣ котораго вмѣстѣ съ кровью приклеился пукъ волосъ, а подлѣ камня—дешевую корешковую трубку.

Послѣ этихъ находокъ и осмотра мнѣ ясно представилась картина убійства. Чухонецъ мирно сидѣлъ на камнѣ и, можетъ быть, курилъ трубку, когда къ нему подкрался убійца и нанесъ смертельные удары своимъ или его топоромъ.

Вѣроятно, его топоромъ,—рѣшилъ я,—потому что иначе убійца унесъ бы топоръ съ собой, дорожа все-таки вещью и боясь улики.

Сѣрая шинель.

Послѣ этого я отправился на дачу Х—ра. Это была богатая дача съ огромнымъ садомъ, стоявшая совсѣмъ подлѣ Выборгской заставы.

Садъ, окруженный невысокимъ заборомъ, выходилъ на дорогу; вдоль него тянулась дорожка къ крыльцу дачи, которая была выстроена въ глубинѣ сада, выходя только однимъ бокомъ на дворъ.

Я вошелъ въ дачу и вызвалъ хозяевъ.

Хозяевами оказались толстый нѣмецъ и молодая тоненькая нѣмка.

— А, это вы!—заговорилъ тотчасъ нѣмецъ, вынимая изо рта сигару,—очень радъ! находите нашъ вещи!..

— О, да!—пропѣла и тоненькая нѣмка,—найдите наши вещи!

— Приложу всѣ усилія,—отвѣчалъ я,—будьте добры показать мнѣ теперь, откуда была произведена кража.

— Просимъ пожалста!—сказалъ нѣмецъ,—тутъ, сюда!

Я прошелъ слѣдомъ за ними въ большую комнату съ верандой, выходившей въ садъ.

— Вотъ,—объяснилъ нѣмецъ,—здѣсь лежалъ мой пальто и ея пальто, и ея зонтикъ, корешій, съ

кружевомъ зонтикъ, а тутъ, — онъ открылъ дверь въ маленькую комнату, ведущую въ спальную, и показалъ на диванъ, — лежалъ мой теплый пальто и были ея сапожки и мои... понимаете! — онъ подмигнулъ мнѣ и показалъ на брюки, а его нѣмка стыдливо потупилась.

— Вы не можете ни на кого указать.

— Нѣтъ! у насъ честный служанка, честный дворникъ! воръ входилъ въ окошко. Сюда.

Онъ снова вернулся въ большую комнату и указалъ на окошко.

Я выглянулъ изъ окна. Оно было аршина на два отъ земли, но доступъ къ нему облегчался настилкой веранды, которая подходила подъ самое окошко.

Я перекинулъ ноги, очутился на верандѣ и спустился въ садъ, тщательно осматривая его, при чемъ со мной оказались и хозяйка, и дворникъ, и старая нѣмка-служанка. Поиски мои сразу увѣнчались успѣхомъ.

У самого забора, подъ кустами, я нашелъ брошенную сѣрую солдатскую шинель.

Я схватилъ ее и тотчасъ сталъ обыскивать. За обшлагомъ рукава я почти сразу нашелъ бумагу.

Это оказался паспортъ на имя финляндскаго уроженца Израеля Кейтонена. Больше я ничего не нашелъ, но этого для меня оказалось вполне достаточнымъ. Я попросилъ подробно описать мнѣ украденныя вещи, потомъ распрощался съ нѣмцами, сказалъ, что тотчасъ извѣщу ихъ, если найду вещи, и отправился назадъ, къ убитому, котораго уже перевезли, по моему указанью, въ Красное Село.

Приѣхавъ туда, я, никому ничего не объясняя, зашелъ поочері во всѣ кабаки и постоянные дворы, спрашивая, не видалъ ли кто Кейтонена.

— Третьяго дня онъ у меня работалъ, — сказалъ

мнѣ, наконецъ, одинъ изъ зажиточныхъ крестьянъ, — дрова колоть. А тебѣ на что?

— А вотъ сейчасъ узнаешь, — отвѣтилъ я ему и повелъ его къ трупу.

Крестьянинъ тотчасъ призналъ въ убитомъ Кейтонена, работавшаго у него. Я лично и не сомнѣвался въ этомъ.

Первый шагъ былъ сдѣланъ: личность убитаго выяснена.

Я поѣхалъ домой.

Солдатская шинель и въ рукавѣ ея паспортъ убитаго.

Несомнѣнно, человѣкъ, совершившій убійство, совершилъ и эту кражу. Кѣмъ же онъ можетъ быть? Ясно, какъ день, что солдатъ, и солдатъ бѣглый, которому форменная шинель была только обузой.

Бѣглый солдатъ Гришка.

И вотъ, исходя изъ этихъ соображеній, я тотчасъ началъ свои поиски со справокъ во всѣхъ войсковыхъ частяхъ, находившихся въ этомъ районѣ, и въ тюрьмахъ, а на другой день я получилъ сообщеніе, что въ ночь на 12-ое число изъ красносельской этапной тюрьмы бѣжалъ арестантъ, рядовой Вологодскаго пѣхотнаго полка Григорій Ивановъ.

Я немедленно отправился въ красносельскую тюрьму и взялъ свѣдѣнія объ этомъ Ивановѣ.

Для меня уже не было сомнѣнія, что убійца и воръ — Ивановъ.

Оказалось, что онъ раньше этой тюрьмы содержался въ Петроградскомъ тюремномъ замкѣ подъ именемъ временно отпускного рядового Несвижскаго полка Силы Федотова и былъ задержанъ, какъ воръ и дезертиръ.

Въ тотъ же день я былъ уже въ тюремномъ замкѣ, гдѣ меня отлично знали всѣ служашіе и многіе изъ арестантовъ.

— Съ чѣмъ пришли? о комъ справляться? — радужно спросилъ меня смотритель.

Я объяснилъ.

— А, этотъ гусь! весьма возможно, что онъ. Разбойникъ чистый. Поймали его за кражу, онъ сказался Силой Федотовымъ; мы его уже хотѣли въ Варшаву гнать, да одинъ арестантъ призналъ за Иванова. Рѣшили гнать въ Вологду, а онъ оказывается изъ тюрьмы бѣжалъ. Формальный арестантъ.

Въ нашъ разговоръ вмѣшался одинъ изъ помощниковъ.

— Енъ, ваше благородіе, кажись вчера сюда приходилъ. Показалось мнѣ такъ.

Смотритель даже руками развелъ.

— Врешь ты. Не можетъ быть такого наглеца.

— Я и самъ такъ подумалъ, а то бы схватилъ. И былъ въ статскомъ весь.

— А съ кѣмъ видѣлся? — спросилъ я.

— Съ Федькой Коноваловымъ. Ему черезъ пять дней выпускъ.

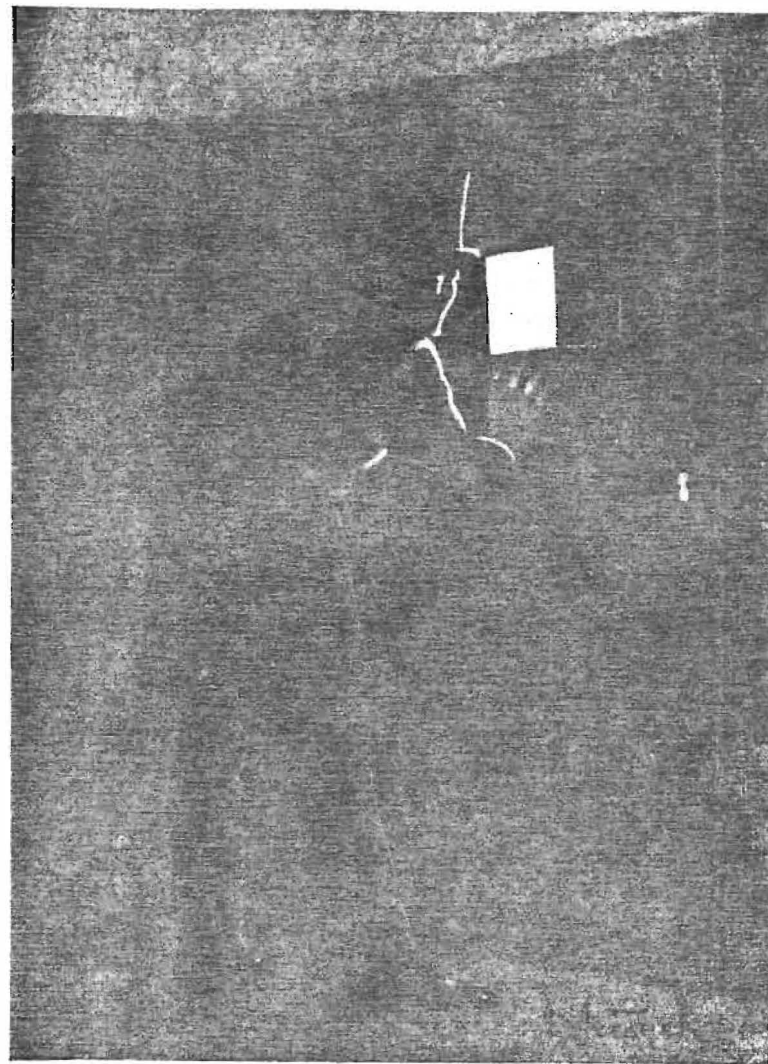
Я кивнулъ головой.

— Отлично. А не можешь ли ты, братецъ, припомнить, какъ онъ былъ одѣтъ?

— Въ статскомъ, — отвѣчалъ помощникъ, — спинжакъ коричневый и брюки словно голубыя и въ бѣлыхъ полоскахъ.

— Онъ! — невольно воскликнулъ я, вспомнивъ описаніе брюкъ, украденныхъ у нѣмца съ дачи; потомъ обратился къ смотрителю:

— Будьте добры теперь показать мнѣ этого Коновалова, но такъ, чтобы онъ этого не видѣлъ.

...Я расположился у окошка.

— Ничего не можетъ быть легче, — отвѣтилъ смотритель и обратился къ помощнику:

— Петрусенько, приведи сюда Коновалова!

— Слушаю-съ! — отвѣтилъ помощникъ и вышелъ.

— А вы, Иванъ Дмитриевичъ, — обратился ко мнѣ смотритель, — идите сюда и смотрите въ окошечко.

Онъ открылъ дверь съ маленькимъ окошкомъ и ввелъ меня въ крошечную комнатку.

Находясь въ ней, я черезъ окошко свободно видѣлъ весь кабинетъ смотрителя.

— Отлично! — сказалъ я.

Смотритель закрылъ дверь; я расположился у окошка, а черезъ минуту вошелъ Петрусенько съ арестантомъ.

Смотритель сталъ говорить съ нимъ о работѣ въ мастерской и о какомъ-то заказѣ, а я внимательно изучалъ лицо и фигуру Коновалова.

Невысокаго роста, приземистый и плечистый, онъ производилъ впечатлѣніе простоватаго парня, и только голова его, рыжая и огромныхъ размѣровъ, являлась какъ бы отличительнымъ его признакомъ.

Смотритель отпустилъ его, я вышелъ.

— Ну, что? довольны?

— Не совсѣмъ, — отвѣчалъ я, — мнѣ надо будетъ посмотреть, когда вы выпустите его уже безъ арестансткой куртки.

— Ничего не можетъ быть легче, — любезно отвѣтилъ смотритель, — приходите сюда въ 9 часовъ утра 20-го числа и увидите.

Я поблагодарилъ и ушелъ.

Планъ мой былъ неотступно слѣдить за этимъ Коноваловымъ на свободѣ и черезъ него найти Иванова.

Если Ивановъ былъ у него въ тюрьмѣ, зная, что ему скоро срокъ, то несомнѣнно, съ какими-нибудь

планами и несомненно, что Коноваловъ, выпущенный на свободу, въ первый же день встрѣтится съ нимъ.

Примѣты же Иванова, кромѣ этихъ синихъ брюкъ съ бѣлыми полосками, я узналъ отъ зрителей обѣихъ тюремъ, гдѣ онъ сидѣлъ.

Я былъ увѣренъ, что Иванъ отъ меня не уйдетъ, и позвалъ къ себѣ на помощь только шустраго Ицку Погилевича, о которомъ я уже упоминалъ въ дѣлѣ о «душителѣхъ».

Объяснивъ ему все, что онъ долженъ дѣлать, я 20-го числа, къ 9 часамъ утра, былъ уже въ тюремномъ замкѣ.

Погилевича я оставилъ на улицѣ у дверей, а самъ прошелъ къ смотрителю и опять укрылся въ коморкѣ за окошкомъ.

Коноваловъ вошелъ свободно и развязно; на немъ были сѣрые брюки и сѣрая рабочая блуза съ ремненнымъ кушакомъ.

Въ рукахъ онъ держалъ темный картузъ и узелокъ, вѣроятно, съ бѣльемъ.

Смотритель поговорилъ съ нимъ минуту, потомъ выдалъ ему нѣсколько денегъ, его заработокъ, паспортъ и отпустилъ его.

Тотъ небрежно кивнулъ ему, надѣлъ картузъ и вышелъ.

Я тотчасъ выскочилъ изъ коморки и хотѣлъ бѣжать за нимъ, но смотритель добродушно сказалъ мнѣ:

— Можете не спѣшить. Я велѣлъ попридержать его, пока не выйдете вы. А теперь, къ вашему свѣдѣнью могу сказать, что у нихъ на Садовой, въ домѣ де-Роберти, нѣчто вродѣ притона. Вчера одинъ арестантъ рассказывалъ.

Я поблагодарилъ его, поспѣшно вышелъ на улицу и подозвалъ Погилевича.

Мы съ нимъ перешли на другую сторону, и я сталъ закуривать у него папиросу.

Черезъ минуту вышелъ Коноваловъ.

Онъ внимательно поглядѣлъ по сторонамъ, встряхнулся и быстро пошелъ по направленію къ Никольскому рынку.

— Не упускай его ни на минуту! — сказалъ я Ицка, указавъ ему на Коновалова, и спокойно пошелъ по своимъ дѣламъ.

Арестъ вора-убійцы.

На другой день Ицка явился ко мнѣ сіяющимъ.

— Ну что? — быстро спросилъ его я.

— Все сдѣлалъ. Онъ вдвоемъ и въ томъ домѣ!

— Де-Роберти?

— Да, да!

— Сразу и встрѣтились?

— Нѣтъ, много работы было.

И онъ началъ рассказывать:

— Коноваловъ прошелъ въ портерную на Фонтанкѣ, у Подъяческой, и тамъ встрѣтился съ Ивановымъ, который его поджидалъ.

По описаніямъ внѣшности это былъ несомненно Ивановъ.

Ицка сѣлъ подлѣ нихъ, закрывшись газетой и подслушалъ ихъ бесѣду, которую они вели на воровскомъ жаргонѣ.

Судя по тому, что онъ подслушалъ, они сговаривались произвести какой-то грабежъ съ какими-то еще Фомкой и Авдюхой.

Послѣ этого они вышли и заходили еще въ кабаки и въ пивныя и прошли, наконецъ, въ домъ де-Роберти, гдѣ находятся и сейчасъ.

— Ну, а если ихъ уже нѣтъ? — спросилъ я.

— Тогда они придутъ туда снова, — спокойно отвѣтилъ Ицка.

Я молча согласился съ нимъ и торопливо одѣлся.

Придя въ ближайшую часть, я попросилъ у пристава дать мнѣ на помощь двухъ молодцовъ.

Онъ мнѣ тотчасъ отпустилъ двухъ здоровенныхъ жомалыхъ.

Я приказалъ имъ переодѣться въ статское платье и идти съ Ицкою, чтобы по моему или его приказу арестовать преступника.

На Садовой, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Сѣнной, находился знаменитый въ свое время домъ де-Роберти, кажется, даже не описанный и въ «Петербургскихъ трущобахъ» Вс. Крестовскаго.

А между тѣмъ, это былъ притонъ, едва ли не чище Вяземскаго дома. Здѣсь было десятка два тѣсныхъ квартиръ съ угловыми жильцами, въ которыхъ ютились исключительно убійцы, воры и бѣглецы, здѣсь содержали квартиръ занимались скупкой краденаго, дворники — укрывательствомъ, а мѣстная полиція имѣла съ жильцами этого дома доходныя статьи.

Къ воротамъ этого-то дома я и отправился сторожить свою «дичь».

Часа два бродилъ я безъ толка, пока, наконецъ, убійца не вышелъ на улицу.

Я узналъ его сразу, не увидѣвъ даже Коновалова, который шелъ позади его.

Узнавъ его, я зашелъ ему за спину и окрикнулъ:

— Ивановъ!

Онъ быстро обернулся.

— Ну, тебя-то мнѣ и надо, — сказалъ я, подавая знакъ своимъ молодцамъ, и, спустя 15 минутъ, онъ уже былъ доставленъ въ часть, гдѣ я съ приставомъ сняли съ него первый допросъ.

По началу онъ упорно называлъ себя Силой Фе-

дотовымъ и отъ всего заперся, но я сумѣлъ сбить его, запутать, и онъ сдѣлалъ, наконецъ, чистосердечное признаніе.

Всѣ мои предположенія оказались совершенно правильными.

Въ ночь съ 12 на 13-ое іюня онъ бѣжалъ изъ Красносельской этапной тюрьмы, разобравши заборъ; за нимъ погнались, но онъ успѣлъ спрятаться и на зарѣ двинулся въ путь.

Близъ дороги онъ увидѣлъ чухонца, который сидѣлъ на камнѣ и курилъ трубку.

Онъ подошелъ къ чухонцу и попросилъ у него курнуть. Чухонецъ радушно отдалъ трубку. Убійца выкурилъ ее и возвратилъ. Чухонецъ сталъ набивать трубку снова, и тогда бѣглому солдату пришла мысль убить его. Онъ поднялъ топоръ, лежавшій подлѣ чухонца, и хватилъ его обухомъ по головѣ два раза.

Удостоверившись, что чухонецъ убитъ, онъ снялъ съ него сапоги, взялъ у него паспортъ и 50 копѣекъ, сволокъ его къ сторонкѣ и зашагалъ дальше.

Не доходя заставы, онъ увидѣлъ, что въ нижнемъ этажѣ дачи открыто окно. Тогда онъ перелѣзъ черезъ заборъ, снялъ съ себя сапоги и шинель, взялъ въ руку здоровый камень и влѣзъ въ окошко.

Забравъ все, что можно, онъ надѣлъ одно пальто на себя, другое взялъ въ руку и ушелъ, оставивъ въ саду свою шинель.

Послѣ этого онъ указалъ мѣсто, куда продалъ вещи Х—ра.

— И вещи-то дрянъ, — окончилъ онъ признанье, — всего 12 руб. выручилъ.

Я разыскалъ всѣ вещи и представилъ ихъ нѣмцамъ, сказавъ, что прекрасные его брюки остались на ворѣ.

Три кошмарных убійства.

Иногда я думаю, что священникъ и врачъ, — два интимнѣйшихъ нашихъ повѣренныхъ, — не выслушали столько тайнъ, не узнали столько сокрытаго, сколько я въ теченіе моей многолѣтней служебной дѣятельности.

Старики и старухи, ограбленные своими любовницами и любовниками; матери и отцы, жалующіеся на своихъ дѣтей; развратники-сластолюбцы и ихъ жертвы; исповѣдь преступной души; плачь и раскаяніе ревниваго сердца; подло оклеветанная невинность, и подъ личиной невинности закоренѣлый злодѣй; ростовщики, дисконтеры, воры съ титулованными фамиліями; мужъ, ворующій у жены; отецъ, развращающій дочь...

Всего и не перечестъ, что прошло передо мной, обнажаясь до наготы.

Вотъ вамъ три удивительно сложныхъ по психологіи случая.

Цѣна жизни.

Въ дворницкой дома Маніушевича 27 марта 1863 г. были найдены утромъ два трупа: одинъ бывшаго въ этомъ домѣ дворника Аретія Александрова, а другой — его земляка Ефима Евстигнѣева.

Оба они оказались зарѣзанными, а имущество ихъ разграбленнымъ.

Я взялся за разслѣдованіе.

Изъ разспросовъ я узналъ, что дворникъ Аретій Александровъ отличался гостепріимствомъ и что къ нему постоянно ходили земляки и знакомые, нерѣдко оставаясь у него и на ночь.

Къ числу такихъ принадлежалъ и зарѣзанный Евстигнѣевъ.

Я тотчасъ сталъ по очереди, отъ одного къ другому, перебирать его знакомцевъ-посѣтителей, производя у кого обыскъ, а у кого простое дознаніе.

Такимъ путемъ я добрался и до Николая Клущина, государственнаго крестьянина.

При вызовѣ его я прежде всего обратилъ вниманіе на его распухшую лѣвую руку.

Когда я вызвалъ врача и мы осмотрѣли его руку, оказалось, что на указательномъ, среднемъ и безымянномъ пальцахъ у него были ранки, похожія на укусы зубами.

Я сталъ его осматривать внимательнѣе и тутъ же на брюкахъ нашелъ слѣды замытой крови.

На вопросы: откуда то и другое, онъ спутался, а черезъ полчаса уже чистосердечно каялся въ совершенномъ двойномъ убійствѣ и затѣмъ рассказалъ подробно это звѣрское, но незатѣйливое преступленіе.

20-го марта онъ пришелъ къ давно знакомому дворнику Александрову и, разговорившись, остался у него ночевать, послѣ чего ночевалъ у него еще двѣ ночи и, имѣя нужду въ деньгахъ, задумалъ лишить жизни Александрова и товарища его Евстигнѣева, такъ какъ увидѣлъ у нихъ не мало имущества. Для совершенія этого преступленія онъ купилъ себѣ ножъ, съ которымъ въ четвергъ, 24 числа, наканунѣ Благовѣщенія, и отправился къ дворнику Александрову. Изрядно выпивъ, онъ остался ночевать и улегся

спать съ крестьяниномъ Ефимомъ на нарахъ, а дворникъ Александровъ легъ на лежанкѣ. Три раза въ эту ночь Клушинъ собирался ихъ зарѣзать, но у него не хватало рѣшимости, и онъ отложилъ свое дѣло до слѣдующей ночи. И вотъ, на другой день, вмѣстѣ съ Арефіемъ и Ефимомъ, подъ вечеръ, онъ ходилъ пить чай, а по возвращеніи въ дворницкую купилъ полштофъ водки и спойлъ дворника Арефія и его товарища Ефима, имѣя въ виду, что они будутъ крѣпче спать, да и самъ при этомъ выпилъ изрядно для смѣлости.

Послѣ этого онъ опять легъ съ Евстигнѣвымъ на нарахъ, а Александровъ въ этотъ разъ отправился на дежурство. Клушинъ дождался, когда Евстигнѣвъ крѣпко заснулъ, и тогда, взявъ топоръ, лежавшій у печки въ той же дворницкой, ударилъ обухомъ спящаго Евстигнѣва въ правый високъ, отъ чего тотъ застоналъ и вздрогнулъ, а Клушинъ въ то же время перерѣзалъ ему купленнымъ ножомъ горло. Послѣ этого онъ, придвинувъ убитаго къ стѣнѣ, накрылъ его армякомъ и сталъ ждать прихода Александра съ дежурства, лежа возлѣ мертваго тѣла.

Въ два часа ночи ожидаемый дворникъ возвратился, зажегъ огонь и закурилъ трубку. Клушинъ спокойно спросилъ его: почему онъ такъ рано пришелъ съ дежурства? Александровъ отвѣтилъ, что ему разрѣшилъ это старшій городской, послѣ чего легъ на лежанку и скоро уснулъ. Уже на разсвѣтѣ, когда Клушинъ убѣдился, что Александровъ крѣпко спитъ, онъ тихо подошелъ къ нему и тѣмъ же ножомъ нанесъ однимъ взмахомъ ударъ въ шею, отъ чего Александровъ вскочилъ, замахалъ руками и закричалъ, но Клушинъ тотчасъ лѣвой рукой зажалъ ему ротъ, при этомъ пальцы его попали Александрову въ ротъ, и тотъ схватилъ ихъ зубами, но Клушинъ вторично

ударилъ его ножомъ въ грудь и повалилъ на тѣ же нары, гдѣ лежалъ зарѣзанный Евстигнѣвъ. Александровъ уже не дышалъ...

Совершивъ оба убійства, онъ уложилъ два трупа на нары и закрылъ ихъ досками, а ножъ бросилъ на печку, потомъ снялъ окровавленную рубашку и вмѣсто нея надѣлъ одну изъ принадлежавшихъ убитымъ. Затѣмъ, забравъ найденные въ сундукахъ двѣ рубашки, двое шароваръ, двѣ старыя шубы, двѣ пары сапогъ, жилетъ и деньгами шестьдесятъ копѣекъ, — со всѣмъ этимъ добромъ спокойно вышелъ изъ дворницкой, заперъ дверь висячимъ замкомъ и положилъ ключъ въ карманъ. Подъ воротами дома онъ встрѣтилъ водовоза и, чтобъ отвлечь подозрѣніе, спросилъ его, гдѣ дворникъ? На это водовозъ сказалъ: «вѣроятно, ушелъ пить чай». Затѣмъ, Клушинъ съ вещами пошелъ прямо къ Толкучему рынку и у Чернышева моста продалъ всѣ вещи неизвѣстнымъ лицамъ за 8 руб. 25 коп.

При обыскѣ у Клушина оказалось денегъ два рубля 2 коп., два замшевыхъ кошелька, мѣдные крестъ и перстень.

Такъ совершилось звѣрское, безсмысленное преступленіе за 8 руб. 25 коп.!

Преступное желаніе.

Дѣло это, такъ сказать, поражаетъ своей преступной простотой. Нѣкая дѣвица изъ чухонскъ, Екатерина Андреева, долгое время оставалась безъ мѣста и, занимаясь поденной работой, даже не имѣла опредѣленнаго мѣстожителства, переходя отъ знакомыхъ къ знакомымъ. Въ числѣ такихъ оказалась и вдова унтеръ-

офицера Агафья Мельникова, которая служила у господъ Вейнребеновъ въ кухаркахъ и за ихъ отъѣздомъ изъ города оставалась при квартирѣ для надзора за ней.

Эта-то самая Агафья Мельникова 2-го іюня 1870 г. и была найдена мертвой съ полотенцемъ на шеѣ.

Поиски начались тѣмъ же путемъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, и черезъ день Екатерина Андреева была уже въ нашихъ рукахъ и принесла полную повинность.

Дѣло оказалось до ужаса просто.

Изъ разсказа Андреевой видно, что она ночевала въ квартирѣ Вейнребена три ночи: съ пятницы на субботу, съ субботы на воскресенье и съ воскресенья на понедѣльникъ. Въ послѣднюю ночь на 1-е іюня, въ 5-мъ часу утра, ею овладѣло желаніе убить Мельникову и воспользоваться ея имуществомъ. Подъ вліяніемъ этой мысли она подошла къ спящей Агафѣ и схватила ее за горло; отъ такого движенія Агафья упала со скамейки и табуретовъ, изъ которыхъ она устроила себѣ постель, при чемъ успѣла ухватиться за рубашку Андреевой и разорвать ее, но несмотря на это послѣдняя не выпускала изъ рукъ шеи Агафьи. Когда же несчастная женщина перестала уже сопротивляться, Андреева встала ей ногами на грудь и начала бить ее каблуками. Убѣдившись, наконецъ, въ безусловной смерти Агафьи, Андреева сбросила съ себя разорванную рубашку и надѣла другую, лежавшую въ кухнѣ на комодѣ; затѣмъ, взломала комодъ въ спальнѣ, вынула изъ него семь женскихъ рубашекъ и три дюжины салфетокъ и съ этими вещами, никѣмъ незамѣченная, скрылась черезъ парадную лѣстницу. Въ тотъ же день она продала ограбленные вещи на Охтѣ за 10 руб. одному

поселенцу, живущему въ собственномъ домѣ, а деньги отдала дворнику Егору, въ д. Дмитріева, по Невскому проспекту, въ 1 уч. Рождественской части, съ которымъ находилась въ любовной связи.

Третье приводимое мной убійство не менѣе страшно, чѣмъ предыдущее, и относится къ тому же типу убійствъ, совершенныхъ по внезапно пришедшей въ голову преступной идее.

Нечистый попуталь.

20-го мая 1883 года, въ 5 ч. пополудни, въ домѣ № 20, по Караванной ул., въ квартирѣ купца Эрбштейна былъ найденъ убитымъ человекъ, оказавшійся Николаемъ Богдановымъ, оставшимся при квартирѣ Эрбштейна на время его отъѣзда.

Нашли мы убійцу, благодаря оставленному имъ старому пальто.

Убійцей оказался крестьянинъ Николай Кирсановъ, который успѣлъ уже скрыться изъ Петрограда и уѣхать къ себѣ на родину въ село Пересвѣтово, Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи.

За нимъ командировали туда двухъ чиновниковъ, которые арестовали его и привезли въ Петроградъ, въ сыскное отдѣленіе.

Здѣсь онъ безъ всякаго заpiresательства подробно разсказалъ, какъ было все дѣло.

— Надо полагать, чертъ меня въ этомъ дѣлѣ попуталь, — началъ Кирсановъ свое показаніе, — потому что допрежъ этого никакихъ такихъ мыслей мнѣ и въ голову не приходило.

Правда, любилъ я выпить и сбезобразничать, но чтобы убить или ограбить, никогда.

А тутъ и случилось...

Передъ Пасхой я потерялъ свое мѣсто, которое до того времени имѣлъ у басонщика Соснѣгова, въ 8-ой ротѣ Измайловскаго полка, и съ тѣхъ поръ оставался безъ всякихъ занятій, такъ что дошелъ до крайности. Въ виду этого я рѣшилъ какъ-либо возвратиться въ деревню и просилъ о ссудѣ мнѣ денегъ на дорогу у знакомыхъ, но всѣ они отказали мнѣ въ этой просьбѣ. Не имѣя денегъ даже на пропитаніе, я въ послѣднее время сталъ ходить по знакомымъ. Въ пятницу, 20 мая, часу въ 8-мъ утра, я пришелъ къ Николаю Богданову, живущему по Караванной улицѣ, въ домѣ № 20, и пилъ у него чай; до 12-ти часовъ дня ходилъ два раза въ погребъ Перца, на Большой Итальянской, и приносилъ по порученію Богданова каждый разъ по бутылкѣ водки, которую мы съ нимъ всю и выпили. Въ первомъ же часу Богдановъ послалъ меня купить еще сороковку и три фунта пирога въ мелочной лавкѣ въ Толмазовомъ пер., рядомъ съ питейнымъ домомъ.

Выйдя изъ упомянутой лавки, я встрѣтилъ стоявшаго у кабака неизвѣстнаго мнѣ точильщика, у котораго за поясомъ было штукъ до десяти ножей. Тутъ мнѣ пришла мысль зарѣзать Николая Богданова, чтобы достать денегъ для уплаты оброка, котораго числилось на мнѣ болѣе тридцати руб., а также и на дорогу въ деревню. Съ этой цѣлью я купилъ у точильщика за 10 или 15 коп. простой ножъ съ деревяннымъ черенкомъ и вернулся къ Богданову. Вернувшись, я съ нимъ выпилъ сороковку, и мы съѣли половину пирога, а другую оставили, и Богдановъ положилъ ее на полку, подъ кухоннымъ столомъ. Затѣмъ, онъ пригласилъ меня лечь спать, и мы легли вмѣстѣ въ спальнѣ на его кровать. Богдановъ былъ раздѣтъ, но въ сапогахъ, я тоже снялъ сюртукъ, но

брюкъ и сапогъ не снялъ: купленный мною ножъ былъ у меня въ правомъ карманѣ брюкъ. Легъ я на краю кровати и въ скоромъ времени, когда Николай лежалъ вверхъ лицомъ, закрывъ глаза, я повернулся къ нему на лѣвый бокъ, вынулъ изъ кармана ножъ и быстро нанесъ Богданову ударъ ножомъ по шеѣ.

Онъ вскочилъ съ кровати, а я въ страхѣ выбѣжалъ на кухню, куда за мной прибѣжалъ изъ спальни и Богдановъ, таща съ собой на ногахъ одѣяло и путаясь въ немъ. Вбѣжавъ въ кухню, онъ сейчасъ же упалъ всѣмъ тѣломъ на столъ около окна; я его оттолкнулъ и онъ упалъ тогда на полъ въ противоположную сторону отъ дверей, выходящихъ на черную лѣстницу. Тутъ я уже снова нанесъ ему еще другой ударъ ножомъ по шеѣ.

Послѣ этого я вошелъ въ его комнату, гдѣ со стѣнки снялъ три сюртука, жилетку, взялъ съ комода серебрянные закрытые часы на черномъ, кругломъ шнуркѣ, открылъ, затѣмъ, одинъ ящикъ въ комодѣ, въ которомъ лежали папиросы, и взялъ двѣ штуки папиросъ и 5 платковъ. Всѣ три сюртука я одѣлъ на себя въ столовой, а часы и платки положилъ въ карманы. Когда я захватилъ вещи и проходилъ изъ комнаты Богданова въ столовую, то Богдановъ былъ уже не между столомъ и плитой у окна, а между плитой и раковиной, головой къ послѣдней, и привидѣлся мнѣ чуть-чуть какъ будто приподнялся, но сейчасъ же опять легъ и перекрестился...

Ножъ я положилъ въ раковину сейчасъ же по нанесеніи Богданову второго удара. Потомъ я умылся, но чѣмъ утирался не помню, кажется, тутъ же въ кухнѣ было полотенце. Въ комнатѣ же Николая, вмѣстѣ съ сюртуками, я захватилъ и пальто его на ватѣ, обшитое плюшемъ на рукахъ, съ плюшевымъ ворот-

никомъ. Свой сюртукъ я также взялъ вмѣстѣ съ упомянутыми вещами и пронесъ все это въ столовую. Одѣвшись въ столовой въ сюртуки и упомянутое пальто, я зашелъ въ кабинетъ и тамъ, открывъ шкафъ, стоявшій недалеко отъ письменнаго стола у стѣны, взялъ изъ ящика серебрянные открытые часы, маленькіе, безъ цѣпочки, и нѣсколько какихъ-то съ костяными бѣлыми ручками штукъ и положилъ все это въ карманъ пальто.

Отсюда я прошелъ на кухню и хотѣлъ выйти по черной лѣстницѣ, но побоялся, чтобы кто-либо не встрѣтился, а потому и вернулся въ комнаты, чтобы выйти по парадной лѣстницѣ, чрезъ которую и вышелъ, хлопнувъ за собой двери. Въ квартирѣ я оставилъ свой черный сюртукъ и картузь съ суконнымъ козырькомъ. Изъ брюкъ Николая, висѣвшихъ въ спальнѣ вмѣстѣ съ моимъ сюртукомъ, я вынулъ небольшой старый кошелекъ, въ которомъ послѣ оказалось 5 руб. 25 коп. денегъ, и вышелъ изъ квартиры.

Когда я выходилъ и закрывалъ двери на парадной, то снизу смотрѣлъ швейцаръ, затѣмъ, внизу, я прошелъ мимо швейцара, и онъ смотрѣлъ на меня, когда я выходилъ изъ подъѣзда на улицу; я еще оглянулся изъ боязни, не идетъ ли онъ за мной, но онъ остался у подъѣзда. Отойдя немного отъ подъѣзда, я нанялъ извозчика къ Николаевскому вокзалу за 25 к., но, переѣзжая чрезъ Аничкинъ мостъ, велѣлъ ему ѣхать по Графскому пер., чтобы зайти въ кабакъ. Тамъ я выпилъ осьмушку, а извозчику далъ бутылку пива. Потомъ я выѣхалъ на Лиговку къ какому-то трактиру, заходя весьма часто по дорогѣ въ кабаки. На Лиговкѣ, въ трактирѣ, также выпилъ, выйдя же изъ трактира нанялъ другого извозчика въ Ново-Александровскій рынокъ, гдѣ на Толкучкѣ, у торговли, купилъ брюки, отсюда пошелъ въ баню, у того же

рынка, и тамъ, въ номерѣ, за 75 коп. вымылся, замылъ кровь на розовой рубашкѣ, а послѣ этого пошелъ въ парикмахерскую и сбрилъ бороду.

Продѣлавъ все это, убійца нѣсколько дней бродилъ по разнымъ мѣстамъ и потомъ уѣхалъ на родину, гдѣ и былъ арестованъ.

Бѣглый солдатъ—убійца.

Темная октябрьская ночь.

У подножья старой царскосельской этапной тюрьмы мѣрно шагаетъ часовой... Осенній вѣтеръ свиститъ между построиками тюремнаго зданія, перебрасывается на стоящій почти рядомъ съ тюрьмой лѣсъ и гуляетъ по его шелестящимъ верхушкамъ...

Темень такая, что даже привыкшій уже къ ней глазъ часового еле-еле разбираетъ невысокій деревянный заборъ, которымъ окружена тюрьма. До смѣны еще добрыхъ два часа, а тяжелая, неодолимая дремота такъ и подкрадывается, такъ и смежаетъ очи.

Часовой приостановился, опустил ружье къ ногѣ и оперся на него.

Побѣгъ изъ тюрьмы.

Вдругъ, сквозь шумъ и завыванье вѣтра, послышался какой-то шорохъ и паденіе... Какъ будто изъ окна тюрьмы свалился на землю мѣшокъ съ пескомъ.

Часовой вздрогнулъ и напряженно оглянулся... Ничего... Но онъ слышалъ несомнѣнно какой-то подозрительный шумъ и быстро зашагалъ по направлению, откуда къ нему донеслось это. Прошелъ пять шаговъ, десять—ничего... Но вотъ, совершенно отчетливо послышались шумъ и трескъ у ограды, окружающей дворъ. Кто-то, какъ кошка, взбирался на нее. Зрѣніе возбужденнаго часового напряглось

до чрезвычайности... Совершенно ясно онъ неожиданно замѣтилъ, какъ надъ заборомъ поднялась какая-то темная фигура, готовясь перепрыгнуть...

«Бѣгство!..» мелькнуло молніей въ его головѣ. Часовой мгновенно вскинулъ ружье, прицѣлился и выстрѣлилъ.

Тюрьма оживилась... Всюду забѣгали, забили тревогу...

— Арестантъ бѣжалъ! — отчаянно прокричалъ часовой.

Дежурный офицеръ немедленно снарядилъ отрядъ изъ четырехъ человѣкъ для поимки бѣжавшаго.

Но гдѣ было искать? Арестантъ бросился въ лѣсъ, нашедшійся не болѣе 200 сажень отъ тюрьмы и скрылся.

Темнота ночи покровительствовала бѣглецу. Въ двухъ шагахъ едва можно было разглядѣть человѣка, а въ лѣсу и ровно ничего не было видно.

Полусонные солдаты, побродивъ наудачу съ часъ времени, вернулись обратно и доложили по начальству, что поиски ихъ успѣхомъ не увѣнчались...

Я въ то время былъ еще приставомъ и о побѣгѣ узналъ изъ официальной бумаги, гдѣ было сказано, что въ ночь съ такого-то на такое-то октября изъ такой-то тюрьмы бѣжалъ важный арестантъ Яковъ Григорьевъ, дезертиръ, зарекомендовавшій себя, какъ самый опасный преступникъ. Этой же бумагой мнѣ предписывалось его разыскать и арестовать.

Обстоятельства бѣгства показали, что дѣло приходится имѣть съ отчаяннымъ, сильнымъ и ловкимъ человѣкомъ. Исторія же жизни этого человѣка, съ которой, волей-неволей, мнѣ пришлось познакомиться, показала, что, дѣйствительно, приходилось имѣть дѣло съ типомъ мошенника и преступника не совсѣмъ зауряднаго сорта.

Яковъ Григорьевъ — крестьянинъ по происхожденію, но хорошо грамотный, что было рѣдкостью въ тѣ времена, былъ уже унтеръ-офицеромъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Но этотъ чинъ ему пришлось носить не долго.

Женщины и пьянство привели къ тому, что, попавшись въ пустой кражѣ въ домѣ терпимости, онъ былъ разжалованъ въ рядовые.

Это его обидѣло.

Не желая въ первые дни послѣ разжалованія нести службу рядового, онъ задумалъ лечь въ госпиталь, но времена были строгія, и докторъ, найдя его совершенно здоровымъ, отказалъ ему въ этомъ. Яковъ Григорьевъ, не долго думая, схватилъ первую попавшуюся ему подъ руку доску и замахнулся ею на доктора. Если бы не подоспѣлъ дежурный по караулу, доктору пришлось бы плохо. За такой проступокъ Григорьевъ, и то «по снисхожденію», былъ наказанъ 50-тью ударами розогъ. Послѣ этого онъ рѣшилъ во что бы то ни стало бѣжать изъ полка. Это рѣшеніе онъ и не замедлилъ привести въ исполненіе.

Послѣ бѣгства Григорьевъ началъ заниматься воровствомъ и мошенничествомъ, проживая въ Петроградѣ съ фальшивымъ паспортомъ на имя москвскаго мѣщанина Ивана Иванова Соловьева. Жилъ онъ обыкновенно за Нарвской заставой у содержателя харчевни Федора Васильева, близъ станціи «Четырехъ Рукъ».

Нѣсколько разъ его забирали даже въ полицію, но каждый разъ его личность, какъ мѣщанина Ив. Ив. Соловьева, удостовѣрялъ упомянутый содержатель харчевни. Онъ же, какъ оказалось, принималъ у него краденныя вещи и сбывалъ ихъ. Григорьева же, именующаго себя Соловьевымъ, за неимѣніемъ суще-

ственныхъ уликъ, освобождали. Такъ тянулось нѣсколько лѣтъ...

Но, вотъ, вздумалось какъ-то Григорьеву-Соловьеву съѣздить въ Новгородъ, гдѣ онъ началъ свою службу, и тамъ, «на родинѣ», попробовать счастья. Тутъ-то съ перваго раза ему и не повезло.

Ночью, черезъ открытое окно, забрался онъ въ квартиру чиновника Лубова и началъ шарить на письменномъ столѣ. На бѣду вора, чиновнику въ эту ночь почему-то не спалось. Замѣтивъ въ сосѣдней комнатѣ незнакомца, отворяющаго его письменный столъ, чиновникъ неслышно прокрался на черный ходъ, заперъ за собой двери и, разбудивъ двухъ дворниковъ, поймалъ вора, когда послѣдній, съ внушительнымъ по виду и плотно набитымъ узломъ, занесъ уже ногу съ подоконника.

Это похождение привело Григорьева и къ установленію подлинной его личности, и къ заключенію въ царскосельскую этапную тюрьму.

Здѣсь тоже ему не повезло. Изъ всѣхъ арестантовъ онъ считался самымъ беспокойнымъ и постоянно подвергался за разные проступки дисциплинарнымъ наказаніямъ. Два раза онъ пытался бѣжать, но безуспѣшно. Наконецъ, третья попытка увѣнчалась успѣхомъ. Ему удалось раздобыться пилкой. Подпиливъ оконныя перекладки, онъ быстро спустился по трубѣ и благополучно бѣжалъ.

Трупъ на заборѣ.

Прошло послѣ этого мѣсяца три, а то и всѣ четыре.

Уже свѣтало, когда по одному изъ глухихъ переулковъ Выборгской стороны мирно шествовалъ домой ночной «стражъ» и потрескивалъ трещеткой, которая

въ то время составляла необходимую принадлежность ночныхъ охранителей столичныхъ окраинъ. Вдругъ показалась маленькая фигурка, со всѣхъ ногъ бѣжавшая по направленію къ сторожу. Это былъ мальчуганъ лѣтъ 12, съ перепуганнымъ лицомъ, еле дышавшій отъ волненія и бѣга.

— Дяденька, дяденька! — кричалъ онъ, запыхавшись, — на заборѣ удушенникъ виситъ!..

Явилась полиція. Оказалось, что на одномъ изъ безконечныхъ заборовъ, которыхъ такъ много въ этой части города, висѣло тѣло человѣка въ очень странномъ положеніи: корпусъ находился за заборомъ, а со стороны улицы виднѣлась только голова, запрокинутая лбомъ книзу, туго притянутая у шеи небольшимъ ремнемъ, привязаннымъ къ громадному гвоздю, вбитому посрединѣ забора.

Личность удушенника удалось установить. Онъ оказался чухонцемъ изъ 2-го Парголова, крестьяниномъ Лехтоненъ. Въ вечеръ, наканунѣ своей смерти, онъ ушелъ изъ дому. Гдѣ онъ былъ въ теченіе цѣлаго дня, что дѣлалъ, установить не удалось.

Освидѣтельствованіе тѣла ясно указывало, однако, что здѣсь имѣло мѣсто убійство, которое убійца, очевидно, хотѣлъ симулировать самоубійствомъ. Лехтоненъ жилъ за 2-мъ Парголовымъ съ женою и приемнымъ сыномъ. Мужчина былъ здоровый.

Первое время я не могъ обнаружить ничего. И только послѣ долгихъ розысковъ удалось обнаружить слѣдующее.

У Лехтонена была сестра, нѣкая Ахлестова, пріѣзжавшая изъ Финляндіи на нѣсколько дней въ Петроградъ и бывшая съ нимъ, какъ удалось узнать, въ день убійства, въ послѣобѣденное время, въ одномъ изъ трактировъ въ Измайловскомъ полку.

...Со стороны улицы виднѣлась только голова.

Сестра эта показала слѣдующее. Когда они вышли уже сильно навеселѣ изъ трактира, братъ ея Лехтоненъ держалъ въ рукахъ двѣ двадцатипятирублевки, которыя онъ получилъ за проданную лошадь. Въ эту минуту къ нимъ подошелъ какой-то человѣкъ высокаго роста, широкоплечій, съ маленькими темными усиками и родимымъ пятномъ на лѣвой щекѣ. Человѣкъ этотъ спросилъ у Лехтонена, который часть, затѣмъ, разговорился съ ними и, узнавъ, что они идутъ на Выборгскую сторону, сказалъ, что и ему надо идти туда.

Когда они дошли до Выборской, уже стемнѣло. Незнакомецъ предложилъ имъ зайти въ извѣстную ему сторожку на огородѣ и выпить водки. Получивъ согласіе, онъ сбѣгалъ за водкой. Въ сторожкѣ они пили, по словамъ Ахлестовой, такъ много, что она допилась до безчувствія и очнулась только ночью на сгородѣ, но, какъ она впослѣдствіи сообразила, совсѣмъ на другомъ концѣ. Думая, что въ пьяномъ видѣ она сама сюда забрела, Ахлестова не пошла искать брата, а вернулась на постоянный дворъ, гдѣ и ночевала, а на слѣдующее утро уѣхала къ себѣ домой въ Финляндію.

Какъ ни странно было поведеніе сестры убитого, уѣхавшей, не стараясь увидѣть брата, и пьянствовавшей съ нимъ въ компаніи незнакомаго мужчины, но самыя тщательныя разслѣдованія привели къ полному убѣжденію, что она говорила правду.

Явилась у меня мысль о тщетно разыскиваемомъ Григорьевѣ-Соловьевѣ. Съ одной стороны, примѣты подходили: высокій, плечистый, свѣтлые глаза... Но съ другой—темные усики, родимое пятно на лѣвой щекѣ... Ничего этого въ примѣтахъ не было.

Опять, все-таки, я началъ усиленный розыскъ въ мѣстахъ, гдѣ могъ быть этотъ преступникъ. Къ преж-

нимъ примѣтамъ добавились еще усики и родимое пятно, но... опять все было безуспѣшно... Неудачи начали меня обезкураживать, а тутъ явилась еще новая весьма-таки ловкая «штука»...

Секретный ходъ въ потолокъ.

Изъ квартиры купца Юнгмейстера, близъ Выборгской заставы, были похищены цѣнное верхнее платье и золотые часы.

Какъ была совершена эта кража, мы долго не могли себѣ уяснить.

Похищенные вещи находились въ комнатѣ, гдѣ хранились также въ денежномъ желѣзномъ шкафу процентныя бумаги и деньги хозяина квартиры. Комната запиралась особымъ французскимъ замкомъ, сдѣланнымъ по особому заказу Юнгмейстера. Окно въ этой комнатѣ не было: она освѣщалась съ потолка черезъ стеклянную раму и длинную трубу, заканчивавшуюся на крышѣ конусообразной стеклянной же рамой.

Въ промежутокъ времени, когда могла бытъ совершена кража, съ 6 до 10 час. вечера, комната была заперта, и ключъ отъ нея находился у хозяина. Стекла и рамы потолка и крыши были глухія, не открывавшіяся, и при осмотрѣ оказались цѣлыми и не поврежденными. Словомъ, воръ могъ проникнуть въ комнату только какимъ-либо «чудеснымъ» образомъ...

Несмотря на то, что мнѣ случалось уже на своемъ вѣку видѣть много ловкихъ кражъ, въ данномъ случаѣ я былъ въ недоумѣніи.

Я рѣшилъ было уже отказаться отъ надежды на пасть на какой-нибудь слѣдъ, но въ послѣднюю минуту, послѣ многихъ и тщетныхъ осмотровъ, я рѣ-

шилъ еще разъ произвести изслѣдованіе. «Вѣдь, не духи же, въ самомъ дѣлѣ, украли», думалъ я.

И вотъ, еще разъ, я одинъ отправился произвести осмотръ комнаты.

Что-то подсказывало мнѣ, что секретъ заключается именно въ самой комнатѣ.

Послѣ долгихъ, бесплодныхъ осмотровъ и размышлений я остановилъ свое вниманіе на какомъ-то квадратѣ, еле-еле вырисовывавшемся на обояхъ, почти подъ потолкомъ.

Взобрался я на шкафъ и, изслѣдуя подозрительный квадратъ, замѣтилъ, что онъ представляетъ очертанія какъ бы четырехугольной дверцы въ стѣнѣ. При помощи ножа я, дѣйствительно, открылъ эту дверцу. Оказалось, что это былъ родъ очень большой вентиляціонной трубы, но безъ вентиляторнаго колеса. Соединялась эта труба съ недѣйствовавшей уже давно дымовой трубой.

Можетъ быть, эта дверца и ведущая къ ней труба раньше имѣла и другое назначеніе (домъ недавно былъ перестроенъ), но о существованіи этой трубы никто въ квартирѣ не зналъ.

Осмотрѣвъ стѣнки трубы, я замѣтилъ отчетливые отпечатки недавняго тренія о нихъ какого-то массивнаго предмета и свѣжія царапины. Ясно было, что воръ проникъ въ комнату съ крыши именно этимъ путемъ и тѣмъ же путемъ вышелъ обратно. Очевидно, это былъ человѣкъ хорошо знакомый съ устройствомъ дома и въ особенности съ его трубами и печами. Само собой разумѣется, что я тотчасъ вспомнилъ о трубчистахъ, — и здѣсь мои розыски привели къ слѣдующему.

Подручный трубчистъ дома, гдѣ жилъ Юнгмейстеръ, дѣйствительно зналъ объ этихъ трубахъ, но клялся и божился, что туда онъ не лазилъ и ничего

не кралъ. Это, положимъ, и подтвердилось, но подтвердилось и то, что наивный трубочистъ, какъ-то, шутя, говорилъ своему знакомому и даже «пріягелю» Кондратьеву, что Юнгмейстера легко этимъ путемъ обокрасть. Кондратьевъ былъ, какъ описывалъ трубочистъ, человѣкъ высокаго роста, съ усами и съ родимымъ пятномъ на лѣвой щекѣ...

Ясно было, что я опять встрѣчаюсь со своимъ «знакомымъ незнакомцемъ»... Но гдѣ жилъ этотъ Кондратьевъ, гдѣ его можно было найти, объ этомъ трубочистъ рѣшительно ничего не зналъ, тѣмъ болѣе, что, со времени кражи и даже за нѣсколько дней до нея, онъ такъ и потерялъ своего «пріятеля» изъ виду.

Трубочистъ, однако, сообщилъ, что у Кондратьева была подруга. Но гдѣ она и чѣмъ занималась, было неизвѣстно.

Подруга грабителя.

Той порой произошло новое преступленіе.

На Невскомъ проспектѣ, недалеко отъ Лавры, нашли задушеннаго, съ пояснымъ ремнемъ на шеѣ, парня. Оказалось, что это былъ ученикъ часовыхъ дѣлъ мастера Иванъ Глазуновъ.

Изъ дознанія же обнаружилось, что вечеромъ, наканунѣ убійства, несчастный ученикъ пьянствовалъ въ трактирѣ «Старушка». У него были серебряные часы съ цѣпочкой. Съ нимъ сидѣлъ и поддерживалъ компанію рослый, плечистый человѣкъ, лѣтъ 35-ти, съ усами и родимымъ пятномъ на лѣвой щекѣ. Трактирщикъ хорошо запомнилъ его лицо.

Это былъ, несомнѣнно, опять тотъ же Кондратьевъ.

Дерзость и наглость этого злодѣя превосходили всѣ предѣлы и, однако, хотъ онъ вертѣлся тутъ же,

какъ говорится, подъ носомъ, — мнѣ не удавалось его изловить.

(58) Надо было найти женщину, подругу Кондратьева, подъ фамиліей котораго, какъ я былъ увѣренъ, скрывается Соловьевъ-Григорьевъ!

По словамъ трубочиста, подруга преступника была безъ мѣста. Я ухватился за эту мысль.

— Если она безъ мѣста, — думалъ я, — то ютится, скорѣе всего, гдѣ-либо на квартирѣ, занимаетъ, можетъ быть, «уголъ».

Я мобилизовалъ тогда своихъ агентовъ женскаго пола.

Всѣмъ женщинамъ-агентамъ была объяснена мною важность и сложность дѣла. Была обѣщана хорошая награда и былъ данъ приказъ превратиться въ немѣющихъ мѣста работницъ и слоняться по угламъ...

Результаты получились довольно быстрые.

Въ подвальномъ помѣщеніи дома Дероберти, близъ Сѣнной площади, держалъ квартиру, состоящую изъ одной комнаты и кухни, отставной фельдфебель Горупенко.

Самъ Горупенко съ женой и четырьмя дѣтьми ютился въ комнатѣ, а кухню отдавалъ подъ углы квартирантамъ.

Такихъ квартирантовъ въ кухнѣ проживало до восьми человѣкъ. Теперь же, по случаю лѣтняго времени, было лишь четверо: официантъ изъ трактира «Баварія», безмѣстный поваръ-пьяница, хромою нищей и крестьянская дѣвушка, занимавшаяся поденной стиркой бѣлья до присканія себѣ постоянного мѣста.

Къ этой-то компаніи квартирантовъ присоединилась одна изъ моихъ «агентшъ», и агентшъ опытныхъ, нѣкая Федосова, выдавая себя за работницу на папирсной фабрикѣ Жукова, гдѣ она, дѣйствительно, работала раньше, до своего выхода замужъ.

Вечеромъ, когда всѣ квартиранты были въ сборѣ, новая жилища, по требованію сожителей, должна была, какъ водится, справить новоселье, т. е. выставить водку и закусу.

Когда мужчины перепились и разошлись по угламъ, обѣ женщины разговорились.

— Охота тебѣ, милая, по стиркамъ-то ходить, — начала разговоръ Федосова.

— Да я и на хорошихъ мѣстахъ живала, — отвѣтила нѣсколько тоже подвыпившая подруга, — да нигдѣ изъ-за «моего» не держатъ: больно буенъ. Придетъ провѣдать, да и наскандалитъ, ну, а господа этого не любятъ...

— А онъ солдатъ, али пожарный, твой-то?

— Изъ солдатъ, милая! Ужъ три года съ нимъ путаюсь, ребенка прижила; каждый мѣсяцъ по 4 цѣлковыхъ чухонкѣ даю за него.

— А отецъ-то помогаетъ?

— Какъ же, какъ придетъ, бумажку, а то и двѣ сунетъ. «Пошли, говоритъ, нашему-то»... Вотъ за это онъ мнѣ больше и любъ, что ребенка жалѣетъ. А вотъ теперь мѣсяца три какъ пропадалъ, да вдругъ... вотъ приходилъ недавно, франтомъ вдругъ разрядился... да и мнѣ принесъ полусапожки женскіе и два бурнуса.

— Гдѣ ты, спрашиваю, столько пропадалъ?

— А тамъ, говоритъ, былъ, гдѣ меня теперь нѣтъ...

Марья Патрикѣва, такъ звали дѣвушку, сладко зѣвнула.

— Двѣнадцатый часъ, — проговорила она, и обѣ женщины разошлись, не смотря на то, что Федосову разсказать, понятно, заинтересовалъ.

На слѣдующее утро Патрикѣва пошла на поденную работу, а Федосова ко мнѣ.

Вечеромъ, въ десять часовъ, обѣ женщины опять сошлись, но разговоръ у нихъ не клеился.

— Что ты, Маша, сегодня скучная такая. О солдаѣ своемъ, что ли, взгрустнула? — начала разговоръ Федосова.

— Пожалуй, что ты и угадала. Яша-то мой опять за старья дѣла принялся...

— Ну, обѣ этомъ кручиниться нечего. Было бы дѣло-то прибыльное, а онъ, видишь, какіе тебѣ полусапожки въ презентъ поднесъ.

— Такъ-то оно такъ, а все опасно. Я ему и сказала, какъ онъ мнѣ недавно часы съ цѣпочкой принесъ. Яша, говорю ему, опять ты за темныя дѣла взялся, смотри, не миновать тебѣ Сибири!

— Ну, а онъ-то что на это сказалъ?

— Молчи, говоритъ, дура. И въ Сибири люди живутъ.

— Молодецъ!.. Храбрый, значитъ!.. Хоть бы однимъ глазомъ взглянуть мнѣ на дружка-то твоего; страсть это, какъ я обожаю военныхъ людей. У меня самой — военный... — съ воодушевленіемъ произнесла новая «подруга».

— На этой недѣлѣ обѣщался побывать. Жди, говоритъ, около ночи.

Всѣ эти свѣдѣнія были переданы мнѣ, и я, не сомнѣваясь, что попалъ на настоящий слѣдъ, велѣлъ строго слѣдить за домомъ Дероберти, а самъ каждый вечеръ поджидалъ прихода Григорьева.

Но время шло, а тотъ все не являлся. Маша сильно тревожилась и нѣсколько разъ высказывала Федосовой свои подозрѣнія, не попалъ ли ея Яша въ полицію.

Новое открытіе.

Прошла недѣля. На восьмой день я, взявъ съ собой городского, отправился на свой постъ. По дорогѣ, около дома Дероберти, мы нагнали человѣка въ пиджакѣ. При взглядѣ на него въ полуоборотъ я вздрогнулъ... Ростъ, блѣлое лицо съ маленькими темными усиками, большіе наглые глаза и родимое пятно на щекѣ... Положительно, подумалъ я, это онъ!..

Нельзя было терять ни минуты.

— Это ты, Соловьевъ?.. — окликнулъ я его.

— Да я, — послышался отвѣтъ, и мужчина, повернувшись, очутился со мной лицомъ къ лицу.

Я бросился на него, схватилъ его за руку, которую онъ уже опустилъ за пазуху, гдѣ оказался хорошо отточенный ножъ.

Городовой ударомъ въ бокъ сбилъ Григорьева съ ногъ. Подбѣжали дворники, и общими усилиями удалось крѣпко скрутить его руки веревкой.

На слѣдующій день, послѣ этого ареста, былъ разысканъ татаринъ, которому Патрикѣева продала вещи, а затѣмъ были найдены и вещи, похищенные у купца Юнгмейстера.

На Горсткиной улицѣ были найдены заложенными серебрянные часы съ цѣпочкой, которые принадлежали задушенному ученику часовыхъ дѣлъ мастера Ивану Глазунову.

Преступника оставалось только уличить и привести къ сознанию.

— Яковъ Григорьевъ! — началъ я свой допросъ, оставшись съ нимъ въ кабинетѣ съ глазу на глазъ. — Ты обвиняешься въ побѣгѣ изъ этапной Красносельской тюрьмы, въ убійствѣ чухонца Лехтонена на Выборгскомъ шоссе и ученика часовыхъ дѣлъ мастера

Ивана Глазунова, съ ограбленіемъ вещей, а также въ кражѣ платья и часовъ близъ Выборгской заставы у купца Юнгмейстера.

— Что изъ тюрьмы бѣжалъ — это вѣрно, а въ другомъ я не виноватъ, — отвѣтилъ онъ.

— Ну, а откуда же ты взялъ часы, которые были найдены при обыскѣ?

— Въ магазинѣ купилъ... А гдѣ, въ какомъ мѣстѣ — не припомню.

— Ну, а вещи, которыя ты передалъ Марѣ Патрикѣевой для продажи?.. Тоже купилъ?

— Никакихъ я ей вещей не передавалъ. Все вретъ баба.

И затѣмъ на всѣ вопросы, гдѣ онъ находился во все время съ момента побѣга, Яковъ отвѣчалъ «не припомню» или «былъ сильно выпивши и потому ничего не видѣлъ и не слышалъ».

— Вотъ, ваше благородіе! — вдругъ неожиданно и нагло проговорилъ онъ. — Вините вы меня въ разныхъ злодѣйствахъ да разбояхъ, а кто что видѣлъ? Противъ меня никакихъ уликъ нѣтъ! Хотите, видно, невиннаго человѣка запутать! Если бы я былъ ужъ такой душегубъ, такъ мнѣ бы ничего не стоило вотъ эту чернильницу взять, пустить въ вашу голову да и бѣжать отсюда... Семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ!..

— Бросить въ меня чернильницей ты, пожалуй, и могъ бы, да бѣжать-то тебѣ не удалось бы. У дверей тебя городской бы встрѣтилъ, — проговорилъ я, въ упоръ смотря на Якова. — А что свидѣтелей нѣтъ, это ты ошибаешься, сейчасъ ты ихъ увидишь.

Я позвонилъ. На зовъ явился городской.

— Сколько у насъ арестованныхъ?

— Шестеро, — отвѣтилъ городской.

— Введи ихъ сюда.

Когда всѣ шестеро были введены, я поставилъ ихъ рядомъ съ Яковомъ, который съ изумленіемъ глядѣлъ на все происходящее.

— Введи сюда Ахлестову, — сказалъ я.

Когда вошла Ахлестова, я обратился къ ней:

— Ахлестова, взгляните въ лица всѣхъ этихъ семерыхъ людей. Не признаете ли вы среди нихъ того человѣка, который пилъ съ вами водку въ сторожкѣ на огородѣ, на Выборгской сторонѣ, въ день убійства вашего брата?

Ахлестова внимательно стала всматриваться въ лица стоявшихъ передъ ней, и затѣмъ прямо, безъ колебанія, подошла къ Якову Григорьеву и проговорила:

— Этотъ самый человѣкъ! Я бы его изъ тысячи признала...

— Ври больше!... — со злобой въ голосѣ, стараясь, однако, скрыть свое смущеніе, сказалъ Григорьевъ.

— Введи теперь сидѣльца изъ трактира «Старушка»!

Ввели сидѣльца.

— Вы показывали, что 20-го числа въ вашемъ заведеніи пьянствовалъ Иванъ Глазуновъ, убитый въ ту же ночь въ обществѣ съ неизвѣстнымъ вамъ человекомъ, примѣты котораго вы, однако, хорошо запомнили. Взгляните внимательно въ лица стоящихъ передъ вами, не узнаете ли вы въ комъ-нибудь изъ нихъ того незнакомца, который пьянствовалъ съ Глазуновымъ?

— Это они-съ будутъ! — рѣшительнымъ тономъ сказалъ сидѣлецъ, подходя къ Якову.

Шестерыхъ арестантовъ увели, и я опять остался съ глазу на глазъ съ Григорьевымъ.

— Ну, что скажешь теперь? — обратился я къ Якову.

— Это все пустое!.. — проговорилъ онъ, тряхнувъ головой. — Все это вы нарочно придумали, чтобы меня съ толку сбить, да не на такого напали!

— Какъ знаешь, Григорьевъ! Противъ тебя очень серьезныя улики, есть даже такіе свидѣтели, о которыхъ ты и не подозреваешь...

На слѣдующее утро я приступилъ къ допросу Маріи Патрикѣевой.

Она чистосердечно рассказала, все, что знала.

— А давно ты знакома съ Яковомъ.

— Да больше трехъ лѣтъ.

— И ребенскъ есть у тебя?

— Да, мальчикъ, только не у меня онъ, отдала я его чухонцу на воспитаніе въ деревню, за 2-ымъ Парголовымъ.

— А какъ зовутъ этого чухонца?

— Лехтоненъ.

— Какъ? какъ?.. — переспросилъ я, удивленный. — Ты вѣрно запомнила его имя?

— Да какъ же не помнить. Вѣдь, я тамъ разъ пять побывала, съ годъ назадъ, положимъ... Все не успѣвала теперь...

— Хорошо ли тамъ твоему ребенку? Пожалуй, впроголодь держатъ?..

— Что вы, ваше благородіе, они его любятъ. Своихъ-то дѣтей у нихъ нѣтъ, такъ моего замѣсто родного любятъ...

— Только вотъ вчера, — продолжала Марья, — я встрѣтила въ мелочной лавкѣ чухонку знакомую изъ той же деревни, такъ она говорила, что Лехтонена убили, да толкомъ-то не рассказала...

Я рѣшилъ воспользоваться этимъ страннымъ и неожиданнымъ совпаденіемъ, чтобы черезъ Марью повліять на Григорьева.

— Ну, а я тебѣ скажу, что его дѣйствительно убили, когда онъ возвращался домой... А убилъ его отецъ твоего ребенка и твой любовникъ — Яковъ Григорьевъ!

Эффектъ этихъ словъ превзошелъ мои ожиданія. Марья зашаталась и съ крикомъ «Яша убилъ» грохнулась на полъ.

На этомъ допросъ былъ прекращенъ.

Искреннее покаяніе.

Вечеромъ того же дня я вновь вызвалъ Григорьева. Онъ вошелъ блѣдный, понурая голову, но упорно стоялъ на томъ, что ни въ чемъ не виновенъ.

Я велѣлъ ввести Марью Патрикѣеву.

— Вотъ, уговори ты его сознаться во всемъ, — сказалъ я, — онъ убилъ чухонца Лехтонена, второго отца твоего ребенка, любившаго твоего ребенка, какъ своего собственнаго.

— Яша, неужели это ты убилъ его? Вѣдь, какъ онъ любилъ нашего Митю, какъ своего родного, — захлебываясь отъ слезъ, проговорила Марья.

— Что ты, дура, зря-то болтаешь? Развѣ Митюха у него былъ? — проговорилъ тихо Яковъ.

— У него, у него... Какъ святъ Богъ, у него! Скажи мнѣ по душѣ, заклинаю тебя нашимъ малюткой, скажи мнѣ, вѣдь, ты не убійца! Не могъ ты руку поднять на него, Яша!

— Моя вина! — глухо проговорилъ Яковъ, весь дрожа отъ охватившаго его волненія. — А только, видѣть Богъ, не зналъ я, что мальченокъ-то нашъ у него воспитывался. А то бы не дерзнулъ я на него руку поднять. Упаси Богъ, не такой я разбойникъ... Видно, Богъ покаралъ... Во всемъ я теперь покаюсь. Слушайте, видѣть Богъ, всю правду скажу!

И онъ началъ свою исповѣдь.

Объ убійствѣ Лехтонена и кражѣ у купца Юнгмейстера было достаточно уже сказано раньше, но рассказъ объ убійствѣ ученика Глазунова, какъ наиболѣе характерный, привожу цѣликомъ:

— Въ шестомъ, должно быть, часу утра, — началъ свою исповѣдь убійца, — я зашелъ на постоянный дворъ, что на Сампсоніевскомъ переулкѣ, выпилъ водки, пошелъ къ Марьѣ и передалъ ей вещи купца для продажи. На вырученныя 16 р. 50 коп. я пьянствовалъ по разнымъ трактирамъ, а ночевалъ въ Петровскомъ паркѣ. На той недѣлѣ, въ одномъ трактирѣ я свелъ знакомство съ Иваномъ Глазуновымъ. Мы вмѣстѣ пили пиво и водку, и я тутъ же рѣшилъ, что убью его и возьму часы и цѣпочку, да и деньги, если найду.

Когда трактиръ стали запираеть, я вышелъ вмѣстѣ съ нимъ и сталъ его звать пойти вмѣстѣ къ знакомымъ дѣвицамъ. Онъ согласился, и мы пошли.

По дорогѣ онъ все спрашивалъ меня, скоро ли мы дойдемъ. Я ему говорю: «сейчасъ» и все иду дальше, чтобы не встрѣтить никого на пути. Какъ прошли Лавру, я тутъ и рѣшился. Далъ ему подножку, сѣлъ на него и ремнемъ отъ штановъ сталъ душить его. Сначала малый-то боролся, да силенки было мало, онъ и сталъ просить: «Не убивай», говорить, «дай еще пожить, возьми все»... да потомъ, какъ крикнетъ: «Пусть тебѣ за мою душу Богъ отплатитъ, окаянный». Тутъ я ремень еще подтянулъ, и онъ замолчалъ. Снялъ я съ него часы и кошелекъ досталъ, а тамъ всего на всего сорокъ копѣекъ денегъ. Посмотрѣлъ я на него и такая, ваше благородіе, меня жалость взяла! Лежитъ онъ такой жалкій и глаза широко раскрылъ и на меня смотритъ. Эхъ, думаю, загубилъ Божьяго младенца за

здорово живешь! и пошелъ назадъ къ Невскому, зашелъ въ чайную, потомъ въ трактиръ, а изъ трактира къ Марьѣ. Отдалъ ей часы и велѣлъ заложить ихъ, а самъ пошелъ опять шататься да пьянствовать.

Какъ передъ Богомъ говорю, ничего не знала Марья о моихъ злодѣйствахъ, не погубите ее, ни въ чемъ она не причастна.

Этой просьбой Яковъ закончилъ свою исповѣдь.

Спустя пять мѣсяцевъ, Яковъ Григорьевъ былъ судимъ и приговоренъ къ 20-лѣтней каторгѣ.

Страшная драма въ Лиговѣ.

Это двойное убійство было совершено въ ночь съ 15-го на 16-е іюня 1886 г.

Въ Лиговскомъ лѣсу, утромъ, 16-го числа былъ найденъ голый трупъ задушеннаго человѣка, а черезъ какой-нибудь часъ въ лѣсу за Пановымъ нашли еще трупъ также задушеннаго человѣка и также совершенно раздѣтый.

Первый принадлежалъ Горностаеву, а второй — молодому человѣку, студенту духовной академіи, сыну псаломщика, Василию Ивановичу Соколову.

Розыскъ былъ произведенъ по свѣжему слѣду, и убійцы вскорѣ были арестованы.

Одинъ изъ нихъ 20-лѣтній парень, служилъ стрѣлочникомъ на Балтійской желѣзной дорогѣ подлѣ Краснаго Села.

Звали его Феоктистомъ Михайловичемъ Потапьевымъ, и въ страшной Лиговской драмѣ онъ былъ только свидѣтелемъ и отчасти помощникомъ.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ его двоюродный братъ, динабургскій мѣщанинъ, Иванъ Ефимовъ Сумароковъ.

Оба они въ преступленіи сознались, и главный убійца, Сумароковъ, повѣдалъ слѣдующій страшный разсказъ:

— Приѣхалъ я къ Феоктисту, къ брату то-есть, — началъ свою повѣсть Сумароковъ, — и пошли мы съ

нимъ въ Красное Село въ трактиръ... Онъ свободнымъ былъ. Сидимъ, пиво пьемъ, а тутъ, глядь, землякъ подошелъ, Горностаевъ. Сѣлъ съ нами.

Человѣкъ онъ былъ богатый, со средствами... торговлей занимался. Я почиталъ, что при емъ рублевъ сто будетъ, а потомъ всего семь рублей и сорокъ копѣекъ оказалось.

Сидимъ пьемъ... Скоро 10 часовъ пробило. Я и говорю: ѣдемъ въ Питеръ! Ну, взяли мы изъ буфета пару пива и поѣхали. Приѣхали въ Лигово, а тутъ пересадка. Поѣзда ждать надо. Я и говорю: пойдёмъ, ребята, пиво въ лѣсу выпьемъ. Погода такая чудесная. Теплынь. Ночь свѣтлая, ясная... Ну, и пошли.

На опушкѣ сѣли и пиво выпили, а потомъ я и говорю: пойдёмъ прогуляемся въ лѣсу. Я впереди шелъ, Горностаевъ за мной, а сзади Феоктистъ. Тропка была узенькая. Въ лѣсу темно. Тутъ мнѣ и пришла на мысль убить Горностаева.

Я остановился и ногу впередъ выставилъ. Горностаевъ черезъ нее да на землю, а я вмигъ на него насѣлъ. «Что ты?» сталъ кричать землякъ, а я его носомъ въ землю, а потомъ снялъ со штановъ ремешокъ, да ему на шею и сталъ тянуть. Все это въ минуту произошло. Ну, похрипѣлъ онъ, рукой махнулъ и кончился. Задохся, то-есть. Тутъ я всталъ, началъ деньги искать. Всего 7 рублевъ съ копѣйками нашель... Послѣ этого раздѣли мы его, пальто я велѣлъ Феоктисту на себя надѣть, пиджакъ подъ свой одѣлъ, а остальную мелочь въ рубашку убитаго узелкомъ завязалъ. Сдѣлали мы все это и пошли прочь. Ъхать намъ было уже нельзя: 11 часовъ ночи было, ну, мы съ Феоктистомъ и пошли въ село Паново. Къ счастью, и кабакъ былъ еще отпертъ...

Тамошніе парни гуляли, мы тоже выпили, закусили и пошли назадъ. Только отошли, а у кабака шумъ.

Прошли еще... къ лѣсу шли... слышимъ, бѣжитъ кто-то за нами и намъ кричитъ. Мы остановились. Тутъ къ намъ молодой господинъ подбѣжалъ.

— Гдѣ, спрашиваетъ, тутъ урядникъ живетъ? меня, говоритъ, у кабака мужики обидѣли. Я жаловаться хочу. Гдѣ урядникъ?

А меня злость все сосала, что я у Горностаева денегъ не нашель. Увидѣлъ его, и сейчасъ въ головѣ мысль явилась.

— Мы, говорю, знаемъ, гдѣ урядникъ! мы вамъ покажемъ; пожалте съ нами!

Онъ и пошелъ. Пошелъ сзади и все жалуется, какъ его у кабака обидѣли.

Феоктистъ шепчетъ мнѣ:

— Куда ведешь его?

Я ему тоже шопотомъ отвѣтилъ, что къ уряднику!

Онъ такъ и поблѣднѣлъ.

Только подошли мы къ самому лѣсу, господинъ вдругъ и примолкъ. Я обернулся къ нему:

— Пожалте, говорю, къ уряднику!

А онъ какъ вдругъ откачнется, да вскрикнетъ и — побѣжалъ... Только со страху — не на дорогу, а по самой опушкѣ метнулся. Я его нагналъ и въ спину. Господинъ упалъ...

— Упалъ... — началъ снова Сумароковъ, — я, какъ и въ тотъ разъ, ему на спину, и ремень на шею. Минутъ пять лежалъ на немъ, а онъ, надо думать, чувствъ рѣшилъ. Лежитъ и хоть бы что. Только въ послѣдокъ весь задрожалъ и ногами вскинулъ.

Сняли мы съ господина всю одежду, сорочкой ему лицо прикрыли и пошли. Сперва лѣскомъ, по-

томъ на шоссе, потомъ опять въ лѣсъ. Тамъ легли спать и до 6 часовъ спали. Встали и пошли въ Петроградъ. А тутъ ломовой порожнемъ ѣдетъ. За сороковку онъ и довезъ насъ...

Вотъ какъ просто и до ужаса хладнокровно было совершено въ лѣсу, близъ станція Лигово, двойное убійство!

...Посѣтитель на цыпочкахъ прослѣдовалъ изъ кабинета.

„Золотая шкатулка“.

Въ одинъ изъ майскихъ дней, въ праздникъ, отецъ Иоаннъ П-садовъ сидѣлъ дома и благодушествовалъ. Это былъ въ свое время извѣстный въ Петроградѣ проповѣдникъ, славившійся оригинальностью и рѣдкостью своихъ проповѣдей, что собирало къ нему въ церковь всегда массу народа.

Отецъ Иоаннъ часа два только вернулся назаль изъ церкви. Онъ уже пообедалъ, перешелъ въ свой кабинетъ и благодушествовалъ...

Вдругъ въ передней звякнулъ звонокъ.

— Кто бы это могъ быть? — подумалъ про себя о. Иоаннъ.

Но въ это время въ кабинетѣ появилась прислуга и заявила:

— Батюшка, тамъ человѣкъ какой-то васъ спрашиваетъ...

— Кто такой? Что ему нужно?

— Да такъ... не разберешь... Не то господинъ, не то простой... Говоритъ, что личное дѣло есть... Очень важное дѣло... Нарочно для этого въ Петроградъ пріѣхалъ...

— Гмъ!... — въ раздумьи произнесъ батюшка. — Ну, проси...

Прислуга ушла, и черезъ минуту предъ отцомъ Иоанномъ стоялъ средняго роста сухощавый человѣкъ

съ черными, бѣгающими во всѣ стороны глазами, съ черными усами и жиденькой, черненькой же бородкой.

— Я по важному дѣлу, батюшка... По очень важному и секретному къ вамъ дѣлу.

— Что жъ, если такое важное дѣло, то рассказывайте!.. Но почему вы именно ко мнѣ обратились, а не...

— И объ этомъ сейчасъ расскажу, только, пожалуйста, глазъ на глазъ, — проговорилъ, озираясь, сухошавый человѣчекъ.

Дверь въ кабинетъ была заперта. Батюшка и неожиданный посѣтитель уединились... Что говорили они, о чемъ — неизвѣстно. Но бесѣда ихъ продолжалась часъ или два...

Наконецъ, дверь отворилась, и таинственный посѣтитель на цыпочкахъ прослѣдовалъ изъ кабинета. Отецъ Иоаннъ самъ проводилъ его до передней, и здѣсь между ними произошелъ прощальный, вполголоса, разговоръ.

— Такъ, значитъ, до 29-го?.. — спросилъ уходившій...

— Да, да... до 29-го! — подтвердилъ батюшка и захлопнулъ за гостемъ дверь...

Недосказанное заявленіе.

29-го мая того же 188... года приставъ 1-го участка К—ой части явился ко мнѣ вечеромъ и сказалъ:

— Какое-то загадочное и интересное дѣло...

— Въ чемъ дѣло?

— Да вотъ, отецъ Иоаннъ П. подалъ заявленіе въ часть... Кто-то съ нимъ ловкую штуку сыгралъ... Мы уже составили протоколъ, словомъ, все офор-

мили... Теперь ужъ, видно, вамъ придется за розыски приняться.

— А ну; покажите-ка заявленіе отца П.

Приставъ подалъ мнѣ бумагу, гдѣ я прочелъ слѣдующее:

«Мая 20-го сего года, зашелъ ко мнѣ какой-то дотолъ неизвѣстный мнѣ человѣкъ, лѣтъ около 30—40, назвавшій себя прибывшимъ изъ города Острова (Псковской губ.) тамошнимъ мѣщаниномъ, торгующимъ льномъ, Васильемъ Николаевымъ Ельбиновичемъ, который рассказалъ мнѣ о различныхъ постигшихъ его несчастныхъ обстоятельствахъ, прося меня усерднѣйше спасти его отъ угрожающей ему опасности одолженіемъ ему на одну недѣлю 2000 руб. Убѣжденный его мольбами и клятвами о возвращеніи долга черезъ одну недѣлю, я далъ ему просимое: 1300 руб. % бумагами и 700 руб. кредитными билетами и серіями, безъ всякой расписки, единственно по христіанскому состраданію къ его несчастному положенію. Но прошло болѣе недѣли и мой должникъ ко мнѣ не является. Предполагая, что въ этомъ случаѣ я обманутъ въ чувствахъ моего состраданія къ такому человѣку, котораго, можетъ, и не существуетъ въ г. Островѣ подъ названіемъ В. Н. Ельбиновича, я, вмѣстѣ съ симъ, прошу заявить о томъ и сыскной полиціи».

Прочелъ я это заявленіе, посмотрѣлъ составленные по этому поводу околоточнымъ протоколы съ опросомъ потерпѣвшаго священнослужителя и покрутилъ головой...

— Знаете, вѣдь, это все — не то, — сказалъ я приставу.

— Какъ такъ не то? — спросилъ онъ.

— А такъ. Есть здѣсь что-то недоговоренное. Ну, посудите сами: станетъ ли кто давать двѣ тысячи

рублей человѣку, пришедшему съ улицы? Доброе сердце—дѣло, конечно, хорошее. Но если въ такомъ дѣлѣ руководиться только добрымъ сердцемъ, то что же и претендовать на воспользовавшагося излишней довѣрчивостью? Если отецъ П. далъ человѣку съ бухты-барахты 2000 руб. безъ всякихъ расписокъ, безъ удостовѣренія о личности, о кредитоспособности, единственно руководясь состраданіемъ, то чего же онъ удивился, что ему не отдаютъ денегъ. Никакого такого Ельбиновича въ Островѣ, я впередъ увѣренъ, нѣтъ, и занимайтесь дальше этимъ дѣломъ сами, а я отказываюсь... Такъ и передайте отцу І. П-садову.

Приставъ ушелъ, но черезъ день или два, у меня на квартирѣ уже сидѣлъ отецъ Іоаннъ. Прежде, чѣмъ заѣхать, онъ писалъ ко мнѣ, убѣдительно прося назначить ему, въ уваженіе къ его положенію, такое свиданіе и въ такой часъ, чтобы это не было при людяхъ и не бросалось въ глаза.

Онъ былъ замѣтно взволнованъ и нѣсколько блѣденъ.

— На старости лѣтъ каяться приходится, просить совѣта и доброй услуги...—началъ онъ.—Я расскажу вамъ сейчасъ со всей откровенностью случай, гдѣ я сдѣлался жертвой самаго наглаго мошенничества...

Тайна „купца“ изъ Острова.

20-го мая, около часу или двухъ пополудни является ко мнѣ на квартиру какой-то неизвѣстный мнѣ человѣкъ, на видъ лѣтъ 30—40, судя по одеждѣ мѣщанинъ, лакей или мастеровой, и проситъ переговорить съ нимъ «по секрету, какъ на исповѣди», о какомъ-то весьма важномъ дѣлѣ. Дѣло это онъ можетъ открыть только мнѣ потому, что, живя въ

г. Островѣ, онъ много слышалъ обо мнѣ хорошаго отъ разныхъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ.

А потому никогда не бывавши, по его словамъ, въ столицѣ онъ, по совѣту какого-то живущаго въ г. Островѣ старца 93 лѣтъ, священника о. Александра, а также и по указанію тамошняго монаха-сборщика, бывавшаго въ Питерѣ, по имени о. Рафаила, рѣшился съѣсть и пріѣхать въ Петроградъ, чтобы переговорить со мной и передать мнѣ тайну, которая давно лежитъ у него на душѣ, а затѣмъ черезъ 4 часа, въ тотъ же день, возвратиться въ г. Островъ.

Принявъ его у себя въ кабинетъ и затворивъ дверь, я спросилъ его:

— Кто же вы такой, какъ васъ звать и въ чемъ ваша тайна?

— Я,—отвѣчалъ онъ,—уже говорилъ вамъ, батюшка, что живу въ г. Островѣ и занимаюсь теперь закупкой и продажей льна, который отправляю въ Ригу. А прежде я служилъ въ качествѣ управляющаго въ имѣніи графа Ш. Зовутъ меня Василій Николаевичъ Ельбиновичъ. Тайна, которую я хочу довѣрить вамъ, состоитъ въ слѣдующемъ.

Когда я жилъ у графа, то наложницей у него была полька по имени Антонина. Графъ какъ-то уѣхалъ за границу и оставилъ все свое имущество въ распоряженіи Антонины. Между прочимъ, онъ передалъ ей шкатулку съ золотыми имперіалами, тысячу на шестьдесятъ. Антонина, по отъѣздѣ графа за границу, сошлась со мной и во время пожара, который случился въ домѣ графа въ его отсутствіе, она принесла эту шкатулку съ золотомъ ко мнѣ и сказала: «спрячь ее подальше, послѣ мы воспользуемся ею».

Я взялъ шкатулку и зарылъ ее въ саду, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ отыскать ее постороннимъ было

трудно. Графу телеграфировали о пожарѣ, онъ отвѣчалъ, что золото въ огнѣ не сгораетъ, а обращается въ слитокъ, который онъ и велѣлъ отыскать и переслать ему. Но его люди все изрыли, а слитка не нашли.

Подозрѣніе пало на Антонину, стали ее допрашивать, но она никому тайны не открыла. Вскорѣ, однако, она заболѣла и, видя приближеніе смерти, открылась ксендзу, что шкатулку съ золотомъ передала мнѣ.

Антонина умерла. Когда графъ пріѣхалъ, ксендзъ, желая ему угодить, передалъ ему тайну исповѣди Антонины. Началось слѣдствіе. Меня долго судили, но при помощи адвоката, которому я заплатилъ до 10 тысячъ, дѣло рѣшилось такъ: «Меня, Ельбиновича, оставить въ подозрѣніи и слѣдить, не окажется ли у меня большихъ денегъ, о чемъ дать знать суду, а ксендза за то, что онъ открылъ тайну исповѣди, лишить сана и сослать въ Сибирь».

Вотъ теперь, батюшка, продолжалъ мнимый Ельбиновичъ, я не знаю, что и дѣлать съ зарытыми въ саду червонцами!... Совѣсть меня замучила... Открыть правду на судѣ—боюсь Сибири. И подумалъ я: зачѣмъ попуталъ меня лукавый затаить столько денегъ, когда я, слава Богу, и своими проживу. Я человѣкъ вдовый, у меня только одинъ маленькій сынъ. Если буду тратить золото въ своемъ городѣ, сейчасъ меня заподозрятъ. Какъ человѣкъ православный, я совѣтовался на исповѣди съ нашими островскими духовниками, предлагая имъ пожертвовать это золото на бѣдныхъ и на церкви, но они тоже побоялись принять столько золота. Вотъ тогда старецъ о. Александръ и совѣтовалъ мнѣ уѣхать въ Петроградъ и тамъ, черезъ какого-нибудь священника, передать эти деньги на

благотворительныя заведенія золотомъ же, или размѣнявъ его на процентныя бумаги.

А отецъ-то Рафаилъ, когда я собирался ѣхать въ Питеръ, попался мнѣ на станціи и спрашиваетъ: «ты куда, Василій Николаевичъ?»—«Въ Петроградъ, отвѣчаю, по дѣламъ. Надо мнѣ посовѣтоваться съ какимъ-нибудь умнымъ священникомъ, только никогда я тамъ не бывалъ и никого не знаю».—«А ты, вотъ, какъ пріѣдешь на Варшавскую станцію, говоритъ онъ мнѣ, спроси любого извозчика: гдѣ тутъ общество, въ которомъ живетъ о. П-садовъ? Тебѣ всякій укажетъ его».

Я такъ и сдѣлалъ, прямо съ машины да къ вамъ. Я слышалъ, батюшка, что вы во многихъ благотворительныхъ дѣлахъ принимаете участіе, такъ, не угодно ли, я 29-го мая въ 10 часовъ утра привезу вамъ шкатулку съ сорока или больше тысячами золотомъ. Вы можете его размѣнять или такъ передать его на богоугодныя дѣла, иначе деньги мои даромъ пропадутъ. А мнѣ достаньте къ понедѣльнику только 2000 рублей бумагами.

Встрѣьте меня на вокзалѣ, мы съ вами вмѣстѣ повеземъ шкатулку къ вамъ на домъ, тутъ вы мнѣ передадите 2000 рублей, и я сейчасъ же отправлюсь обратно въ Островъ.

Здѣсь отецъ Іоаннъ нѣсколько времени помолчалъ. Затѣмъ вздохнулъ и продолжалъ:

— Да!... Представьте, я ему повѣрилъ!... Мысль, что такія большія деньги, зря пропадающія, можно употребить на дѣла богоугодныя и благотворительныя, смутила меня.

Я подумалъ, обсудилъ обстоятельства дѣла, подвергъ мнимаго Ельбиновича нѣкоторому допросу и еще болѣе увѣрился въ истинѣ его словъ... и согласился...

Старикъ покачалъ головой и опять помолчалъ.

— Итакъ, 29-го мая къ 10-ти часамъ утра, — продолжалъ онъ, — пріѣхалъ я на Варшавскій вокзалъ. Смотрю, дѣйствительно, идетъ ко мнѣ навстрѣчу Ельбиновичъ со шкатулкою и тихо говоритъ: «Вотъ здѣсь ровно 30 тысячъ, а вы привезли мнѣ 2 тысячи?» — «Поѣдьте, говорю, со мной, я посмотрю, что вы привезли, и тогда дамъ вамъ двѣ тысячи». — «Ахъ, батюшка, неужели вы такой, что, получая 30 тысячъ, мнѣ не довѣряете и 2-хъ? Мнѣ сейчасъ же нужно ѣхать обратно, боюсь, за мной, кажется, слѣдятъ. Я пріѣду къ вамъ 10-го іюля непременно и тогда узнаю, какъ вы распорядились съ моими деньгами».

— По своему простодушію, — закончилъ отецъ Іоаннъ, — я довѣрился мнимому благодѣтелю бѣдныхъ, вручилъ ему пакетъ съ 2-мя тысячами, простился съ нимъ и пріѣхалъ домой.

Раскрываю шкатулку, крѣпко окованную жестию, и что же въ ней нахожу? Какую-то гарь въ родѣ коксовой пыли, а внутри кирпичъ, на которомъ надпись: «Соболевъ» — очевидно, фамилія кирпичнаго заводчика...

Выслушалъ я повѣствованіе почтеннаго батюшки, развелъ руками и невольно спросилъ:

— Неужели же вамъ, отецъ протоіерей, не пришло ни разу въ голову, что человѣкъ вамъ вретъ въ глаза, и вретъ при томъ такъ, что все его вранье, какъ говорится, бѣлыми нитками сшито?

Отецъ Іоаннъ сокрушенно вздохнулъ.

— Что подѣлаете!... Самъ теперь вижу.

— Ужъ не знаю, что удастся съ этимъ дѣломъ... — сказалъ я. — Прежде всего, вы подадите мнѣ объ этомъ форменное заявленіе и приложите опись процентныхъ бумагъ, врученныхъ вами мошеннику...

Отецъ Іоаннъ беззаботно заснулъ. Но когда я заявилъ, что все будетъ держаться въ секретѣ, батюшка просвѣтлѣлъ.

— У меня, признаться, есть и то, и другое, — сказалъ онъ, вытаскивая бумаги, — только, пожалуйста, секретъ... Вы сами понимаете...

— Понимаю, понимаю... Будьте покойны. Тѣмъ не менѣе, — продолжалъ я, — скажу вамъ откровенно: трудное это дѣло! Развѣ, что мошенникъ будетъ настолько неопытенъ, что теперь начнетъ размѣнивать процентныя бумаги, если только онъ не размѣнялъ ихъ въ день полученія же... Особыхъ, разительныхъ примѣтъ у мошенника вы не замѣтили?

— Нѣтъ! Лицо самое обыкновенное, незначительное... Жиденькая бородка, усики... Носить фуражку съ козырькомъ... съ виду похожъ и на лакея, и на мѣщанина, и на мастерового... средняго роста...

— Ну, вотъ, видите... Да такихъ тысячи ежедневно вы встрѣтите на улицѣ!

Отецъ протоіерей сокрушенно вздохнулъ.

— Да, правда! — произнесъ онъ уныло.

На этомъ мы разстались.

Старый пріемъ.

Послалъ я на всякій случай въ полицію города Острова запросъ, нѣтъ ли у нихъ такого мѣщанина Ельбиновича, сообщилъ банкамъ и конторамъ номера попавшихъ въ руки мошенника серій и билетовъ... Но дѣло на этомъ пока остановилось.

Изъ Острова, какъ я и думалъ, получилось извѣстіе, что никакого Ельбиновича у нихъ нѣтъ, и я ломалъ себѣ голову, какъ напасть на слѣдъ этого искуснаго мошенника. Не прошло и нѣсколькихъ дней,

какъ новая продѣлка этого мошенника убѣдила меня, что онъ здѣсь, живетъ и здравствуетъ въ Петроградѣ или около него.

Оказалось, что приблизительно въ тѣ же дни, когда онъ оборудовалъ «дѣльце» съ отцомъ Іоанномъ П-садовъ, точь въ точь такую же мошенническую штуку онъ продѣлалъ съ архимандритомъ Чер—го монастыря Мелетіемъ. Дѣло было такъ:

Монахъ Чер—го монастыря встрѣтилъ на Сѣнной площади неизвѣстнаго ему человѣка, который вступилъ съ нимъ въ разговоръ и сказалъ, между прочимъ, что онъ желаетъ сдѣлать большое пожертвованіе на монастырь, но предварительно хотѣлъ бы переговорить съ настоятелемъ монастыря архимандритомъ Мелетіемъ. Монахъ сообщил незнакомому, что архимандрита можно видѣть въ такой-то день и часъ въ часовнѣ Іоанна Богослова, на углу Моховой и Пантелеймоновской улицъ. Неизвѣстный явился въ назначенное время къ архимандриту и рассказалъ ему слѣдующую исторію.

Свояченица его жила на содержаніи у графа Ш. Соблазнившись его состояніемъ, она украла у него шкатулку, въ которой находилось золота на шестьдесятъ тысячъ рублей. Золото это она передала ему. Вскорѣ въ домѣ графа случился пожаръ. Когда выбрасывали вещи изъ оконъ, свояченицу его ударили нечаянно утюгомъ и убили на мѣстѣ. Утайка шкатулки была обнаружена и его судили, но «оставили въ подозрѣніи» и уже много лѣтъ слѣдятъ за нимъ, не окажется ли у него большой суммы денегъ, почему онъ желаетъ пожертвовать ихъ на монастырь... Ему же просить дать только три тысячи рублей наличными кредитными билетами...

Въ назначенный день и часъ онъ и доставилъ свою «шкатулку» съ кирпичемъ, получивъ 3000 рублей.

Словомъ, разыгралъ ту же исторію, что и съ отцомъ Іоанномъ П-садовымъ.

Подумалъ, подумалъ отецъ архимандритъ... и дѣло очутилось у меня...

Но мошенника и слѣдъ простылъ... Видно, это былъ уже «тертый калачъ». А главное—это не была какая-либо шайка. Дѣйствовалъ онъ самъ, единолично, и на стрункѣ благотворительности недурно разыгрывалъ свои дѣла...

Далъ я соотвѣтственные указанія агентамъ, но ясное дѣло, что рассчитывать на скорый успѣхъ было трудно. Оставалось ждать, что мошенникъ не удовольствуется только этими продѣлками и примется за нихъ опять.

На всякій случай я, однако, рѣшилъ черезъ своихъ агентовъ пустить среди петроградскаго духовенства слухъ, что вотъ, молъ, есть такіе люди, которые являются къ духовнымъ лицамъ съ цѣлью такого-то и такого обмана. Необходимо, поэтому, задерживать такихъ и представлять, куда слѣдуетъ. Но время шло, а мнимый Ельбиновичъ, какъ въ воду канулъ...

Отецъ П. и архимандритъ М. не разъ уже спрашивались: не слышно ли чего?

Но ничего не было «слышно», какъ ни хотѣлось мнѣ помочь духовнымъ отцамъ.

Счастливый случай.

Въ это самое время я имѣлъ нѣкоторыя непріятности.

Прокурорскій надзоръ жаловался градоначальнику на то, что управление сыскной полиціи тормозитъ дѣло съ крестьяниномъ Себежскаго уѣзда, Витебской

губ., деревни Ново-Козлово Иваномъ Москаленко. Несмотря на многократныя напоминанія, петроградская сыскная полиція не даетъ, молъ, о Москаленко справокъ, не принимаетъ мѣры къ его задержанію, хотя есть данныя предполагать, что Москаленко скрылся именно въ Петроградѣ.

Въ бумагахъ прокурора сообщалось, что чинамъ себежской уѣздной полиціи еще въ мартѣ 1884 года показалось подозрительнымъ поведеніе крестьянина Москаленко, который внезапно разбогатѣлъ послѣ кратковременнаго пребыванія въ столицѣ въ январѣ 1884 года, откуда онъ на имя жены прислалъ 500 рублей, а по приѣздѣ проявлялъ большую расточительность.

У него былъ сдѣланъ обыскъ, при чемъ были найдены деньги и разныя цѣнныя вещи, что еще болѣе утвердило полицію въ убѣжденіи, что Москаленко разбогатѣлъ путемъ преступленія... Но... Москаленко, давъ сбивчивыя показанія, скрылся. И вотъ теперь петроградская сыскная полиція запрашиваетъ, не было ли въ январѣ такихъ преступленій, въ которыхъ были бы похищены найденныя у Москаленко вещи, и не находится ли Москаленко въ столицѣ.

Не удивительно, правду говоря, что на многіе запросы себежской полиціи у насъ не отвѣчали. Запросы были составлены такъ неопредѣленно, показанія Москаленко такъ изложены, что ничего никто не могъ понять. Мало ли преступленій и воровства было въ Петроградѣ въ январѣ 1884 года!...

Тѣмъ не менѣе, когда на медленность и проволочки по этому дѣлу началъ жаловаться прокурорскій надзоръ, я взялъ дѣло подъ свое личное наблюденіе.

Пробѣжалъ бумаги и велѣлъ составить себежской полиціи, а также и представителямъ суда ясныя,

толковыя бумаги съ вопросами, отвѣты на которые намъ нужно было знать, потребованы были копіи всѣхъ полицейскихъ протоколовъ и подробныя свѣдѣнія о личности Москаленко.

Пришли отвѣты на запросы о Москаленко, и, просматривая ихъ, я убѣждался, что онъ несомнѣнно въ періодъ 1884 года занимался въ столицѣ кражами. Но вдругъ глаза мои упали еще на протоколъ, гдѣ было занесено показаніе одного изъ священниковъ Себежскаго уѣзда. Узнавъ объ обыскѣ у Москаленко и бѣгствѣ послѣдняго, онъ явился и заявилъ полиціи слѣдующее:

Къ нему явился неизвѣстный человѣкъ и разсказалъ, что служить управляющимъ въ имѣніи графа К., у котораго нажилъ большой капиталъ, что графъ судился съ нимъ изъ-за этихъ денегъ, просудилъ все свое состояніе, но спорный капиталъ остался у него и хранится въ Полоцкѣ. Средства ѣхать въ Полоцкъ у него нѣтъ, почему онъ проситъ небольшую сумму на поѣздку, обѣщая за эту услугу вознаградить съ лихвой. Священникъ повѣрилъ, далъ пятьдесятъ рублей и, конечно, послѣ того съ должникомъ своимъ не встрѣчался.

— Те-те-те!...—невольнo вырвалось у меня.—Вотъ онъ гдѣ... Ельбиновичъ-то нашъ!.. Значитъ, практиковаться-то онъ началъ съ 50-ти рублей въ провинціи, а потомъ дошелъ до «благотворительности»... Постой же, голубчикъ, ужъ теперь-то ты у меня въ рукахъ...

Я болѣе не сомнѣвался, что Москаленко, какъ опытный уже воръ, находится подъ чужимъ именемъ, конечно, въ Петроградѣ, и тотчасъ направилъ сыскъ для провѣрки, гдѣ онъ жилъ въ 1884 году, какія у кого тогда были совершены кражи, съ кѣмъ онъ вообще знался и былъ знакомъ.

„Тертый калачь“.

Вскорѣ выяснилось, что у Москаленко была любовница, вдова Антипова, съ которой онъ жилъ. Естественно было предположить, что и теперь они продолжаютъ знакомство. И я распорядился объ отысканіи этой Антиповой.

Оказалось, что живетъ она по Старо-Петербургскому проспекту въ д. № 59 и что проживаетъ съ ней мѣщанинъ Васильевъ, который и оказался, конечно, при задержаніи Москаленко... онъ же и Ельбиновичъ...

Особо большихъ денегъ въ квартирѣ у нихъ не нашли, не нашли и ничего подозрительнаго...

Въ обнаруженіи своей личности Москаленко, какъ человѣкъ не глупый, не запирался, а исторія съ отцомъ П. и архимандритомъ М. придалъ совсѣмъ таки для нихъ нежелательный характеръ...

Дѣло, по его словамъ, заключалось въ томъ, что онъ, дѣйствительно, «подѣлъ» батюшекъ, но и они его, молъ, надули!.. Одинъ сунулъ въ газетной бумагѣ вмѣсто 2.000 рублей всего 50 и то старыми бумажками, а другой—вмѣсто 3.000 рублей всего 40 рублей...

Не поздоровилось бы этимъ послѣднимъ на судѣ отъ такихъ показаній. На это мошенникъ, очевидно, и билъ...

Но я рѣшилъ во что бы то ни стало отыскать деньги.

— Врать ты можешь, сколько угодно, — сказалъ я. — Но деньги ты передалъ Антиповой! Она созналась...

— Ну, если созналась, такъ пусть ихъ покажетъ и отдастъ вамъ! — сказалъ онъ.

Очевидно, съ этой стороны ничего нельзя было подѣлать.

Но, вѣдь, и онъ, и Антипова знали же, гдѣ деньги!...

Эта послѣдняя была видная, рослая и дебелая баба, тоже выдавшая виды.

— Послушай, матушка! Деньги, вѣдь, Москаленко передалъ тебѣ. Онъ сознался. Гдѣ онъ? Сознайся и ты — лучше будетъ.

— Пусть вретъ больше! Если передалъ, то куда бы я ихъ дѣла? Не въ банкъ же понесу!.. — бойко отвѣтила Антипова.

Оба уперлись, и все тутъ...

Оставалось устроить одно: *побѣгъ* Антиповой изъ участка и прослѣдить, что она будетъ дѣлать на свободѣ.

Я приказалъ ослабить по внѣшности надзоръ за камерой. Выбравъ надежныхъ городовыхъ, я объяснилъ имъ, въ чемъ дѣло, и приказалъ притворяться пьяными, засыпать, будто бы, у дверей, не запирая ихъ, и т. д. А самъ, помимо того, пустилъ въ дѣло одну изъ своихъ опытныхъ «агентшъ», жену городского Оедосову.

Банкъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

И вотъ, въ одинъ прекрасный день камера Антиповой отворилась, и представляющійся пьянымъ городской съ бранью и проклятіями втокнулъ туда упирившуюся и кричавшую новую «арестантку». Это была моя агентша Оедосова.

Оставшись наединѣ съ Антиповой, послѣ того, какъ городской, какъ настоящую арестантку «вводилъ» ее въ камерѣ, Оедосова начала громко плакать и проклинать полицію, чѣмъ, естественно, возбудила сочувствіе Антиповой.

Слово за слово, и къ вечеру между двумя женщинами установились самыя дружескія отношенія.

Такъ прошелъ весь день и ночь.

На слѣдующій день на смѣну для караула арестантовъ вошелъ городской Оедосовъ (мужъ агентши), сильно пошатываясь и бормоча что-то невнятное.

При видѣ этого стража, Оедосова на ухо сообщила своей сосѣдкѣ, что какъ только этотъ проклятый городской уляжется на деревянную скамейку и захрапитъ, она, Оедосова, намѣрена бѣжать.

— Я знаю здѣсь всѣ входы и выходы, а этотъ пьяница будетъ лежать, какъ колодка, — добавила Оедосова.

— И я съ тобой, — проговорила Антипова, соблазняясь намѣреніемъ Оедосовой.

— Какъ хочешь! — безразличнымъ тономъ сказала послѣдняя.

Городовой началъ похрапывать, а Оедосова и не думала приводить въ исполненіе свое намѣреніе. Она о чемъ-то задумалась.

— Ну, что же ты?..

— Да вотъ думаю, что убѣжать-то мы убѣжимъ, а куда я затѣмъ дѣнусь? Полиція начнетъ разыскивать, надо на первыхъ порахъ уѣхать изъ Питера, а потомъ, когда горячка пройдетъ, можно и воротиться. Бѣда только въ томъ, что уѣхать изъ города и прожить на сторонѣ — на все это надо деньги, а у меня мѣдный пятакъ за душой... Съ нимъ далече не уйдешь!

— Ну, объ этомъ не сумнѣвайся! — съ самодовольствомъ проговорила Антипова. — Деньги у насъ будутъ. Правда, у меня съ собой въ чулкѣ всего двугривенный, но намъ только дойти до Смоленскаго кладбища, и у насъ тысячи будутъ. На все хватитъ...

— Ну, тогда медлить нечего, иди тихонько къ двери, а я за тобой. Надо наблюдать за солдатомъ. Ишь, какъ, собака, храпитъ!..

Антипова начала медленно, на цыпочкахъ, приближаться къ заветной двери, за ней слѣдовала въ трехъ шагахъ Оедосова, не спуская глазъ съ городского.

Когда Антипова пріотворила дверь изъ камеры, Оедосова, проходя мимо мужа, успѣла шепнуть: «на Смоленское кладбище» — и тотчасъ догнала Антипову, которая ничего этого не замѣтила.

Нечего и говорить, что бѣглецки безъ всякихъ препятствій выбрались на свободу изъ полицейской части и, послѣ двухчасовой ходьбы, достигли Смоленскаго кладбища.

У воротъ кладбища уже стоялъ сторожъ и какой-то молодой малый, одѣтый въ большіе сапоги и пиджакъ.

Проходя ворота, Оедосова мигнула этому незнакомцу, зорко смотрѣвшему на Антипову.

Тотъ же, въ свою очередь, сдѣлалъ знакъ рукой...

Антипова скорымъ шагомъ шла впередъ по мосткамъ кладбища.

Вотъ пятый, шестой и седьмой разряды пройдены, а Антипова все идетъ впередъ, ища глазами на заборѣ какого-то извѣстнаго ей одной знака. Оедосовой начало овладѣвать безпокойство.

Пройдя мимо 7-го разряда, Антипова на мгновенье остановилась, подошла близко къ забору и, увидѣвъ на послѣднемъ мелкую надпись краснымъ карандашомъ: «лево», свернула съ мостковъ въ лѣвую сторону и сказала слѣдующей за ней по пятамъ Оедосовой: «теперь и конецъ близокъ».

Уже всерѣло. Кладбище погружалось во мракъ, когда обѣ женщины подошли къ могилѣ съ покосившимся крестомъ.

— Муженекъ мой, покойный, здѣсь лежитъ!.. — сказала Антипова, — денежки-то стережетъ!..

Она нагнулась и начала разрывать могилу въ извѣстномъ ей мѣстѣ...

— Мы эту работу мигомъ за васъ окончить можемъ-съ!.. — сказалъ вдругъ, какъ изъ земли выросши, парень, котораго они встрѣтили у воротъ кладбища. Съ нимъ было еще два человѣка.

— Сыщики!.. Бѣжимъ!.. — съ дѣланнымъ испугомъ проговорила Федосова.

— Ну, зачѣмъ же бѣжать!.. — усмѣхнулся парень...

Женщинъ задержали, а изъ могилы вырыли пакетъ, завернутый въ газетную бумагу, съ 4-мя тысячами рублей слишкомъ... Процентныя бумаги отца П. здѣсь были всѣ до единой.

— Ну, что, матушка?!.. — сказалъ я Антиповой, когда ее привели, — не уберегъ мужъ-покойникъ денегъ-то? А?

Антипова угрюмо промолчала...

Москаленко пошелъ въ арестантскія роты.

ГЛАВНЫЙ СКАДЪ И КОНТОРА КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА

„РУБИКОНЪ“

(В. В. ФУНКЕ).

ПЕТРОГРАДЪ: Троицкая, 36, кв. 11. — Телефонъ 569-03.

МОСКВА: Пречистенка, Штатный, 20. — Телефонъ 4-10-63.

„ЛЕТУЧІЕ АЛЬМАНАХИ“.

Издательство „Рубиконъ“ задалось цѣлью дать возможность читателю, а особенно провинціальному, быть въ курсѣ современныхъ литературныхъ настроеній и вѣяній.

Памятуя, что искусство должно быть свободнымъ, независимымъ отъ какой бы то ни было политической конъюнктуры, издательство стоитъ внѣ всякой партіи.

Все, что талантливо, независимо отъ того, какой авторъ пользуется популярностью, нашло мѣсто на страницахъ „Летучихъ Альманаховъ“.

О томъ, что альманахи отвѣчаютъ запросамъ читателя, какъ по цѣнѣ, такъ и по содержанію, свидѣтельствуетъ не только то, что они расходятся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, а и то, что они встрѣчены съ большимъ вниманіемъ печатью.

Изъ массы отзывовъ, имѣющихся въ распоряженіи, мы приводимъ часть:

„Одно время говорили, будто альманахи перестаютъ интересовать читателя и что этотъ читатель требуетъ какихъ-то новыхъ формъ. Въ дѣйствительности, кажется, такое мнѣніе не можетъ быть признано основательнымъ. Читаютъ все—лишь бы только было интересно. И лучшее доказательство „Летучій Альманахъ“.

„Биржевыя Вѣдомости“. Июль, 1913 г.

„Нельзя не назвать счастливою идеею давать читающей публикѣ небольшіе сборники произведеній извѣстныхъ авторовъ и доступныхъ ей только черезъ дорогія изданія. Таковъ ужъ духъ времени и его основная тенденція демократизировать все, что относится къ культурѣ и просвѣщенію. Ничего не можетъ быть проще и понятнѣе такихъ небольшихъ альманаховъ, первое свойство которыхъ ихъ дешевизна и доступность массамъ.